

Вестник МГОУ

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ



Политология



Психология

Филология



4 / 2022

ISSN (Online) 2224-0209

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Основан в 2010 году

№ 4 / 2022

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред
(психологические науки);
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология
(психологические науки).
- 5.5.1. История и теория политики (политические науки);
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки).
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
(филологические науки).

BULLETIN OF MOSCOW STATE REGION UNIVERSITY

Founded in 2010

№ 4 / 2022

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the
Higher Attestation Commission in the following groups of scientific specialties:**

- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
(psychological sciences);
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences).
- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences);
- 5.5.2. Political institutions, processes, and technologies (political sciences);
- 5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences).
- 5.9.8. Theoretical, applied, and comparative linguistics (philological sciences).

Учредитель издания:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Московский государственный областной университет

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н. С. – д.псх.н., доц., проф. Московский государственный областной университет;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Академия геополитических проблем;

Манойло А. В. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., доц. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – к. п. н., доц., Московский государственный областной университет;

Ширинянц А.А. – д.пол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Бауэр Е.А. – д.псих.н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Скрипкина Т.П. – д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Суворова О.В. – д.псх.н., проф., Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина;

Цветкова Н.А. – д.псх.н., доц., Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Хухуни Г. Т. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет.

BULLETIN MRSU

Electronic scientific journal «Bulletin MRSU» was established in 2010.

Founder: Moscow Region State University.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № 0С77–43477.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2224-0209.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; Moscow Region State University

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of Moscow Region State University;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow Region State University;

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow Region State University;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Professor of Moscow Region State University;

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Academy of Geopolitical Problems;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. — PhD in Political Sciences, Associate Professor of Moscow Region State University;

Shirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences Lomonosov Moscow State University;

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Olga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Suvorova Olga V. — Doctor of psychological Sciences, Professor Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University, Cyril and Methodius University in Trnava, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvatiya);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Khukhuni Georgiy T. — Doctor of Philology, Professor of Moscow Region State University

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

КОНТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Абрамов А. В., Буров А. С., Бхагват Джавахар Вишну, Габдулина Б. А., Джанаева А. Э., Калфаоглу Рабия, Капицын В. М., Ким Чжунг, Кокурина О. Ю., Костина А. М., Сергазин Е. Ф., Шао Цзянина, Шапаров А. Е.</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КРИЗИСОВ.	8
<i>Головинов А. В.</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ СИБИРСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА (ОБЛАСТНИЧЕСТВА) В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.	43
<i>Кабазиев М. Ш.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЯХ ГРАЖДАН СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА.	55
<i>Комлева Н. А.</i> ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.	67
<i>Константинов М. С.</i> КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ.	80
<i>Лагузова М. А.</i> К ВОПРОСУ О ПРАКТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А. И. КОШЕЛЁВА.	96
<i>Манойло А. В.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ДИВЕРСИИ В КОНФЛИКТЕ НА УКРАИНЕ.	107
<i>Федоров В. И.</i> ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ КАК СЕТЬ КОММУНИКАЦИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ.	117
<i>Чжао Лу, У Яньбинь</i> РОЛЬ КИТАЯ И РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ И ТЕНДЕНЦИИ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА.	136
<i>Ширинянц А. А., Сорокопудова О. Е.</i> «РУССКИЙ ВОПРОС»: ФРАНЦУЗСКАЯ РУСОФОБИЯ В XIX ВЕКЕ (II)	146

ПСИХОЛОГИЯ

Скрипкина Т. П., Макаренков А. А.

АНАЛИЗ ДЕСТРУКТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОСРЕДСТВОМ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РОССИЙСКИХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ	165
--	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Каменева В. А., Морозова И. С., Коломиец С. В., Варакина Т. Е.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ОБЛАСТИ, ТАРГЕТИРУЕМЫХ ТОПОНИМИЧЕСКИМИ СИНОНИМАМИ-СТИМУЛАМИ, В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ.	176
--	-----

Павлычева Е. Д., Сорокина Э. А.

О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ В ПОРТРЕТЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА	189
--	-----

Сорокина Ю. С.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДНЕВНИК КАК ФОРМА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПЕРСОНАЖА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Д. СМИТ "I CAPTURE THE CASTLE")	201
---	-----

Царенко Н. М.

ДИСКУРС И ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР: ОПЫТ ЛИНГВОТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО И ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.	215
--	-----

POLITICAL SCIENCE

<i>Abramov A. V., Burov A. S., Bhagwat Jawahar Vishnu, Gabdulina B. A., Janaeva A. E., Kalfaoglu Rabiya, Kapitsyn V. M., Kim Chueng, Kokurina O. Yu., Kostina A. M., Sergazin E. F., Shao Jianina, Shaparov A. E.</i>	
NATIONAL IDENTITY AND PATRIOTISM IN CONDITIONS OF INTERNATIONAL CRISES	9
<i>A. Golovinov</i>	
POLITICAL IDEOLOGY OF SIBERIAN DEMOCRATIC REGIONALISM (OBLASTNICHESTVO) IN THE INTERPRETATIONS OF MODERN FOREIGN RESEARCHERS	44
<i>M. Kabaziev</i>	
TO THE QUESTION OF ETHNIC AND CIVIL POLITICAL IDENTITY OF CITIZENS OF MODERN KAZAKHSTAN	56
<i>N. Komleva</i>	
THE MAIN FORMS OF EXISTENCE OF IDEOLOGY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY	68
<i>M. Konstantinov</i>	
COGNITIVE APPROACH IN THE STUDY OF POLITICAL IDEOLOGIES	81
<i>M. Laguzova</i>	
ON THE QUESTION OF THE PRACTICAL DIRECTION OF THE CREATIVE HERITAGE OF A. I. KOSHELEV	97
<i>A. Manoilo</i>	
INFORMATIONAL DIVERSIONS IN THE CONFLICT IN UKRAINE	108
<i>V. Fedorov</i>	
ELECTRONIC VOTING: A COMMUNICATION NETWORK THAT LINKS STATE AND SOCIETY	117
<i>Chzhao Lu, U Yanbin'</i>	
THE ROLE OF CHINA AND RUSSIA IN THE ASIAN-PACIFIC REGION AND TRENDS IN CHINESE-RUSSIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE UKRAINIAN CRISIS	137
<i>A. Shirinyants, O. Sorokopudova</i>	
"THE RUSSIAN QUESTION": FRENCH RUSSOPHOBIA IN THE XIX CENTURY (II)	147

PSYCHOLOGY

T. Skripkina, A. Makarenkov

ANALYSIS OF DESTRUCTIVE INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL IMPACT THROUGH TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES ON RUSSIAN USERS	166
--	-----

PHILOLOGICAL SCIENCES

V. Kameneva, I. Morozova, S. Kolomiets, T. Varakina

COMPARATIVE ANALYSIS OF IMAGES OF THE REGION IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF STUDENTS, TARGETED BY TOPONYMIC SYNONYMS AS STIMULI	177
---	-----

E. Pavlycheva, E. Sorokina

ON SOME LINGUISTIC PHENOMENA IN THE PORTRAIT LINGUISTIC PERSONALITY OF A POLITICIAN	190
--	-----

Yu. Sorokina

FICTIONAL DIARY AS A FORM OF VERBALIZING THE EMOTIONAL STATE OF THE CHARACTER (BASED ON THE NOVEL BY D. SMITH "I CAPTURE THE CASTLE")	202
---	-----

N. Tsarenko

DISCOURSE AND DISCURSIVE MARKERS: EXPERIENCE OF LINGUISTIC, TERMINOLOGICAL AND LINGUISTIC-HISTORICAL ANALYSIS.....	216
---	-----

УДК 316.347

Абрамов А. В., Буров А. С., Бхагват Джавахар Вишну, Габдулина Б. А., Джанаева А. Э., Калфаоглу Рабия, Капицын В. М., Ким Чжуёнг, Кокурина О. Ю., Костина А. М., Сергазин Е. Ф., Шао Цзянина, Шапаров А. Е.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КРИЗИСОВ

АННОТАЦИЯ

Цель. Целью настоящего исследования является ознакомление научного сообщества с основными результатами международной научно-практической конференции «Национальная идентичность и патриотизм в государствах в условиях международных кризисов», состоявшейся 28 октября 2022 г. и организованной кафедрой сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова при поддержке электронного сетевого издания «Вестник Московского государственного областного университета».

Процедуры и методы. В статье приведены тезисы выступлений участников конференции, посвятивших свои доклады проблемам национальной идентичности и патриотизма. Авторами являлись исследователи из МГУ имени М. В. Ломоносова, ИНИОН РАН, Института социологии ФНИСЦ РАН, Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск), Евразийского Национального университета имени Л. Н. Гумилёва (Республика Казахстан), Университета Мумбаи (Республика Индия), Университета имени Таира Реджепа Эрдогана (Турецкая республика).

Результаты. На материалах России, Казахстана, Туркмении, Грузии, Беларуси, Латвии, Китая и Республики Кореи выступавшие показали широкий спектр проблем национальной идентичности и патриотизма. Основное внимание было уделено актуальным вопросам формирования национальной идентичности и патриотизма, специфике национальной идентичности в России и постсоветских странах, влиянию стигматизации, фрагментирующей национальную идентичность и маргинализирующей дискурс патриотизма.

Теоретическая и практическая значимость. Опубликованные материалы имеют существенное теоретическое и практическое значение в деле обеспечения суверенитета России и других государств, сохранения и развития национальной идентичности и патриотического воспитания граждан в условиях воздействия деструктивных социально-политических технологий. Выводы и рекомендации исследователей могут способствовать решению актуальных политических, образовательных и воспитательных задач.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальная идентичность, гражданская идентичность, патриотизм, российский патриотизм, суверенитет, политическая культура, международный кризис

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научных проектов – № 122101100029-3 «Государственная политика формирования национальной идентичности и патриотизма в контексте трансформации современного миропорядка: сравнительный анализ» и № 1022061600330-2-5.9.1 «Факторы устойчивого развития российской государственности в контексте современных глобальных вызовов».

СТРУКТУРА

Вступительное слово

Национальная идентичность и патриотизм России под действием западной стигматизации

Национальный суверенитет как фундаментальный культурно-исторический принцип существования и развития российской государственности

Арктика как фактор формирования национальной идентичности России

Утверждение России как морской державы в Арктике

Контекст национальной идентичности коренных малочисленных народов Российской Федерации в рамках критического дискурса

Метаморфозы национальной идентичности и патриотизма в постсоветских государствах

Условия и механизмы формирования современной казахстанской идентичности

Особенности патриотического воспитания в КНР

Сообщество единой судьбы человечества: идея, перспективы, идентичность

Национальная идентичность в Республике Корея

Трансформация национальной идентичности в условиях гуманитарных интервенций

Заключение

Abramov A. V., Burov A. S., Bhagwat Jawahar Vishnu, Gabdulina B. A., Janaeva A. E., Kalfaoglu Rabiya, Kapitsyn V. M., Kim Chueng, Kokurina O. Yu., Kostina A. M., Sergazin E. F., Shao Jianina, Shaparov A. E.

NATIONAL IDENTITY AND PATRIOTISM IN CONDITIONS OF INTERNATIONAL CRISES

ABSTRACT

Aim. To introduce the scientific community to the main results of the international scientific and practical conference "National Identity and Patriotism in States in the Conditions of International Crises" which was held on October 28, 2022 and organized by the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University with the support of the electronic network publications "Bulletin of the Moscow Region State University".

Methodology. This article presents the abstracts of the speeches of the conference participants who devoted their reports to the problems of national identity and patriotism. The authors were researchers from Moscow State University named after M. V. Lomonosov, INION RAS, Institute of Sociology FNIIS RAS, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk), Eurasian National University named after L. N. Gumilyov (Republic of Kazakhstan), University of Mumbai (Republic of India), University of Tair Recep Tayyip Erdogan (Republic of Turkey).

Results. Using materials from Russia, Kazakhstan, Turkmenistan, Georgia, Belarus, Latvia, China and the Republic of Korea, the speakers showed a wide range of problems of national identity and patriotism. The main attention was paid to the topical issues of the formation of national identity and patriotism, the specifics of national identity in Russia and post-Soviet countries, the impact of stigmatization that fragments national identity and marginalizes the discourse of patriotism.

Research implications. The published materials are of significant theoretical and practical importance in ensuring the sovereignty of Russia and other states, preserving and developing national identity and patriotic education of citizens under the influence of destructive socio-political technologies. The conclusions and recommendations of the researchers can contribute to the solution of urgent political, educational and educational problems.

KEYWORDS

national identity, civic identity, patriotism, Russian patriotism, sovereignty, political culture, international crisis

ACKNOWLEDGMENTS

The research was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research within the framework of scientific projects – No. 122101100029-3 «State policy of formation of national identity and patriotism in the context of the modern world order transformation: a comparative analysis» and No. 1022061600330-2-5.9.1 “Factors of sustainable development of Russian statehood in the context of modern global challenges”.

Абрамов А. В.,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Крушение СССР и социалистического блока оказало серьезнейшее влияние на развитие национальных культур, сознания и самосознания граждан подавляющего большинства государств мира, а также сделало безальтернативной западную модель глобализации. Её характерными чертами, помимо многих прочих, стали идеология потребления, игнорирование национальной специфики, истории и культуры. Внедряемые Западом стандарты и эталоны поведенческих реакций не могли не вызвать отторжения в незападных обществах. Тем не менее с течением времени навязывание остальному миру западных ценностей не только не ослабело, но, напротив, усилилось, став в настоящее время своеобразной «религиозной войной», разворачивающейся, впрочем, под постсекулярными знамёнами.

Сегодняшнее западное видение проблем гендера, сексуальной жизни, демократии, истории, правил внутренней и внешней политики провозглашается единственно верным. Иные, чем у Брюсселя и Вашингтона, варианты даже не рассматриваются, а лидеры стран, выступающие с ревизионистских позиций, подвергаются обструкции и стигматизации. В качестве примера можно вспомнить реакцию западного истеблишмента на Мюнхенскую речь Президента России В. В. Путина 2007 г.

Навязывание странам однополярного миропорядка не могло не вызвать серьёзного международного кризиса, который мы сегодня и наблюдаем. Но, как любой новый процесс, разворачивающийся на наших глазах, кризис ев-

роатлантической модели глобализации нуждается в научном осмыслении и анализе. Задача крайне сложная, во-первых, в силу незавершённости самого процесса, а во-вторых, в связи с масштабностью происходящих перемен. И первое, и второе обстоятельства заставляют нас сузить поле своего исследования, сконцентрировав внимание на изучении эволюции патриотизма и национальной идентичности, являющихся «ответом» на навязываемые извне идеи глобального космополитизма и интернационализма.

В рамках реализации данной цели логично определить три направления исследования:

1) изучение процесса национального строительства, формирования патриотизма и национальной идентичности в современной России (этому посвящены выступления В. М. Капицына, О. Ю. Кокуриной, А. Е. Шапарова, Б. Вишну, Р. Калфаоглу и А. С. Бурова);

2) исследование формирования национальной идентичности и патриотизма в странах ближнего и дальнего зарубежья (выступления А. В. Абрамова, Е. Ф. Сергазина, Б. А. Габдулиной, А. Э. Джанаевой, Ш. Цзянины и К. Чжуёнг);

3) рассмотрение процесса крушения общегражданской идентичности и формирования национального самосознания в условиях кризиса: изучение опыта Югославии в период распада страны и гуманитарной интервенции Запада (выступление А. М. Костиной).

Капицын В. М.,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ РОССИИ ПОД ДЕЙСТВИЕМ ЗАПАДНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ

Для современного российского политолога важно показать политико-психологическую онтологию стигматизации как средства, фрагментирующего национальную идентичность. Процесс стигматизации разделим на такие составляющие, как внешняя и внутренняя. С 2014 г. внешняя антироссийская стигматизация ужесточилась. Б. Обама в 2014 г. на 69-й сессии Генассамблеи ООН поставил Россию в один ряд с такими глобальными угрозами, как вспышка лихорадки Эбола и терроризм¹. Внутренняя стигматизация – сознательно направляемые действия и стихийные процессы, вызывающие у граждан осуждение своей государственной власти и соотечественников, которые эту власть поддерживают, «государевых людей» – полиции, госслужащих, военных, членов их семей.

¹ Обама назвал мировыми угрозами Эболу, действия России и террористов ИГ // РИА Новости: [сайт]. [24.09.2014]. URL: <https://ria.ru/20140924/1025469848.html> (дата обращения: 12.10.2022).

Опасен «резонанс» воздействий внешней и внутренней стигматизации. Это – «крайняя» стадия стигматизации, означающая состояние романтично-утопической восторженности относительно лозунгов перемен, ориентирующих на западные ценности и «блага», оправдывающие смену власти ради «быстрых» демократических перемен. Подобная интерпретация, внедряемая в представления элит и массовое сознание, усиливает негативные контридентичности с их настроением на отчуждение от власти, позволяет разрушать национальную идентичность и переводить общество в крайнее состояние стигматизации. Негативные контридентичности приобретают радикальную политико-психологическую направленность по мере их умножения и ужесточения, ведут к социальному «взрыву». Они находят объединяющую идейную платформу и противостоят государственной власти и поддерживающей её части общества.

С этой целью активно применяется, в том числе, негативирующая *политика памяти и историческая политика*. Часть элит, особенно в республиках, нуждаясь в поддержке своих позиций, способствовала быстрому конструированию контридентичностей, подкрепляемых политизацией псевдоисторических мифов, противопоставляемых общей идентичности многонационального государства. Расширились практики забвения, деконструкция смыслов исторических образов и понятий, а затем их «пересборка» для стигматизации нежелательного прошлого. В. Винокуров отмечает, что большинство из опрошенных в зарубежных странах главными победителями нацистов считает американцев, а британцы – и вовсе только себя. Ответы по странам выглядят так: в Великобритании считают победителями: британцев – 50% опрошенных, русских – 13%, американцев – 9%; в США: американцев – 47%, русских – 12%, британцев – 9%; во Франции: американцев – 56%, русских – 15%, британцев – 11%; в Германии: американцев – 34%, русских – 22%, британцев – 7% опрошенных².

Крайняя степень стигматизации как политико-психологическое состояние означает, что сознание граждан деморализуется: снижаются самооценки людей и чувство национального достоинства, третируются собственная культура, история и особенно отечественный патриотизм; стигма направляется против своего собственного опыта, своей веры или убеждений, истории и идеологии страны. Влияния таких контридентичностей, объединённых идейной платформой радикальной оппозиции, в СССР, ряде социалистических стран оказалось достаточным, чтобы парализовать власть, армию, правоохранителей, мобилизовать население на неподчинение властям. Это – состояние мотивационной катастрофы элит и обывателей, «фетишизация»

² Винокуров В. Провалы в памяти приводят к войне против памятников // Независимое военное обозрение: [сайт]. [29.09.2022]. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2022-09-29/7_1208_monument.html (дата обращения: 29.09.2022).

символов других государств и культивирование комплекса «собственной неполноценности».

Для исследования процесса перехода к крайней степени стигматизации продуктивен анализ стигматизированных пресуппозиций, которые «оказывают наибольшее влияние на аудиторию в медийном дискурсе» в качестве «средства противопоставления категорий “свой” – “чужой”, где “чужие” зачастую описываются при помощи стигм, обращающихся к негативным пресуппозициям в сознании субъекта манипуляции...». Манипулятивный дискурс выявлен в популярных СМИ (The Guardian, The Times, CNBC, BBC, CNN, YouTube, Medium), он «навязывает ложные представления об объекте, или добавляет к этому объекту нерелевантные атрибуты, или имплицитно ложную пресуппозицию» [27, р. 70]. Переход к крайней ступени стигматизации характеризуется выделением в качестве негативного объекта отечественного патриотизма, образа военных и правоохранителей, партий, организаций, сограждан, поддерживающих правящую власть.

Для ивент-анализа данной ступени стигматизации важны такие события (процессы), как объявление «гласности» и Съезд народных депутатов СССР. Маркерами является также отношение к историческим памятникам и предпрятиям-флагманам. В республиках СССР советский патриотизм стал основным объектом атаки «перестроечных» негативных контриденитичностей. Руководство и часть населения постсоветских стран и стран Восточной Европы пришли к очернению советского периода, Великой Отечественной войны, социалистического строительства. Националистические контриденитичности находят выход в ненависти к России.

Западу его жёсткая стигматизация России необходима для обоснования консолидации на сдерживании России, уменьшения числа тех, кто симпатизирует России, легитимации санкционной политики и расходов на вооружение, маргинализации военных и правоохранителей, получения нелиберальных средств гибридной войны, защищающих либерализм с ожесточением, будто это религия, соединения «несоединимого» – демократии, оправдания нацизма и терроризма.

Кокурина О. Ю.,

*Институт социологии ФНИСЦ Российской Академии наук
109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1, Российская Федерация;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В своей речи, посвящённой зарождению российской государственности, В. В. Путин в Великом Новгороде (сентябрь 2022 г.) заявил: «За 1160 лет мы твёрдо усвоили, что для России смертельно опасно даже на время ослабить свой суверенитет, отказаться от национальных интересов»³.

Идея национального (государственного) суверенитета не является общечеловеческой ценностью; сегодня многие государства обходятся без него. Однако для России национальный суверенитет имеет первостепенную самоценность и в широком смысле понимается как целостность, самоуправление, самовоспроизводство государства и социокультурных ценностей, способность государственной власти самостоятельно принимать и проводить в жизнь решения, исходящие из приоритета стратегических и текущих интересов страны и многонационального российского народа.

В Конституции России 1993 г. определение «суверенитета» не сформулировано, но в ст.ст. 3 и 4 установлено, что носителем суверенитета РФ, распространяющегося на всю территорию страны, является её многонациональный народ. Согласно принятой поправке 2020 г. ст. 67 Конституции РФ дополнена частью 2.1: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия ..., направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются».

В той или иной степени фактические проявления государственного суверенитета наличествуют у нашей страны на протяжении 1000-летней истории. Выделяют исторические типы государственного суверенитета России:

1. Военно-феодальный суверенитет (IX–XII вв.);
2. «Раздробленный» суверенитет (XII–XIV вв.);
3. Феодално-монархический (вторая половина XIV – первая половина XVI в.);
4. Боярский (аристократический) (середина XVI – середина XVII вв.);
5. Абсолютистский (имперский) (вторая половина XVII – XIX вв.);
6. Советский (1918–1991);
7. Либерально-буржуазный (1991 – н. в.) [4].

³ Владимир Путин выступил на торжественном концерте, посвящённом 1160-летию зарождения российской государственности // Президент России: [сайт]. [21.09.2022]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69397> (дата обращения: 12.10.2022).

В последние годы Россия стала ориентироваться на государственный суверенитет имперского типа.

В социальных науках сущность понятия «государственность» остаётся неясной. На основе системно-органического представления государства [15] уместно обратиться к телеологическому подходу Аристотеля, базирующемуся на 4 основных принципах (факторах, причинах) их бытия, определяющих статику и динамику каждого целостного организма. В этом контексте природу «государственности» можно соотнести с аристотелевой энтелехией, или осуществлённостью, включающей 4 каузальных основания (фактора) – этиона:

1. источник первоначала изменения, или первое движущее действие;
2. состав, из наличия чего возникает действие или его материя, субстанция;
3. структура, первообраз действия, его форма (эйдос);
4. цель (телос), завершённости, «совершенство» действия.

Определённый шаг в организмическом представлении «государственности» сделан в 1968 г. Дж. Неттлом в его статье, где им выделены 4 существенных момента природы этого сложного феномена, обозначаемого терминами «statehood» и «stateness». Хотя этот автор не исходил из тетрады аристотелевых причин-этионов энтелехии, его трактовка включает следующие важные аспекты: набор функций и структур, обеспечивающих властвование в государстве; статусность, принадлежность к международному сонму государств; самостоятельность и автономность государства по отношению к иным социальным проявлениям; социокультурную рамку государства в отношении соответствующего народа, нации. Трактовка «stateness» (состоятельность) дана С. Бартолини в иных 4 аспектах (внешняя консолидация территории; организационные возможности мобилизации ресурсов; регуляция государством социально-экономической сферы; поддержание внутреннего порядка) [23, p. 69–71, 90–95].

Значительное продвижение представляет интегральная формула государственности М. В. Ильина, консолидирующая ключевые факторы в структуре аристотелевой тетрады: фактор движущий (статусность государства – включённость в международное сообщество государств: statehood); материальный (состоятельность государства – способность и возможность выполнять свои главные функции: stateness); формальный (идеальный) – идея государства (народа, нации); целевой – автономность (самодостаточность, самостоятельность) государства [8].

Мы же полагаем, что движущим фактором государственности является наличие действенной государственной власти, имеющей возможности и способности (политическую волю) к её проявлению. В свою очередь, формальный (идеальный) фактор государственности образует статусность государства (внешний аспект) и его национально-государственную идею (внутренний аспект). Материальный фактор – система управления, государственный

аппарат, институты и ресурсы государства, их функциональная достаточность и эффективность при реализации общенациональных целей и задач. Конечный целевой фактор – суверенитет государства. Выделенные сущностные факторы, логически связанные друг с другом структуры аристотелевой энтелехии в своей совокупности образуют целенаправленную целостность, способную функционировать, развиваться и эволюционировать как социально-политический организм. Причём культурно-исторические и духовно-ценностные константы России, на которых базируется её национально-государственная идея (идеология), выступают как императив исторической преемственности ключевых параметров традиций общенациональной государственности, культурного кода русской цивилизации. Отсюда, опираясь на учение Гегеля «О сущности», дадим определение государственного (национального) суверенитета: фактический (реальный) суверенитет – конечная цель и основание (условие) сохранения и развития государственности в политически организованном сообществе.

Общественные изменения социума и государства воплощаются в жизнь, историческое бытие благодаря консолидации 4 этиологических причин: материальной, формальной, действующей и целевой. В. В. Ильин и А. С. Ахиезер подчёркивают: «Нет ничего опаснее и нелепее стремления навязывать народу государственную форму, не соответствующую его историческому бытию» [7]. Полноценное культурно-историческое развитие Российского государства невозможно без обретения им полного и фактического суверенитета имперского типа.

Калфаоглу Рабия,

*Университет имени Реджепа Тайипа Эрдогана
53100, г. Риза, Турецкая республика*

АРКТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Арктика – это территория, представление о которой наряду с другими пространствами, объективными и субъективными условиями и факторами формирует национальную идентичность России. В этом процессе значительную роль играют такие моменты, как владение значительной частью региона, численность россиян, составляющих более половины населения Арктики, возможности, определяемые энергетическими ресурсами и торговым маршрутом, а также открытость территории для научных исследований. Арктический регион имеет свою особенность в силу удалённости, но Россия сумела обеспечить его связь с остальной частью страны. Региональная идентичность, присущая жителям региона, является неотъемлемым наследием и одной из основ развития будущего России.

Значение Арктики для России изменилось, если говорить об истории и современности. В советский период к этому макрорегиону не всегда проявлялся должный интерес из-за удалённости и сложных погодных условий; он больше использовался в военном и стратегическом планах. С окончанием холодной войны был период некоторого ослабления военного, политического и идеологического противостояния между Россией и Западом. Стало больше возможностей возвращения Москвы к активной мирной повестке. Россия ратифицировала Морскую конвенцию 1982 г. в 1997 г., а четыре года спустя подала в ООН свою первую заявку на расширение арктического континентального шельфа и отстаивает эту претензию. С 2000-х гг. начато переосмысление возможностей арктического макрорегиона. Этому способствовало формирование новых приоритетов российской арктической политики [9].

Политические цели России в отношении региона были продемонстрированы путём установки российского флага на дне Северного Ледовитого океана (в районе Северного полюса) во время экспедиции «Арктика – 2007», руководимой известным полярником А. Чилингаровым. После этой экспедиции макрорегион стал привлекать больше внимания других государств, которые строят свою политику арктической региональной идентичности. С 2008 г. по настоящее время Россия также усиливает свою политику идентичности в регионе и пытается защитить свои позиции в Арктике, чему способствуют заявка на арктический континентальный шельф, использование энергетических ресурсов, освоение Северного морского пути (далее – СМП), улучшение экологии, улучшение жизни коренных народов, расширение сотрудничества. Арктика, сохраняющая военное значение, по сравнению с периодом холодной войны превратилась в макрорегион с растущим международным энергетическим и транспортно-логистическим значением.

На долю Арктики, например, приходится около 80% запасов природного газа и 25% нефти от всех разведанных общероссийских ресурсов. По имеющимся данным, в регионе сосредоточено до 11% национального дохода России и создаётся 22% общего объёма общероссийского экспорта. Кроме того, СМП имеет для России стратегическое значение; продолжение обустройства этого маршрута призвано сыграть большую роль. Значимость СМП заметно возросла после выступления Президента России с ежегодным Посланием Федеральному Собранию в 2018 г., когда В. В. Путин сообщил, что к 2024 г. планируется увеличить объём грузооборота СМП до 80 млн т в год⁴. Для этого в первую очередь необходимо осуществить комплексное развитие транспортной инфраструктуры.

Хозяйственная деятельность, рост промышленности и использование природных ресурсов влияют на природу Арктики, здоровье её жителей, их

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России: [сайт]. [01.03.2018]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 20.05.2018).

жизнедеятельность и культуру. Важно уменьшить негативное воздействие такой деятельности на условия жизни коренных малочисленных народов. По этой причине в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» большое значение придаётся необходимости «сохранения исконных мест обитания коренных народов и их традиционного образа жизни». Были определены приоритетные задачи по сохранению и распространению культурного наследия Российской Арктики, развитию системы образования, развитию культуры, спорта и т. д.

Таким образом, необходимо отметить, что российская региональная идентичность в Арктике формируется под воздействием уникальной природной среды, значения полезных ископаемых, геополитики, самобытности коренных народов Севера и тех, кто исторически развивает его промышленность и транспортную инфраструктуру. Чтобы сохранить эту уникальную социальную общность как одну из основ формирования национальной идентичности России, необходима политика, опирающаяся на баланс между освоением ресурсов макрорегиона и сохранением уникальных особенностей его экосистемы, включая традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера [13].

Шапаров А. Е.,

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, Российская Федерация;*

Бхагват Джавахар Вишну,

*Университет Мумбаи
400098, г. Мумбаи, Республика Индия*

УТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ КАК МОРСКОЙ ДЕРЖАВЫ В АРКТИКЕ

Арктика имеет особое значение для национальной идентичности России как морской державы. За этим стоят многовековые усилия русского народа по выходу к северным морям и Ледовитому океану, хозяйственному освоению пространств Арктики. Всё это влекло на Север русских пассионариев – новгородцев, которым приходилось продвигаться на тысячи километров сквозь тайгу и заполярную тундру. Поморы – этнографическая группа русского народа, «...которая приобрела ярко выраженное культурное своеобразие и специфическое локальное самосознание...» [18, с. 475]. Поморы, живущие морским промыслом, вставшие перед необходимостью полярного мореплавания, сумели создать особый тип судна, пригодного для плавания во льдах, – поморские кочи. Судно имело яйцевидную форму, особую обшивку – «ледовую шубу-коцу», дающую не раздавить корабль льдами, а только выжимать его на поверхность. Поморские кочи длиной до 20 м (вмещали до

30 чел.) перетаскивались по земле волоком. Уникальная конструкция позволила русским мореходам совершать регулярные морские и речные экспедиции в пространстве Арктики протяжённостью сотни и тысячи километров, пройти Северным морским путём и выйти в Тихий океан, освоив к XVII в. гигантские территории Сибири и Дальнего Востока. Создание коча, способного совершать плавание во льдах, – вклад российской цивилизации в мировое кораблестроение. В XX в. СССР освоил производство ледоколов; атомный вариант был впервые в мире создан в СССР в 1959 г. для круглогодичной навигации на Северном морском пути.

Но не только технические новации были условием успешного освоения русским народом арктического пространства. Поморы выработали свой особый тип самобытной культуры, организации социума и ведения экономической деятельности. Поморский психотип сложился на основе воздействия суровой природы, православной веры, поддержки старообрядчества, обычаев финно-угорских народов, отсутствия крепостного права на Севере.

Специфика такой хозяйственной деятельности состоит в чрезвычайно высоких рисках и необходимости создания экономических организаций, позволяющих хеджировать эти риски. Современной мировой экономике известен такой институт – акционерное общество. Одними из первых такой тип институтов создали венецианцы. Это была коммента (commenda). По мнению Д. Аджемоглу, институт коммеды стал основой успешного экономического развития и роста богатства Венеции [1, с. 210]. Русские поморы выработали особый институт: артель-ватагу – объединение на основе участия трудом или капиталом.

Присоединяя жизненно необходимое пространство, русская цивилизация вступала во взаимодействие с северными первопроходцами – коренными народами Арктики, – не навязывая им своей веры, языка и норм поведения. Ненасильственный характер русской колонизации подчёркивается многими отечественными учёными – М. В. Ломоносовым, В. О. Ключевским, Б. А. Рыбаковым, В. Н. Булатовым, Т. А. Бернштам, Ю. Ф. Лукиным.

Со времён классиков geopolitics Х. Д. Маккиндера, А. Т. Мэхэна, К. Хаусхофера, Р. Челлена, Н. Спайкмена утвердилось разделение цивилизаций на талассократии и теллуократии, а империй – на морские и континентальные. По нашему мнению, эта схема не учитывает внутренней дифференциации цивилизаций, их региональной специфики, прежде всего крупных в пространственном отношении цивилизаций. Большинство таких цивилизаций не могло обойтись без выхода к морям и океанам в хозяйственной и военной сферах. Внутри цивилизаций, например, в России, можно видеть регионы, не обладавшие значительными земельными ресурсами. Как следствие, их мужскому населению в своём большинстве суждено было заниматься рыболовством и торговым мореходством.

Талассократия или теллурократия присущи не только странам, но и субрегионам. Талассократические и теллурократические специализации коренятся прежде всего в форме хозяйственной деятельности, экономической специализации, торговле и коммуникациях; их мы можем наблюдать и внутри стран, внутри одного народа. Но морская или земледельческая специализации не ограничиваются лишь хозяйственной деятельностью, а простираются на весь жизненный уклад, накладывают отпечаток на культуру, язык и быт населения, формируя его уникальную идентичность. Категория «месторазвитие», введённая представителями евразийства П. Н. Савицким и Л. Н. Гумилёвым, отражает взаимодействие общества и ландшафта, помогает глубже понять дифференциацию цивилизаций, заимствование культурных практик и своеобразие жизненных укладов народов, осваивающих новые пространства. Вклад русских поморов в освоение сурового пространства Арктики, которую знаменитый исследователь Ф. Нансен назвал «страной ледяного ужаса», доказывает, что российская цивилизация не вмещается в узкие рамки разделения на талассократические или теллурократические народы.

В условиях нарастающего обострения международных противоречий и кризисов значение национальной идентичности, исторической преемственности, смыслов и практик, легитимизирующих притязания народов на свои территории, со временем будет только усиливаться. Россия за свою многовековую историю прочно (в ментальном, хозяйственном, технологическом, научном, культурном и военном отношениях) утвердилась в Арктике. Патриотизм россиян, готовность защищать свою Родину не нуждаются в доказательствах. Наша страна занимает около 60% территории Арктики; более половины населения мировой Арктики – это жители России. Любые современные попытки строить международные отношения без учёта позиции России и её национальных интересов, которые мы наблюдаем в настоящее время (приостановка участия России в деятельности Арктического совета в марте 2022 г.), обречены на провал.

Буров А. С.,

*Институт социологии ФНИСЦ Российской Академии наук
109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1, Российская Федерация*

КОНТЕКСТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Представители экспертного и научного сообществ озабочены активизацией *технологий политической дестабилизации, эксплуатирующих национальный контекст* в субрегионах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Они, в частности, направлены на системную деструктивную мутацию этнонацио-

нальной идентичности коренных малочисленных народов России, разжигание национализма, экстремизма, сепаратизма, что ослабляет общероссийскую гражданскую идентичность.

Данная проблематика получила дополнительную актуальность в связи с эскалацией военно-экономического противостояния России и коллективного Запада в условиях проведения СВО на Украине. Текущая геополитическая конфронтация катализировала деструктивное внешнее влияние на Россию и активизировала антироссийские движения на национальной основе, которые объединены *политтехнологией* «деколонизации России».

Проблематика национальной идентичности имеет в России фундаментальный характер. Так, к одной из основных целей Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. относится укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства российской нации. Дезинтеграционные концепты в отношении России по национальному признаку стали появляться в статьях западных политологов одновременно с распадом Советского Союза. Среди наиболее ярких идеологов применения «деколонизационного» подхода к России – представители фонда «Jamestown foundation», а также М. Кейси⁵. После начала СВО активно продвигается идея «деколонизации России». В качестве частных примеров стоит назвать эссе Б. Кассымбековой и Э. Марат «Время задать вопросы к российской имперской невинности»⁶, а также книгу Я. Бугайски «Несостоявшееся государство. Руководство к распаду России» [25].

До начала СВО основной целью реализации деструктивных политических технологий в борьбе с общероссийской гражданской идентичностью в среде коренных малочисленных народов являлась общая *каскадная политическая дестабилизация*. Продолжают формироваться негативные образы России как «тюрьмы народов», её «преступной колониальной политики», «варварской добычи полезных ископаемых» и пренебрежительного отношения к населению Севера. С началом СВО произошло колоссальное усиление внешнего и внутреннего дестабилизационных воздействий на Россию. Наиболее острым вопросом стала практика мобилизации среди коренных малочисленных народов Севера; в ответ последовали системно реализованные и хорошо спланированные акции протеста.

В качестве наиболее ярких примеров дестабилизационной деятельности в интернет-пространстве стоит отметить соответствующую активность в

⁵ Casey M. Decolonize Russia // The Atlantic: [сайт]. [27.05.2022]. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/05/russia-putin-colonization-ukraine-chechnya/639428> (дата обращения: 18.09.2022); Casey M. Russia's Crimes of Colonialism // WSJ. Wall Street Journal: [сайт]. [09.08.2022]. URL: <https://www.wsj.com/articles/russias-crimes-of-colonialism-putin-ukraine-war-empire-eurasia-lavrov-africa-soviet-union-11660076835> (дата обращения: 18.09.2022).

⁶ Kassymbekova B., Marat E. Time to Question Russia's Imperial Innocence // Ponars center: [сайт]. URL: <https://www.ponarseurasia.org/time-to-question-russias-imperial-innocence> (дата обращения: 25.09.2022).

социальных сетях и мессенджерах. В частности, наиболее активный оппозиционный Telegram-канал «Форум Свободных Народов ПостРоссии» открыто призывает «всех представителей коренных народов и “колониальных регионов” к сопротивлению, саботажу имперских приказов, ... помогать землякам уклоняться от участия в боевых действиях, формировать отряды национальной самообороны, избегать мобилизации, уклоняться от призыва, уничтожать документацию в военкоматах, а в случае призыва сдаваться в плен ВСУ и помогать делать это другим...»⁷.

В России остаётся повышенной опасность внешней политической обработки национального контекста с использованием технологий «деколониализации», что создаёт дополнительные угрозы российской государственности. Всё это требует от профильных ведомств, экспертов и учёных подробного изучения и эффективного политтехнологического противодействия.

Абрамов А. В.,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

МЕТАМОРФОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПАТРИОТИЗМА В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Кризис, а затем распад Советского Союза стимулировали национальное и государственное строительство в республиках бывшего СССР. Составными частями этого процесса стали формирование (конструирование) национальной идентичности и формирование патриотизма. Данные процессы взаимосвязаны, но не тождественны друг другу.

Патриотизм – это прежде всего рефлексия и деятельность, обращённые к Отечеству (т. е. к политической системе, к государству). Исчезновение государства означает и исчезновение патриотизма: дававшие присягу воины не могут защищать то, чего нет; работники, трудившиеся на благо страны, не могут работать на того, кого нет. С национальной идентичностью иначе. Она представляет собой отождествление гражданина с определённой социальной общностью, коренится в групповом и индивидуальном сознании. В то время как с крушением СССР полностью исчез советский патриотизм, некоторые бывшие граждане Советского Союза, ставшие теперь гражданами новых независимых государств, сохраняли советскую идентичность, по-прежнему называя себя «советскими людьми». Некоторые продолжают так называть себя и сегодня [16, с. 153].

⁷ Обращение Форума Свободных Народов ПостРоссии ко всем народам и регионам нынешней Российской Федерации // Форум Свободных Народов ПостРоссии. Telegram-канал: [сайт]. [22.09.2022]. URL: <https://t.me/freenationsrussia/1080> (дата обращения: 11.10.2022).

В процессе формирования нового патриотизма и национальной идентичности в постсоветских государствах наблюдается немало общего. Прежде всего речь идёт о формировании:

- представлений о *единой истории* страны и народа (включая исторические нарративы, хронотопы, памятные даты и т. п.);
- представлений о *едином государстве* (включая территориальный, гражданско-правовой аспекты);
- представлений о *языке и моделях межэтнических отношений* (в том случае, если в стране проживают несколько этнических или этнолингвистических общностей).

Исходной точкой формирования постсоветских идентичностей стал советский опыт национального и государственного строительства, сопровождавшийся конституционным утверждением о возникновении новой исторической общности «советского человека» – строителя социализма и коммунизма. Указанную модель, впрочем, неверно было бы отождествлять с моделью «плавильного котла» (как это определяют некоторые исследователи), поскольку она не предполагала забвения национальных культур. Напротив, развитие национальных языков, литературы, истории стимулировалось руководством СССР. Символическим выражением этой двойственности стал герб СССР, где идеологическая фраза «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» была продублирована на языках всех 15 республик СССР. Таким образом, противоречивый характер советской идентичности предопределил формирование национальных идентичностей в позднесоветское и постсоветское время.

Используя названные выше критерии измерения национальной идентичности и патриотизма, рассмотрим несколько постсоветских кейсов, дающих представление о процессах, происходивших в разных зонах постсоветского пространства.

Наиболее выпуклое представление о процессах, происходивших в странах Балтии, даёт *Латвия*. Ядром её идентичности стал исторический нарратив о «советской оккупации» 1940–1991 гг. Его воплощением в области исторической политики стали открытие музеев оккупации, отождествление СССР с нацистской Германией, учреждение дня скорби 23 августа (день подписания пакта Молотова-Риббентропа, который якобы стал началом Второй мировой войны). Путь развития современной Латвии определяется её политиками как «возвращение в Европу», из которой страну – якобы – насильственно вырвал СССР в середине XX в. [11, с. 149]. В связи с последним обстоятельством Латвийское государство считает себя наследником республики 1918–1939 гг., а граждане современной Латвии подразделены на потомков коренных жителей страны и потомков оккупантов (последние получили паспорта и статус «неграждан»). Апелляции к довоенной истории привели Латвийское государство к территориальным претензиям в адрес России. До

2007 г. Латвия требовала передачи ей Пыталовского района Псковской области, входившего в 1920–1945 гг. в республику по Рижскому договору. Наконец, в области языковой и этнической политики была реализована система мер, направленных на маргинализацию русского языка, вытеснение его из делопроизводства, публичной сферы, образования и т. п. Говоря о национальной политике Латвии, мы, по сути, имеем дело с мерами по ассимиляции русских, стремлению подавить их историческую самобытность, язык и культуру и внедрить моноэтническую идентичность и национализм под видом патриотизма.

Попытка реализовать такую же модель национального и государственного строительства была предпринята и *Грузией*, относящейся к закавказской постсоветской зоне. В области исторической политики мы наблюдаем тот же тезис о «советской оккупации», сопровождающийся открытием соответствующих музеев и центров, демонтажем памятников советским солдатам, введением в школьные учебники раздела «Грузины во Второй мировой войне» вместо параграфов о Великой Отечественной войне и т. п. [17]. Так же, как и в Латвии, наблюдается обращение к Грузинской демократической республике, существовавшей в 1918–1921 гг. (заимствованы её герб и флаг). Но не только! По мнению грузинских идеологов, связи страны с Европой восходят к глубокой древности. В качестве доказательства приводится древнегреческая легенда о путешествии аргонавтов в Колхиду. Таким образом, значимым компонентом национальной идентичности выступает тезис об особой грузинской цивилизации, древнейшей из всех мировых цивилизаций [11, с. 149]. В области национальных отношений грузинским руководством начала 1990-х гг., так же как и Прибалтикой, был взят курс на ассимиляцию других этнических групп. Но проводимая первым Президентом Грузии З. Гамсахурдией политика депортации и лишения негрузин автономии привела к печальным последствиям для грузинской государственности. Не принявшие ни исторического нарратива, ни антисоветской модели идентичности, ни новой «национальной политики» Абхазия и Южная Осетия «с боем» вышли из состава Грузии. Утрата территорий болезненно сказалась на национальном самосознании грузин и продолжает оставаться острой темой для всех поколений грузинских политиков. Таким образом, на примере Грузии мы также видим реализацию модели формирования моноэтнической идентичности и этнонационализма как патриотизма, но результаты реализации такой политики являются более противоречивыми.

Особое место на постсоветском пространстве занимают страны Центральной Азии. Формирование национальной идентичности и патриотизма в этих странах осложняют отсутствие у бывших центральноазиатских республик опыта существования в форме государств, а также клановый характер обществ. Указанные проблемы предопределили, например, довольно длительный «инкубационный период» формирования идентичности и патриотизма.

тизма в *Туркменистане*. На протяжении 1990-х гг. политическая элита страны пребывала в растерянности, воспроизводя советский опыт (однопартийная система, статус русского языка как языка межнационального общения до 1996 г. и т. п.). Лишь в 2001 г. первый Президент Туркмении С. Ниязов решился обнародовать свою доктрину в виде книги «Рухнама» («Книга души»). В ней сообщалось о древности туркменского народа, родоначальником которого был объявлен мифический Огуз-хан, живший 5 тыс. лет назад. Древние туркмены создали колесо, повозку, первыми начали выплавлять металлы и изобрели тюркский алфавит. Однако в силу внутреннего разлада и деятельности врагов утратили независимость. В этом контексте восстановление государственности туркменов, произошедшее стараниями Ниязова, объявлялось величайшим достижением, а сам президент определялся как Туркменбаши (отец нации, отец всех туркмен) – основная фигура политической системы страны [14, с. 123]. Обязательное изучение «Рухнамы» в школах и университетах продолжалось до самой смерти Ниязова и было отменено новым Президентом Туркмении. Таким образом, сегодня дело формирования национальной идентичности туркмен (как указано в Рухнаме, «нации племён») поставлено на паузу, что, впрочем, не мешает исследователям определять национальный курс Туркменистана как «трайбализм вместо национализма» [6].

Наконец, восточноевропейская зона постсоветского пространства даёт нам ещё один пример формирования идентичности и патриотизма – пример *Беларуси*. Любопытно, что в начале 1990-х гг. в Белоруссии под влиянием немногочисленных, но энергичных демократов и националистов предпринимались попытки формирования новой идентичности. Днём независимости было объявлено 27 июля (дата принятия в 1990 г. Декларации о суверенитете БССР), гербом и флагом – «погоня», и бело-красно-белое полотнище – символами Великого княжества Литовского. Государственным языком был объявлен белорусский [3]. Однако к середине 1990-х гг. стало очевидно отторжение обществом навязываемой модели идентичности и патриотизма. Избранный президентом А. Г. Лукашенко инициировал в 1995 г. референдум о символике и языке, по итогам которого большинство граждан проголосовало за возвращение несколько модернизированной советской символики и русского языка как государственного. Празднование Дня независимости было перенесено на 3 июля (освобождение Минска от немецко-фашистских захватчиков). Вместе с тем сохранение белорусского языка, акцент в преподавании истории на Полоцкое княжество свидетельствуют не об отказе Беларуси от собственной идентичности, а о попытке реализовать модель этнической, государственной и исторической мозаичности. Всё это в известной степени сближает белорусскую модель с российской.

Проведённый краткий и с неизбежностью фрагментарный обзор постсоветских кейсов формирования патриотизма и национальной идентичности позволяет, тем не менее, лучше понять процессы, происходящие в Рос-

сии, учесть сделанные соседями ошибки. Знания о путях и формах формирования патриотизма и идентичности позволяют также понять причину агрессивности отдельных соседей России, без чего невозможно начать выработку «лекарств» против постсоветского национализма и шовинизма.

Сергазин Е. Ф., Габдулина Б. А.,

*Евразийский Национальный университет имени Л. Н. Гумилёва
010008, г. Астана, ул. Сатпаева, д. 2, Республика Казахстан*

УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В 1990-х гг. общими ценностями народа Казахстана стали свободный выбор собственной судьбы, сопричастность к строительству нового государства, совместная ответственность за судьбу страны и будущих поколений граждан. Казахстанцам традиционно присущ высокий уровень толерантности по отношению к образу жизни, обычаям, мнениям, верованиям представителей всех этносов, конфессий, социальных групп. Глубоко укоренились почитание старших, уважение к семье, традиции гостеприимства.

Доктрина Национального единства Казахстана гласит: «Республика Казахстан – единственный правовой и исторический наследник многовековой государственности казахского народа и естественным продолжением его политического и государственного устройства. Казахстан принимает все меры по охране своей независимости и укреплению национальной государственности»⁸. Цель Доктрины – определение приоритетов и механизмов обеспечения национального единства на основе гражданской идентичности, патриотизма, духовно-культурной общности, сохранения стабильности, межэтнического и межконфессионального согласия в обществе.

Для достижения поставленной в Доктрине цели усилия государства и общества концентрируются на решении *основных задач*: укреплении общекazahстанской идентичности, поддержке консенсуса по основополагающим ценностям казахстанского общества; формировании эффективной системы взаимодействия госорганов и гражданского общества в сфере межэтнических, межконфессиональных отношений; развитии государственного языка как фактора единения народа Казахстана; содействии сохранению этнокультурной, языковой самобытности казахстанских этносов; противодействию экстремизму и радикализму, недопущению ущемления прав и свобод человека и гражданина.

В условиях глобализации попытки отстоять свою идентичность могут сталкиваться с аналогичными попытками других государств. В «*битве иден-*

⁸ Доктрина Национального единства Казахстана [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30501158&pos=4;-107#pos=4;-107 (дата обращения: 11.09.2022).

тичности» выигрывают те, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу. Государства, слабые в этом отношении, вынуждены лишь наблюдать, как их национальные идентичности растворяются в процессах глобализации.

Последствия глобализации противоречивы. Возникают невиданные ранее возможности для развития различных стран, но вместе с тем и новые, крайне опасные вызовы и угрозы. Глобализация, делая прозрачными границы, ставит под вопрос роль национальной составляющей идентичности. Но, способствуя сближению и интеграции различных общностей, она усиливает потребность в определении своей культурной и цивилизационной идентичности. На это обстоятельство, в частности, указывал С. Хантингтон: «Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведёт к росту цивилизационного самосознания, углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации» [21, с. 35].

В условиях *информационной открытости* мира, повсеместной доступности СМИ появляется широкая возможность выбора, что бросает вызов отдельным индивидам и национальным сообществам. В национальном государстве культурное ядро подменяется глобальными символами. Подъём национализма во всём мире оказывается ответом на вызовы культурного глобализма через утверждение этнической идентичности. Для общества, решающего модернизационные задачи, национально-цивилизационное самоопределение остаётся решающим фактором, определяющим модель развития и в конечном итоге успешность национальной модернизации. Успешная модернизация затрагивает идентификационные коды нации. Более того, она основана на адаптивной трансформации этих кодов, и это – одна из основных (а, возможно, и главных) проблем модернизации. В. Г. Федотова отмечает, что «процесс модернизации можно рассматривать как процесс создания новых институтов и отношений, ценностей и норм, который требует определённого изменения идентичности людей модернизирующегося общества и завершается сменой их идентичности» [20, с. 91].

С учётом всех этих факторов особую роль играет *межнациональное согласие многонационального Казахстана*. Институциональным символом согласия выступает Ассамблея народа Казахстана. В 2008 г. были сформулированы пять основных принципов казахстанской модели межэтнической толерантности:

- 1) единство народа;
- 2) важнейшие ценности нации – толерантность и ответственность;
- 3) консолидирующая роль государствообразующего этноса;
- 4) этническое, конфессиональное, культурное, языковое многообразие;
- 5) создание государством условий для развития культуры и языков.

Ассамблея иллюстрирует политику в отношении национальных меньшинств, направленную на сохранение их этнических и культурных особенно-

стей, а также культурной идентичности этносов, объединяемых общегражданской идентичностью. Последняя выступает как надстройка над различными этническими группами.

Важная составляющая гражданского национализма – формирование *идентичности сообщества-нации*. Гражданский национализм подразумевает самоидентификацию индивида с национальным государством, которая в его системе оказалась бы доминирующей и включала в себя этническую, территориальную, социальную идентичности. Конструирование такого национализма и общегражданской идентичности определяется государственной политикой, образованием, медиа, творчеством интеллектуальных элит, интеллигенции и развитием культуры.

Межнациональный мир и согласие – совокупность базовых установок, подходов и ориентиров политики государства в межэтнической сфере. В основе такой политики лежат принципы: равенство прав человека и гражданина независимо от расы, этнической принадлежности, религии, социальной группы; запрет любых форм ограничения прав граждан по данным признакам; пресечение деятельности, возбуждающей социальную, расовую, национальную и религиозную рознь; уважение к государственному языку; право каждого гражданина определять свою национальную, религиозную принадлежность; унитарность и неделимость территории Казахстана; защита прав и интересов её граждан за пределами государства; поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, в сохранении и развитии родного языка, культуры и традиций, укреплении связей с исторической Родиной.

Джанаева А. Э.,

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ОСОБЕННОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КНР

Китай превращается в общество, где патриотическое воспитание занимает приоритетное место. Реформы в области воспитания и образования начались в 1980-х гг. Как отмечает Лю Цзэ, это стало возможным благодаря тому, что КПК взяла курс на ликвидацию безграмотности населения [12]. Со второй половины 1970-х гг. китайское общество приступило к становлению системы патриотического воспитания на основе конфуцианской концепции семьи и страны.

Дальнейшее развитие патриотизм получает в 1990-х гг., когда перед китайским государством актуализируется задача развития науки и образо-

вания, подготовки грамотных и талантливых специалистов, воспитанных в русле китайской педагогики. Образование становится обязательным до девятого класса, а школа – всесторонне направленной. Уделяется внимание и высшему образованию. С 1994 г. контроль над воспитательно-образовательной политикой переходит к ЦК КПК.

В 2000-х гг. происходит новый виток развития воспитательной политики в КНР. В политической повестке – идеи Дэн Сяопина о службе своей Родине, и население на них охотно отзывается. «Срастаются» идейно-политическое и патриотическое воспитание: с 2001 г. становятся обязательными школьные церемонии по понедельникам с торжественным поднятием флага; третьи субботы сентября объявляются Днём патриотического и оборонного воспитания, вводится обязательная дисциплина «Национальная оборона».

Все нововведения получили соответствующее закрепление в законодательстве страны. В Конституции КНР патриотизму отведено первое место среди гражданских добродетелей. Закон об образовании от 1995 г. называет патриотизмом ведущим качеством любого китайца⁹. Позднее в Законе о высшем образовании от 1999 г. установлено, что студентам высших учебных заведений нужно придерживаться патриотизма в первую очередь, в соответствии с законом и общественными нормами [22].

Два последних закона особенно делают акцент на патриотическом воспитании. Причиной этому послужила неэффективность мер, принятых до 1990-х гг. Школьная система была недостаточно адаптирована для патриотической подготовки, учителя не имели опыта и специальных пособий, содержательная часть была разрозненной и сложной для восприятия. Отсутствие постоянной коммуникация между семьёй и школой. Распространялись антиправительственные настроения среди молодёжи, произошли события 4 июня 1989 г. (восстание на площади Тяньаньмэнь).

ЦК КПК инициировал новую патриотическую кампанию, распространив её на все уровни образовательной системы. В 1994 г. был выпущен основополагающий документ – «План осуществления патриотического воспитания», ставший отправной точкой для воспитания китайского патриотизма, сейчас известного всему миру. План включал два важнейших раздела: 1) китайская история и национальные традиции; 2) национальное единство и территориальная целостность. Так КПК и правительство формировали «китаецентризм» как особенность мировоззрения, сквозь призму которого китайские граждане рассматривают всё, что происходит в мире и вокруг, воспитывают уважение к своей Родине и всем её жителям. В 2012 г. Председатель КНР

⁹ Закон КНР об образовании // Бизнес в Китае: [сайт]. URL: <https://asia-business.ru/law/law3/education> (дата обращения: 20.09.2022).

Си Цзиньпин обратился к нации и указал на необходимость продолжения патриотического воспитания как ключа к «возрождению китайской нации»¹⁰.

В 2017 г. принят закон о патриотизме в учебных заведениях, устанавливающий, что каждый школьник должен наизусть знать текст государственного гимна, его правильное исполнение и историю создания¹¹. Исследователь Ван Сюан показал, что руководство КНР держит на особом контроле любые проблемы образовательного и воспитательного характера для всех социальных групп населения [5].

Система гражданско-патриотического воспитания в КНР представляет собой непрерывный процесс на всех уровнях, от дошкольных заведений до университетов. Патриотизм формируется на уровне личности, общества и даже идеологии, что позволяет народу Китая приблизиться к осуществлению его заветной мечты – «возрождению великой нации».

Шао Цзянина,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ИДЕЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ИДЕНТИЧНОСТЬ

Тенденции политической многополярности, экономической глобализации, культурного разнообразия и модернизации в современном мире стали необратимыми. Но *обостряется много общих проблем*: продовольственное обеспечение, дефицит энергоресурсов, изменение климата, рост населения, загрязнение окружающей среды, биогрозы, трансграничная преступность. В то же время сформировался глобальный набор ценностей, идентичностей, направленных на адаптацию к общим вызовам.

23 марта 2013 г. Председатель Си Цзиньпин выступил в МГИМО с речью под названием «Идти в ногу со временем, содействовать миру и развитию на планете»¹². В этой речи указано, что *идея развития единой судьбы человечества* представляется в трёх аспектах: 1) изложение основных черт глобальных проблем; 2) характеристика особенностей экономического развития регионов и крупных стран; 3) прогноз будущего регионального и глобального экономического развития.

В конце сентября 2015 г. Си Цзиньпин выступил в ходе дебатов 70-й Генассамблеи ООН с речью «Совместное формирование новых партнёрских

¹⁰ Национальная идея Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/812> (дата обращения: 22.09.2022).

¹¹ Новый закон о патриотическом воспитании вступил в силу в КНР // Рамблер: [сайт]. URL: <https://news.rambler.ru/other/38110719novyyzakonopatrioticheskompvospitanii-vstupil-v-silu-vknr> (дата обращения: 26.09.2022).

¹² Выступление Си Цзиньпина в МГИМО // Ruggiero: [сайт]. [20.04.2020]. URL: <https://www.ruggiero.ru/vystuplenie-si-czinpina-v-mgimo-predsdatel-knr-si-czinpin> (дата обращения: 27.09.2022).

отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы», где впервые чётко сформулировал идею создания сообщества единой судьбы *в пяти областях*: глобальное партнёрство, всеобщая, совместная и устойчивая безопасность, экономическое развитие, межцивилизационные обмены, экологическое развитие¹³.

18 октября 2017 г. Си Цзиньпин в своём выступлении на 19-м Национальном конгрессе предложил придерживаться гармоничного развития, одновременно способствуя построению сообщества единой судьбы человечества и продвижению реформы управления мировой экономикой. 24 октября 2017 г. в новой редакции Устава КПК было отмечено, что *формирование идентичности китайского народа является главной задачей партии*, а продвижение создания сообщества единой судьбы человечества – основной концепцией дипломатии Китая¹⁴.

В докладе 19-го Всекитайского съезда КПК *основной смысл идеи* сообщества единой судьбы человечества раскрывается более глубоко, обсуждаются:

1. переопределение нынешней глобальной ситуации в мире;
2. переопределение нынешней ситуации и международных отношений, чтобы в ходе дальнейшей экономической глобализации все страны постепенно образовали такое сообщество;
3. общая цель будущего глобального, регионального и мирового экономического развития – создание нового глобального экономического партнёрства, когда все стороны объединят усилия и будут вместе решать проблемы человечества, выстраивая прочный мир всеобщей безопасности, процветания, открытости, инклюзивности, чистоты и красоты.

25 октября 2022 г. Си Цзиньпин в докладе на 20-м съезде КПК подчеркнул, что создание сообщества единой судьбы человечества – это перспектива устойчивого развития всех народов мира. Китай всегда придерживался внешнеполитических целей поддержания мира во всём мире и содействия общему развитию. Развитие Гонконга, ориентируясь на такую концепцию, реализует «правление патриотов» для совершенствования судебной и правовой системы.

Содействие построению сообщества единой судьбы человечества – это «китайское решение», позитивная практика дипломатии великой державы, имеющей особые характеристики: приверженность построению международного партнёрства нового типа, идеал искренности и толерантности в дипломатии соседства, стратегию искренней и дружественной работы с Африкой, стратегическую инициативу «Пояс и Путь». Вспышки эпидемии корона-

¹³ Совместное формирование новых партнёрских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/201512/t20151201_857923.html (дата обращения: 16.09.2022).

¹⁴ 19-й съезд КПК [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 24.09.2022).

вируса показывают, что ряд стран мира осознаёт культурную идентичность и духовную силу народа Китая.

После тысячелетней истории китайская нация сформировала свою национальную идентичность. Судьбы китайского общества и сообщества единой судьбы человечества тесно связаны. Укрепление китайской национальной идентичности – важный элемент в построении сообщества единой судьбы человечества. Связывая «китайскую национальную идентичность» с «сообществом единой судьбы человечества», Китай показывает значение своей духовной силы для всемирного развития.

Ким Чжуёнг,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЕ

Как показывают исследования, посвящённые освобождению Кореи от Японии, межкорейской войне, плюрализации, индустриализации, на Корейском полуострове наблюдается различие национальной и этнической идентичностей. В процессе глобализации значимость этнических элементов в национальной идентичности снижается из-за контактов с другими странами, конкуренции, иммиграции. На полуострове шло раздвоение национальной идентичности, хотя этническая идентичность оставалась общей, как это было в моноэтнической стране (одна корейская этничность, но два национальных государства).

Основа идентичности корейцев сформировалась в географическом и историческом пространствах единой нации, где национальная идентичность совпадала с этнической. Исторический опыт древних народов Корейского полуострова, включая войны с Китаем, Монголией и Японией, закреплял представление о том, что корейцы были отдельной нацией, отличающейся географически (море – на юге, а горы – на севере). В период японской колонизации корейские историки и философы ввели концепцию единой нации на основе корейской национальной идентичности.

Межкорейская гражданская война стала событием, когда единая нация раскололась из-за идеологических различий; нация была физически разделена, что определило и раскол общей национальной идентичности. Триггерами такого раскола стали следующие институты и процессы.

Конституция. После разделения в конституциях обеих государств указывалась цель восстановления единого национального государства, но закреплялось идейное размежевание. В течение более 70 лет общая национальная и этническая идентичности разошлись, особенно в сознании молодого поколения, считающего северокорейцев и южнокорейцев людьми

одной этнической идентичности, но разных наций (государств). Ослабевает стремление восстановить единое национальное государство.

Антикоммунизм. После войны правительство Южной Кореи предприняло усилия по созданию новой национальной идентичности на основе антикоммунизма, патриотизма и национализма. Элиты Южной Кореи определили коммунизм как угрозу выживанию Республики. Людей, имевших отношение к коммунизму и вытекающим из него идеям, называли «Пал-Ган-и» (уничтожительное слово), идентифицировали как «зло». Первый президент Ли Сын Ман и другие лидеры военно-диктаторских режимов Пак Чон Хи, Чон Ду Хван пытались объединить народ посредством общенациональной антикоммунистической кампании. С этой целью северокорейский режим был определён в конституции как марионеточное правительство. В педагогике и этике закреплёны антикоммунистические идеи, коммунизм изображался как приоритет идей над семьёй и друзьями. Новая национальная идентичность «справедливой Кореи» идеологически основывалась на либеральной демократии.

Демократизация. Многочисленные граждане и оппозиционные политики в Южной Корее сопротивлялись военной диктатуре и добились институциональной демократизации в 1990-е гг. На этом историческом фоне безусловный патриотизм стал менее важным для национальной идентичности. Но, с другой стороны, появились факторы национальной гордости за технологические достижения корейцев, на фоне чего усиливалась и гордость южнокорейца за историю корейского народа.

Национализм / патриотизм. Национализм и патриотизм тесно связаны с антикоммунизмом лояльностью государству и проведением государственной экономической политики. Экономическое развитие было важно для соревнования с Северной Кореей, но во имя этого нарушались трудовые права и права человека. Вместе с помощью США это помогло Южной Корее быстро провести индустриализацию, в том числе за счёт сильной эксплуатации труда.

Глобализация. Глобализация связана с продвижением Кореи в мире и притоком мигрантов. Как выявили исследования, национальная идентичность южнокорейцев укрепляется через восприятие соседних стран и отношения с иммигрантами. Такие исследования в Корее проводятся каждые 5 лет с 2005 по 2020 гг. В частности, актуальна тема степени поликультурности общества. Хотя отношение к иностранцам и другим этническим группам улучшилось, эксклюзия относительно них оставалась высокой. Несмотря на то, что корейцы считают вклад иммигрантов в развитие корейского общества недостаточным, тем не менее признают их равные права в обществе и право конкурировать за рабочие места. Это более выражено у молодого поколения и является более значительным институциональным и правовым фактором, чем этническая составляющая национальной идентичности. Чем

моложе поколение, тем более дифференцированы национальная идентичность и этническая идентичность.

Но значение этничности для национальной идентичности не исчезло. Согласно исследованию 2017 г. корейцы продолжают оценивать иммигрантов в зависимости от этнических групп и более терпимы к мигрантам из Северной Кореи, нежели к другим этносам [26]. Хотя в исследовании с участием южнокорейских студентов в 2020 г. последние отвечали в интервью, что считают нацию более важной, чем этничность, выяснилось, что латентно этническая идентичность оказалась важнее [24].

Однако во многих исследованиях отношения переменных, влияющих на восприятие корейцами национальной и этнической идентичностей, гораздо сложнее и разнообразнее. Студенты положительно относились к иммигрантам из США, демонстрировали к ним инклюзивное отношение, но также демонстрировали позитивное отношение к этнической группе китайцев и северокорейцев. Учёные выявили, что международные события, экономические кризисы и проблемы безопасности сыграли в этом не последнюю роль. Даже в течение короткого времени национальная идентичность может меняться в зависимости от отношений с другими странами.

Таким образом, идентичность корейцев возникла из исторической идентичности государства Корейского полуострова, но в результате Корейской войны, демократизации и глобализации национальная идентичность и этничность стали различаться. Южнокорейцы демонстрируют уважение к корейским законам и институтам, гордость за национальные достижения, что является важным фактором национальной идентичности, а не этнической. Но этничность по-прежнему важна для всех поколений в отношениях с соседними странами и мигрантами. Кан Вон Тхэк отметил сформированность уникальной национальной идентичности [28], укрепление национализма граждан Республики Кореи. И тенденция эта усиливается.

Костина А. М.,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГУМАНИТАРНЫХ ИНТЕРВЕНЦИЙ

Тема национальной идентичности актуализируется в периоды общественных изменений, когда индивид и общество, стараясь преодолеть неопределённость, начинают поиски новой идентичности или реконструкцию уже существующей. Таким триггером для нации может стать *гуманитарная интервенция*. Пример – Югославия: распад государства, обострение противоречий этносов, Боснийский и Косовский кризисы, интервенция НАТО.

Этническим большинством в Югославии были сербы, чья национальная самобытность сформировалась к XX в. в результате длительных социально-исторических процессов. Но было несколько культурно-исторических центров, повлиявших на полицентричность культурного развития [2], что определило фрагментарность балканского народа вплоть до создания Югославии (1918 г.). Наибольшая часть сербов была объединена под началом молодого государства, которое включало в себя также другие славянские и неславянские народы и конфессиональные общины.

В процессе распада этого государства происходит фрагментация общей югославской идентичности, возвращение к усилению идентичностей отдельных народностей. Регионы Югославии активизируют борьбу за создание независимых национальных государств. Преобладающий в общей югославской идентичности принцип коммунистического интернационализма приглушал значение этнического сходства и различия южнославянских народов. После распада Югославии в этнонациональных общинах происходили возвращение более ранних символических атрибутов идентичности, забытых праздников, мифов и легенд, политизация этничности, обращение к национальным героям и известным сражениям доюгославского периода.

На этом фоне формируются разновекторные политические движения и политические партии. Наибольшую популярность и признание среди них имели те, которые выдвигали националистические и сепаратистские программы, проводили масштабные информационные кампании против президента С. Милошевича. Его оценка в обществе была довольно противоречивой: и как героя, противостоящего НАТО, и как диктатора, обвиняемого во всех проблемах государства [19]. Так, отмена им автономии Косова вызвала сильный протест косовских албанцев, ожидавших, что международное регулирование кризиса в Югославии решит и косовский вопрос. Но Дейтонское соглашение регулировало конфликт между боснийцами, хорватами и сербами, а косовский вопрос не затрагивало [10]. Армия освобождения Косова вступила в ожесточённую борьбу с сербской армией и получила поддержку НАТО.

Основанная в большей степени на коммунистической идеологии, общенациональная идентичность Югославии не стала прочным основанием для объединения южнославянских народов на территории одного государства, т. к. недооценивала этническое сходство / различие, что использовали внутривосточные и внешние силы, активизировавшие рост национализма в Сербии, Косово, Хорватии.

Абрамов А. В.,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ проблем изучения процессов национального строительства, формирования патриотизма и национальной идентичности в современной России, странах ближнего и дальнего зарубежья, а также рассмотрение процесса крушения общегражданской идентичности и формирования национального самосознания в условиях кризиса и гуманитарной интервенции Запада, выполненный экспертами из российских и зарубежных университетов, позволяет сформулировать главный вывод. В условиях кризиса однополярной модели глобализации вопросы национальной идентичности, патриотизма, суверенитета страны, места государства в системе современных международных отношений вновь обрели высокую актуальность. Дополнительными факторами, сделавшими указанные проблемы востребованными сегодня в нашей стране, являются Специальная военная операция России на Украине и реализация Западом так называемой "культуры отмены" в отношении народов Российской Федерации.

Новые вызовы и угрозы перевели анализ проблем государственного суверенитета, устойчивого функционирования независимого государства, национальной идентичности и патриотизма из теоретической плоскости в практическую. Не будет преувеличением сказать, что сегодня ответ на вопрос о том, кто мы, является жизненно необходимым в нашем Отечестве.

Думается, что опубликованные материалы будут иметь существенное теоретическое и практическое значение в деле обеспечения суверенитета России и других государств, сохранения и развития национальной идентичности и патриотического воспитания граждан в условиях воздействия деструктивных социально-политических технологий, а предложенные экспертами выводы и рекомендации будут способствовать решению актуальных политических, образовательных и воспитательных задач, в первую очередь, в России, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М.: АСТ, 2018. 672 с.
2. Базич Й. Р. Реконструкция сербской национальной идентичности в XX веке // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 16–24. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-2.

3. Бикетова Е. А., Чернышов Ю. Г. Нациестроительство Республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 94–103.
4. Бредихин А. Л. Суверенитет как политико-правовой феномен. М.: ИНФРА-М, 2020. 128 с.
5. Ван Сюань. Подготовка будущего учителя к работе по патриотическому воспитанию учащихся в КНР: дис. ... канд. пед. наук. М., 2022. 171 с.
6. Васильева О. В. Политические элиты Туркменистана и проблемы национальной идентичности // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2018. № 4. С. 200–206.
7. Ильин В. В., Ахизер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997. 384 с.
8. Ильин М. В. Формула государственности // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2008. № 3. С. 67–78.
9. Кибенко В. А. Моделирование процессов формирования региональной идентичности населения Арктического региона Российской Федерации // *Социодинамика*. 2018. № 3. С. 1–15.
10. Колот Б. Векторы политики США на Балканах в 1990-е гг. // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2020. № 6. С. 102–115.
11. Летняков Д. Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // *Мир России*. 2016. Т. 25. № 2. С. 144–167.
12. Лю Цзэ. Патриотическое воспитание обучающихся средствами вокального искусства в современной общеобразовательной школе КНР: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2022. 221 с.
13. Назукина М. В. Образы российской Арктики в официальном дискурсе: поиск основания для макрорегиональной идентичности // *Арктика и Север*. 2013. № 11. С. 39–49.
14. Небратенко Г. Г., Ларина О. Г. Доктрина возрождения постсоветской туркменской государственности Сапармурата Ниязова // *Государство и право*. 2021. № 12. С. 118–126.
15. Парсонс Т. О социальных системах / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
16. Попова О. В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 1. С. 143–157.
17. Рцхиладзе Г. В. Память о Великой Отечественной войне в современной Грузии // *Постсоветские исследования*. 2020. Т. 3. № 5. С. 409–414.
18. Садохин А. П. Народы Севера России: обычаи, традиции, культура: справочник. М.: КноРус, 2017. 750 с.
19. Тимофеев А. Ю. Югославия-2000: технология и тактика «экспресс-революций». Часть 1. Технология свержения С. Милошевича // *Обозреватель*. 2016. № 4. С. 26–37.
20. Федотова В. Г. Модернизация и глобализация // *Мегатренды мирового развития* / под ред. М. В. Ильина, В. Л. Иноземцева. М.: Экономика, 2001. С. 83–93.
21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.

22. Чжу Сяомань. Россия – Китай: Образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв.: сравнительный анализ. М.: РАО, 2007. 591 с.
23. Bartolini S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. New York: Oxford University Press, 2005. 444 p.
24. Jaewuk Jung, Ju Hyung Huh, Jinkyung Na. What Makes Someone a Korean: Comparing Koreans Explicit and Implicit Attitude on National and Ethnic Identity // Korean Journal of Social and Personality Psychology. 2020. № 34. P. 73–94.
25. Janusz Bugajski. Failed State: A Guide to Russia's Rupture. Washington: The Jamestown Foundation, 2022. 450 p.
26. Kwang-il Yoon. Political Psychology on Korean National Identity // Culture and Politics. 2017. № 4. P. 5–41.
27. Radyuk A. V., Devyatnikova K. G. Critical discourse analysis of stigmatized presuppositions in mass media // Issues of Applied Linguistics. 2021. Iss. 42. P. 67–88. DOI: 10.25076/vpl.42.03.
28. Won Taek Kang. Korean Identity // EAI Working Paper. 2020. № 168. P. 1–21.

REFERENCES

1. Acemoglu D., Robinson J. Why nations fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty (Rus. ed.: Litvinov D., Mironov P., Sanovich S., transl. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proishozhdenie vlasti, procvetaniya i nishchety*. Moscow, AST Publ., 2018. 672 p.).
2. Bazich J. R. [Reconstruction of Serbian national identity in the 20th century]. In: *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Research Result. Social Studies and Humanities], 2019, vol. 5, no. 3, pp. 16–24. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-2
3. Biketova E. A., Chernyshov Yu. G. [Nation-building of the Republic of Belarus and European component in Belarusian identity]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2018, vol. 62, no. 1, pp. 94–103.
4. Bredikhin A. L. *Suverenitet kak politiko-pravovoj fenomen* [Sovereignty as a political and legal phenomenon]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 128 p.
5. Van Sjuan. *Podgotovka budushchego uchitelya k rabote po patrioticheskomu vospitaniyu uchashchikhsya v KNR: dis. ... kand. ped. nauk* [Preparation of the future teacher for work on the patriotic education of students in the PRC: Cand. Sci. thesis in Pedagogical Sciences]. Moscow, 2022. 171 p.
6. Vasileva O. V. [Political Elites of Turkmenistan and the Problems of National Identity]. In: *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2018, no. 4, pp. 200–206.
7. Ilyin V. V., Akhiezer A. S. *Rossiyskaya gosudarstvennost': istoki, traditsii, perspektivy* [Russian statehood: origins, traditions, prospects]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1997. 384 p.
8. Ilyin M. V. [The formula of statehood]. In: *Politiya: Analiz. Chronicle. Forecast* [Politeia], 2008, no. 3, pp. 67–78.

9. Kibenko V. A. [Modelling of the processes of regional identity establishment among the population of Arctic region of the Russian Federation]. In: *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2018, no. 3, pp. 1–15.
10. Kolot B. [Vectors of the US policy in the Balkans in the 1990s]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History], 2020, no. 6, pp. 102–115.
11. Letnyakov D. E. [Nation-Building: Identity Politics in Post-Soviet States]. In: *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2016, vol. 25, no. 2, pp. 144–167.
12. Lju Cze. *Patrioticheskoe vospitanie obuchayushchikhsya sredstvami vokal'nogo iskusstva v sovremennoi obshcheobrazovatel'noi shkole KNR: dis. ... kand. ped. nauk* [Patriotic education of students by means of vocal art in the modern general education school of the PRC: Cand. Sci. thesis in Pedagogical Sciences]. Volgograd, 2022. 221 p.
13. Nazukina M. V. [Images of the Russian Arctic in the official dispute: the research for the explanation for the macro regional identity]. In: *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, no. 11, pp. 39–49.
14. Nebratenko G. G., Larina O. G. [The doctrine of the revival of post-Soviet Turkmen statehood by Saparmurat Niyazov]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2021, no. 12, pp. 118–126.
15. Parsons T. On social systems (Rus. ed.: Chesnokova V. F., Belanovskii S. A., eds. *O sotsial'nykh sistemakh*. Akademicheskii Proekt Publ., 2002. 832 p.).
16. Popova O. V. [Specific features of political identity in Russia and in European countries]. In: *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2009, no. 1, pp. 143–157.
17. Rtskhiladze G. V. [The memory of the Great Patriotic War in modern Georgia]. In: *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 2020, vol. 3, no. 5, pp. 409–414.
18. Sadokhin A. P. *Narody Severa Rossii: obychai, tradicii, kul'tura* [Peoples of the North of Russia: customs, traditions, culture]. Moscow, KnoRus Publ., 2017. 750 p.
19. Timofeev A. Yu. [Yugoslavia-2000: Technology and tactics of the «quick revolutions». Part 1. Technology of overthrowing S. I. Milosevic]. In: *Obozrevatel* [Observer], 2016, no. 4, pp. 26–37.
20. Fedotova V. G. [Modernization and globalization]. In: Ilyin M. V., Inozemtsev V. L., eds. *Megatrends of global development* [Megatrends of world development]. Moscow, Ekonomika Publ., 2001, pp. 83–93.
21. Huntington S. The Clash of Civilizations (Rus. ed.: Velimeev T., Novikov Yu., trans. *Stolknovenie civilizatsij*. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.).
22. Chzhu Sjaoman'. *Rossija – Kitaj: Obrazovatel'nye reformy na rubezhe XX–XXI vv.: sravnitel'nyj analiz* [Russia – China: Educational reforms at the turn of the XX–XXI centuries: comparative analysis]. Moscow, RAO Publ., 2007. 591 p.
23. Bartolini S. *Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union*. New York, Oxford University Press, 2005. 444 p.

24. Jaewuk Jung, Ju Hyung Huh, Jinkyung Na. What Makes Someone a Korean: Comparing Koreans Explicit and Implicit Attitude on National and Ethnic Identity. In: *Korean Journal of Social and Personality Psychology*, 2020, no. 34, pp. 73–94.
25. Janusz Bugajski. Failed State: A Guide to Russia's Rupture. Washington, The Jamestown Foundation, 2022. 450 p.
26. Kwang-il Yoon. Political Psychology on Korean National Identity. In: *Culture and Politics*, 2017, no. 4, pp. 5–41.
27. Radyuk A. V., Devyatnikova K. G. Critical discourse analysis of stigmatized presuppositions in mass media. In: *Issues of Applied Linguistics*, 2021, iss. 42, pp. 67–88. DOI: 10.25076/vpl.42.03.
28. Won Taek Kang. Korean Identity. In: *EAI Working Paper*, 2020, no. 168, pp. 1–21.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 02.11.2022

Статья размещена на сайте: 18.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абрамов Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; главный редактор электронного сетевого издания «Вестник Московского государственного областного университета»; e-mail: abram-off@mail.ru

Буров Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН); e-mail: aleksandrborov94@gmail.com

Бхагват Джавахар Вишну – доктор политологии, доцент Университета Мумбаи (Республика Индия); e-mail: jawahar71@mail.ru

Габдулина Багыш Ахметовна – кандидат исторических наук, профессор факультета журналистики и политологии Евразийского Национального университета имени Л. Н. Гумилёва (Республика Казахстан); e-mail: Gabdulina_ba@enu.kz

Джанаева Алтн Эрдниевна – редактор отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН); специалист по учебно-методической работе кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: djanaeva-altn@ya.ru

Калфаоглу Рабия – кандидат политических наук, доцент Университета имени Реджепа Тайипа Эрдогана (Турецкая республика); e-mail: rabiakalfaoğlu@gmail.com

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: kapizin@yandex.ru

Ким Чжуён – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: humvee710@naver.com

Кокурина Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН); профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: kokurina@polit.msu.ru

Костина Анна Максимовна – студентка факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: annkostina70@yandex.ru

Сергазин Ерболат Фаттахович – доктор политологии, доцент факультета журналистики и политологии Евразийского Национального университета имени Л. Н. Гумилёва (Республика Казахстан); e-mail: sergazin1958@mail.ru

Шiao Цзянина – аспирантка кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: hellonina08@gmail.com

Шапаров Александр Евгеньевич – доктор политических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: teledvina@rambler.ru

Andrey V. Abramov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the electronic online publication "Bulletin of the Moscow Region State University"; e-mail: abram-off@mail.ru

Alexander. S. Burov – Research Assistant, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: aleksandrbyurov94@gmail.com

Jawahar Vishnu Bhagwat – PhD (Political Sciences), Assoc. Prof., University of Mumbai (Republic of India); e-mail: jawahar71@mail.ru

Bagysh A. Gabdulina – Cand. Sci. (Historical Sciences), Prof., the Faculty of Journalism and Political Science, L. N. Gumilev Eurasian National University; e-mail: Gabdulina_ba@enu.kz

Altn E. Janaeva – Editor, Department of Political Science, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; specialist in educational and methodological work, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: djanaeva-alt@ya.ru

Rabia Kalfaoglu – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Recep Tayyip Erdogan University (Republic of Turkey); e-mail: rabiakalfaoglu@gmail.com

Vladimir M. Kapitsyn – Dr. Sci. (Political Science), Prof., Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: kapizin@yandex.ru

Kim Chueng – Postgraduate Student, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: humvee710@naver.com

Olga Yu. Kokurina – Dr. Sci. (Law), Chief Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; Prof., Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: kokurina@polit.msu.ru

Anna M. Kostina – Student, the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: annkostina70@yandex.ru

Yerbolat F. Sergazin – PhD (Political Sciences), Assoc. Prof., the Faculty of Journalism and Political Science, L. N. Gumilev Eurasian National University; e-mail: sergazin1958@mail.ru

Shao Jianina – Postgraduate Student, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: hellonina08@gmail.com

Alexander E. Shaparov – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; e-mail: teledvina@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Национальная идентичность и патриотизм в условиях международных кризисов / А. В. Абрамов, А. С. Буров, Бхагват Джавахар Вишну, Б. А. Габдулина, А. Э. Джанаева, Калфаоглу Рабия, В. М. Капицын, Ким Чжуён, О. Ю. Кокурина, А. М. Костина, Е. Ф. Сергазин, Шао Цзянина, А. Е. Шапаров // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Abramov A. V., Burov A. S., Bhagwat Jawahar Vishnu, Gabdulina B. A., Janaeva A. E., Kalfaoglu Rabiya, Kapitsyn V. M., Kim Chueng, Kokurina O. Yu., Kostina A. M., Sergazin E. F., Shao Jianina, Shaparov A. E. National identity and patriotism in conditions of international crises. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32(091)

Головинов А. В.

Алтайский государственный университет

656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, д. 61, Российская Федерация

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ СИБИРСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА (ОБЛАСТНИЧЕСТВА) В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

АННОТАЦИЯ

Цель. Провести анализ иностранных интерпретаций и оценок идеологии сибирского демократического регионализма (областничества) в новейших зарубежных исследованиях.

Процедура и методы. Проводимое исследование носит историографический характер. Главным инструментарием изучения идеологии сибирского демократического регионализма выступает политико-текстологический анализ научных произведений на данную тему англо-американских, европейских и западных авторов.

Результаты. Установлены контуры современного англо-американского, европейского и западного нарратива в понимании идеологии сибирского регионализма (областничества).

Теоретическая и практическая значимость. Работа имеет как научно-академическое, так и практическое значение. В исследовательском плане настоящая работа проливает свет на трактовки сущности и содержания политической идеологии сибирского демократического регионализма. Полагаем, что полученные в ходе исследования результаты могут быть полезны для широкого круга исследователей, занятых проблематикой политической мысли России. С практической точки зрения исследование может быть использовано при разработке государственных программ и стратегий противодействия культивированию со стороны недружественного Запада идей сепаратистской направленности. Результаты проделанной работы могут быть применимы при реализации региональной и национальной политики современной России в целях сохранения внутривнутриполитической стабильности и территориальной целостности страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сибирский демократический регионализм, зарубежная историография областничества, противодействие сепаратизму, центр-периферийные отношения

СТРУКТУРА

Введение

Англо-американский дискурс

Европейские интерпретации

Западный нарратив

Заключение

A. Golovinov

*Altai State University
prosp. Lenina 61, Barnaul 656049, Altai region, Russian Federation*

POLITICAL IDEOLOGY OF SIBERIAN DEMOCRATIC REGIONALISM (OBLASTNICHESTVO) IN THE INTERPRETATIONS OF MODERN FOREIGN RESEARCHERS

ABSTRACT

Aim. To identify and show interpretive assessments of the political ideology of Siberian democratic regionalism in the latest foreign studies.

Methodology. The current study is based on historiographical methodology. The main instrument of the study is political and textual analysis of foreign researches by British, American, European and non-Western authors.

Results. The author establishes the contours of the modern Anglo-American, European and non-Western narrative in understanding the ideology of Siberian regionalism (regionalism).

Research implications. The work has both scientific and academic and practical significance. In terms of research, this study sheds light on the interpretation of the essence and content of the political ideology of Siberian democratic regionalism. We believe these results can be useful for a wide range of researchers involved in the problems of Russian political thought. From the practical point of view, this work can be used in the development of state programs and strategies of counteracting the cultivation of secession-oriented ideas by the unfriendly West. The results of the work done may be implemented in the regional and national policy of modern Russia in order to preserve the internal political stability and territorial integrity of the country.

KEYWORDS

Siberian democratic regionalism, foreign historiography of regionalism, opposition to separatism, center-periphery relations

ВВЕДЕНИЕ

Политико-идеологическое и публицистическое творчество адептов сибирского демократического регионализма (областничества) волновало умы зарубежных исследователей ещё при жизни лидеров движения областников, т. е. в XIX в. В XXI столетии общественно-политическая мысль сибирских интеллектуалов не утратила своей актуальности и даже приобрела форму обширного дискурса в рамках зарубежных научных поисков. Данное обстоятельство вполне может быть объяснимо тем, что центральной темой политологических разработок сибирских просветителей был концепт места и роли Сибири в составе Российской империи.

Многообразный спектр концептов и реальных проблем политического бытия регионов нашего многосоставного государства, широко представленный в идеологии областников, в той или иной степени способствует процес-

су познания зарубежными учёными могущества России, её богатства как в материальном, так и в духовном – и даже в пространственном смыслах.

В настоящее время приходится наблюдать определённый рост интерпретаций и оценок общественно-политической мысли сибирских регионалистов в зарубежной исследовательской среде. Вполне очевидно, что суждения заокеанских и европейских учёных часто носят ангажированный политический характер. Идеология сибирских областников в подобных работах, как правило, понимается совершенно неверно, намеренно искажается её коренной смысл, который носит вовсе не радикальный и отнюдь не сепаратистский, а исключительно интегративный характер.

Группа западных учёных настойчиво пытается представить областничество как радикальное течение общественной мысли, каковым оно совершенно не является. Причины такого положения дел понятны и очевидны. Все они связаны с попытками коллективного Запада использовать любые средства и способы дестабилизировать внутреннюю политическую повестку отечественного государства за счёт территориального и национального факторов.

Так, в целях проработки и усовершенствования парадигмы противостояния попыткам расшатывания целостности общероссийской гражданской нации и ввиду сбережения её народов герменевтический анализ смысловых интерпретаций политической идеологии сибирского областничества в среде зарубежных исследователей видится актуальным.

Как пишут отечественные политологи, постоянным метатрендом многовековой истории России является именно сохранение и сбережение её народов в фокусе формулы «единство в многообразии» [2, с. 5]. Потому, чтобы купировать попытки Запада раскачать внутривнутриполитическую стабильность России в сложившихся современных условиях откровенного враждебного противостояния коллективного Запада, инициировавшего прокси-войну против нашего Отечества, исследование новейших иностранных интерпретационных оценок идеологии сибирского демократического регионализма может иметь наряду с научно-познавательным также и практическое значение. Цель настоящего исследования как раз и видится в попытке осветить данную проблематику.

Чтобы достичь обозначенной цели, автором предполагается последовательное решение ряда исследовательских задач: во-первых, выявить специфику современного англо-американского нарратива в понимании идеологии сибирского областничества; во-вторых, показать новейшие европейские интерпретации феномена областничества; в-третьих, охарактеризовать незападный дискурс вокруг областничества, развернувшийся в настоящее время.

Для воплощения исследовательских замыслов использовались преимущественно приёмы политико-текстологического анализа, также значение имела группа историографических методов.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ДИСКУРС

Любопытно отметить, что в современной американской научно-исследовательской литературе наблюдается высокий интерес к идеологии сибирских демократических регионалистов. Так, американец Э. Джонсон приходит к выводу, что регионалисты совершенствовали свою идеологию, правительство же и непредвиденные события заставили их искать новые пути для достижения своих целей. В целом зарубежный автор отмечает, что областники от теоретических решений регионального развития переходили к практическим [11, р. 269].

Во многом Э. Джонсон продолжил направление исследований, которое определил ещё в конце 1980-х гг. Н. Перейра, сотрудник университета в Галифаксе (Канада). Рассуждая о сущности политической идеологии областников, он обнаруживал сходство между народнической идеологией и регионалистской философией. Исследуя взаимосвязь областников и эсеров, он отмечал, что к началу 1917 г. оформилось тесное сотрудничество между двумя этими политическими группами. Тем не менее областники не создали собственной политической партии и не нашли той, с которой они могли бы договориться по всем аспектам своей идеологической платформы. Как отмечает Н. Перейра, областников и эсеров сближала преимущественно идея федеративного государственного устройства [15, р. 121].

Разносторонне развил тему политической программы областников в революционное время как раз Э. Джонсон, защитивший диссертацию по теме «Представляя Сибирь: сибирский регионализм через эволюцию и революцию» в 2016 г. на материалах Государственного архива Томской области. Американский автор приходит к выводу, что областники активно сотрудничали с политическими партиями во время революции 1905 г. и Февральской революции 1917 г., прежде всего с кадетами и эсерами. При этом областничество оставалось надпартийным и надклассовым. В отношении политической истории выводы, полученные данным автором, не так уж и новы. Подобные умозаключения констатировались ранее в отечественной историографии, например, историком М. В. Шиловским [9].

В целом выводы, полученные Э. Джонсоном, выглядят вполне адекватными и даже справедливыми. Так, из-под пера американского учёного в 2022 г. вышла в свет любопытная публикация, размещённая в журнале Ассоциации историков Северной Каролины, на тему «Пленники империи: сибирский регионализм и сибирское сепаратистское дело». Рефлексируя об идеологической сущности сибирского демократического регионализма, современный исследователь замечает, что областники Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев стремились переосмыслить отношения между европейской Россией и Сибирью, выводя Сибирь из тени европейских частей империи и помогая региону занять важное место в государстве [12].

Полагаем, что такая вполне верная трактовка социально-политической природы областничества в работах Э. Джонсона может быть объяснена выбором историографии. В списке литературы, прилагаемом к диссертации американского учёного, представлены многочисленные статьи сибирских и петербургских историков и философов в сфере областниковедения. Это прежде всего работы В. П. Зиновьева, В. А. Должикова, М. В. Шиловского, А. В. Малинова, Н. В. Серебrenникова, в том числе и работы автора настоящей статьи – А. В. Головинова [11, р. 272–278].

Апелляция к интерпретациям идеологии областничества в работах данной группы исследователей, вероятно, послужила хорошим методологическим подспорьем в научных изысканиях Э. Джонсона и вывела его исследовательские замыслы к более-менее адекватным трактовкам областничества как идеологического феномена.

Другой исследователь О. Чаррон, также гражданин США, рассматривает корни современного сибирского регионализма. Апеллируя к переписи населения 2010 г., он исследует феномен областничества в свете гипотетически возможного объявления национальности «сибиряк». По мнению данного исследователя, сторонники сибирской национальности надеялись на реальную автономию сибиряков в решении социального и экономического будущего их собственного региона [10].

Особо заметим крайнюю одиозность и радикальность взглядов этого исследователя. Так, О. Чаррон совершенно искажает концептуальный интегративный смысл областнической идеологии, сфокусированный в парадигме союзно-государственного единства. Американский учёный видит в этой доктрине то, чего в ней вовсе нет, но увидеть так хочется, – это мнимый фантом потенциала центробежных тенденций. Сибирский регионализм, как высказывается данный автор, может быть, и не новая идея, но благодаря сторонникам национальности «сибиряк», похоже, она получила новую жизнь в то время, когда России, на самом деле, это было нужно больше всего.

Вывод, очевидно, далёк от истинного определения природы сибирского демократического регионализма. Так, руководствуясь политико-текстологическим инструментарием, можно с лёгкостью обнаружить, что в языке областнической идеологии часто использовались такие термины, как «русско-сибирская народность» и «областной тип русской народности». Ни о какой национальности «сибиряк» речи не шло, потому неправомерно рассматривать идейное наследие адептов сибирского областничества в качестве парадигмы конструирования подобной идентичности. Конечно, в известной степени областники стояли у истоков наднациональной идентификации Сибири, где одной пёстрой семьёй живут и мирно сосуществуют многообразные эндемичные народности (буряты, якуты, кумандинцы, алтайцы и др.) с пришедшими сюда осваивать сибирские просторы другими этническими группами.

На этот счёт приведём мнение авторитетного сибирского историка А. В. Ремнёва, что областники полностью отдавали себе отчёт, что в сибирском «переселенческом обществе» сохраняется дуализм «метаэтнического» российского (русского) самосознания и новой региональной идентичности «сибирства», и не собирались вести с ним борьбу, не подвергая сомнению государственную целостность России. Они хотели найти эффективное сочетание общероссийского и регионального [5].

В ракурсе также радикальной риторики высказывается об идеологии сибирского областничества Э. Питт. Автор настойчиво продвигает идею, что сегодня в Сибири возрождается регионализм. Она пишет, что жители области по-прежнему видят центральное правительство как нечто, похожее на колонизатора, грабящего Сибирь с её огромными ресурсами, сохраняя при этом регион в подчинённом положении¹.

Американская исследовательница в целом демонстрирует поверхностное и предвзятое отношение к наследию основоположников сибирского областничества. О крайне посредственном понимании учения областников свидетельствует грубая фактическая ошибка, допущенная Э. Питт. Ссылаясь на фундаментальный труд Н. М. Ядринцева, она пишет, что он был издан в 1892 г.; на самом деле книга «Сибирь как колония» увидела свет раньше на целое десятилетие (sic!), опубликовали её в 1882 г.

По её мнению, согласно влиятельным работам, таким как книга Н. Ядринцева «Сибирь как колония», имперский центр эксплуатировал богатые природные ресурсы Сибири посредством неравномерной системы торговли и доходов. Как видно, Э. Питт полностью игнорирует федералистскую природу областнической идеологии.

В отечественной политической науке концептуальный геном областнической философии и идеологии как раз и определяется через его федералистские начала. Очень убедительно в этом свете выглядит позиция авторитетного профессора В. И. Коваленко, который отмечает, что в главном труде своей жизни «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении», в книге «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» и других работах Н. М. Ядринцев изобразил жизнь общества и государства прежде всего как жизнь его частей. Отечественный учёный подчёркивает, что именно развитие этих частей и есть источник развития целого [4, с. 69].

С позиций парадигмы «новой имперской истории» рассматривает идеологию областничества учёный из Нью-Йорка Д. Рэйнбоу. В 2013 г. американский исследователь защитил диссертацию по теме «Сибирские патриоты: партиципаторная автократия и Российское имперское государство:

¹ Peet E. The Rise of Siberian Nationalism // The Wilson Quarterly: [сайт]. [01.07.2015]. URL: https://www.wilsonquarterly.com/quarterly/_/the-rise-of-siberian-nationalism (дата обращения: 11.10.2022).

1858–1920 гг.» [18]. Сибирский демократический регионализм Д. Рэйнбоу изучает в контексте политической истории России второй половины XIX – начала XX вв. В проведённом исследовании он выделил эволюцию воззрений лидеров областничества от сепарационных в 1860-е гг. до государственных в 1900-е гг.

Беспристрастно анализируя работу американского историка, отечественный автор отмечает, что, пытаясь объяснить эту трансформацию, Д. Рэйнбоу показывает, что критические высказывания «сибирских патриотов» в отношении империи с самого начала имели двоякий смысл: сопротивляясь экспансии имперской власти, они в то же самое время требовали, чтобы империя создала условия, необходимые для сибирской автономии. При этом Д. Рэйнбоу считает нецелесообразным характеризовать «сибирских патриотов» в терминах оппозиции и партийной политики, т. к. это не позволяет объяснить сотрудничество областников с государством и нежелание объединяться с любой из политических партий [1].

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В современной зарубежной историографии сибирского демократического регионализма также можно отчётливо наблюдать интерес европейских учёных к феномену областничества. В этом отношении можно выделить работы А. Юргенсона. Эстонский исследователь А. Юргенсон ставит серьёзную задачу – определить коренной смысл политической идеологии областников. Он приходит к выводу, что сибирский регионализм – это субнациональное движение, параллели которому можно найти в националистических движениях Восточной и Центральной Европы XIX в. Эти движения привели к политическому национализму и образованию национальных государств. Европейского автора удивляет, что в Сибири такого не произошло [13].

В недавней своей работе, вышедшей в свет в 2020 г., британец Р. Лопес исследует взаимоотношения Сибири и Российского государства во второй половине XIX – начале XX вв. Привлекая некоторые положения идеологии областников, он констатирует, что среди различных регионов России Сибирь занимала двойственное положение, что порождает дихотомическое и даже парадоксальное представление как о российской, так и о чужой территории [14].

Сербский исследователь М. Субботик в недавней своей публикации «Сибирский регионализм между национализмом и имперским дискурсами» политические идеи сторонников сибирского областничества рассматривает как вариант федеративных доктрин в Российской империи [17]. Автор акцентирует внимание на том, что областники подчёркивали территориальную (природно-географическую) целостность страны и указывали на уникальность Сибири, в то время как её население рассматривалось лишь как осо-

бый культурно-антропологический тип русского народа. Сделав территориальность основой «сибирской идеи», как полагает М. Субботик, областники не поддерживали идеи существования (создания) «сибирской нации», они могли только утверждать уникальность Сибири как области (района) в составе Российской империи, не ставя под сомнение целостность государства [17, p. 23].

НЕЗАПАДНЫЙ НАРРАТИВ

Незападный дискурс вокруг областничества преимущественно развёртывается в исторических и этнографических изысканиях. Интересно отметить, что с идейным наследием идеологов сибирского областничества знакомы в Японии. В 2017 г. учёный-монголовед Кацухико Танака опубликовал книгу «Жизнь за Сибирь» (она, кстати, доступна в русском переводе). Он подчёркивает деятельность Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева как уникальных исследователей Центральной Азии [7]. Профессор из Японии тесно сотрудничает с Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. По этому поводу он даже опубликовал автобиографические заметки [8; 18]. Хотя в СМИ его деятельность трактуется неоднозначно: на просторах глобальной сети можно встретить мнения, что японский профессор раскрыл реваншистскую политику Токио в Сибири, а Сеул хочет забрать «спящую» Бурятию вместе с Байкалом у Японии и Китая².

В целом деятельность К. Танака носит научно-исследовательский характер, а скрываются ли за этим родом занятий какие-либо геополитические планы, – это вопрос открытый, вероятно, требующий специального обсуждения.

В сопредельных с Россией государствах творческое наследие сибирских демократических регионалистов также является объектом научных работ. Обусловлено такое внимание широтой и многообразием направлений исследовательской деятельности Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина в области истории и этнографии кочевых народов. Например, казахстанский историк С. У. Карибаев в своих недавних публикациях показывает, что, описывая повседневную жизнь населения Туркестана, Н. М. Ядринцев отмечал исключительную адаптационную приспособленность его жителей к окружающей среде [3].

Высоко оценивая значимость этнографических сведений, собранных сибирским областником, этот автор приходит к выводу, что научные разработки Н. М. Ядринцева помогают восстановить истинную картину истории народов Степного края.

² Бадмаев В. Чего хотят японцы в Сибири и почему корейцы заговорили о прародине Бурятии // Regnum: [сайт]. [24.05.2019]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2634806.html> (дата обращения: 14.10.2022).

В историко-политологическом ключе областническую идеологию исследует другой казахстанский учёный – Б. С. Токмурзаев. По его мнению, идеология сибирских демократических регионалистов прошла долгий путь от манифестаций местного патриотизма, радикально-политических заблуждений к построению концепции, в которой Сибирь признавалась колонией Российской империи [8, с. 62].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом политико-текстологический анализ новейшей зарубежной литературы, посвящённой идеологии сибирского демократического регионализма, позволяет прийти к определённым выводам.

Во-первых, наиболее обстоятельным и многообразным можно считать англо-американский дискурс о сущности и содержании сибирского областничества. В данном блоке историографии отчётливо прослеживаются полярные позиции. Мнения и суждения учёных включают в себя интерпретации, сочетающие радикальные (Э. Питт, О. Чаррон) и в некоторых случаях адекватные, т. е. в либерально-демократическом ключе, оценки феномена регионализма (Э. Джонсон, Н. Перейра, Д. Рейнбоу).

Во-вторых, умеренным и относительно объективным можно считать европейский нарратив политической идеологии областников. Вместе с тем более критические оценки идейного наследия основоположников движения областничества в фокусе взаимоотношения Сибири и Российского государства характерны для западноевропейского исследовательского подхода (Р. Лопес).

Авторы из Восточной Европы, напротив, акцентируют внимание на том, что областники подчёркивали территориальное единство России, но отмечали уникальность Сибири как особой составной части единой, но делимой страны (М. Субботик, Ю. Айвар).

В-третьих, незападный научный дискурс вокруг областничества, представленный современными азиатскими исследованиями, иллюстрирует лишь косвенный политологический аспект идеологии сибирского регионализма (Б. С. Токмурзаев). Анализ найденных современных исследований в данной области авторов из Японии и Казахстана позволяет выделить преимущественно исторический подход (К. Танака, С. У. Карибаев).

Выводы, полученные в рамках настоящего исследования, имеют не только теоретическое, но и практическое значение и могут быть использованы при разработке программ и стратегий противодействия культивированию со стороны недружественного Запада идей сепаратистской направленности. Результаты проделанной работы могут найти применение также при формировании и реализации региональной и национальной политики современной России, поскольку адекватная интерпретация идеологии об-

ластничества позволит гармонизировать центр-периферийные отношения в целях сохранения государственного единства и территориальной целостности России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Д. А. Сибирское областничество (1860-е гг. – начало XX в.) в оценках англоязычной и немецкоязычной историографии // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 68–72
2. Зорин В. Ю., Абрамов А. В. Государственная национальная политика, консолидация общества и политическая наука в современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.10.2022).
3. Карибаев С. У., Капбарова Г. Ш., Мускулова Д. А. Этнографическое наследие Н. М. Ядринцева // Евразийский Союз Учёных. 2019. № 5. С. 36–38.
4. Коваленко В. И. Идеи федерализма в русской политической мысли // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 3. С. 62–72.
5. Ремнёв А. В. Национальность «Сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3. С. 109–128.
6. Танака К. Жизнь за Сибирь / пер. с яп. М. Г. Жанцановой. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2017. 208 с.
7. Танака К. Сибирское областничество и бурят-Монголия // Мир Центральной Азии – 3 / отв. ред. Е. В. Сундуева. Улан-Удэ: Оттиск, 2012. С. 51–53.
8. Токмурзаев Б. С. Сибирское областничество как интеллектуальное и общественно-политическое движение в эпистолярном и научно-публицистическом наследии Г. Н. Потанина // Genesis: исторические исследования. 2022. № 6. С. 54–62.
9. Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск: Сова, 2008. 270 с.
10. Charron A. The Sibiriak Movement and the Roots of Modern Siberian Regionalism [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/213407636.pdf> (дата обращения: 09.10.2022).
11. Johnson A. Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution. Atlanta: Georgia State University, 2016. 299 p.
12. Johnson A. Captives of the Empire: Siberian Regionalism and the Siberian Separatist Affair // Journal of the North Carolina Association of Historians. 2022. № 29. P. 32–39.
13. Jurgenson A. Siberlaste Identiteedi Kujunemine ja Selle uks poliitillisi Avaldumisvormi oblastnikke Liikumine // Acta Historica Tallinnensia. 2007. № 11. P. 30–47.
14. Lopez R. Understanding Siberia as a Colony. Bureaucracy and Civil Society during the Era of the Great Reforms. Bristol: University of Bristol, 2020. 240 p.

15. Pereira N. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. 1988. Vol. 30. № 1. P. 112–133.
16. Rainbow D. Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. New York: New York University, 2013. 249 p.
17. Subotić M. Siberian regionalism between national and imperial discourses // Kultura polisa. 2015. № 12. P. 23–32.
18. Tanaka K. Tanaka Katsuhiko jiden: Ano jidai, ano hitobito. Tokyo: Heibonsha, 2016. 292 p.

REFERENCES

1. Anan'ev D. A. [Siberian regionalism (1860s – early XX century) in the English- and German-language Historiography]. In: *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], 2018, no. 1, pp. 68–72.
2. Zorin V. Yu., Abramov A. V. [State national policy, the consolidation of society and political science in modern Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.10.2022).
3. Karibaev S. U., Kapbarova G. Sh., Muskulova D. A. [Ethnographic heritage of N. M. Yadrintsev]. In: *Evrasiiskii Soyuz Uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], 2019, no. 5, pp. 36–38.
4. Kovalenko V. I. [Ideas of federalism in Russian political thought]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 2015, no. 3, pp. 62–72.
5. Remnev A. V. [Nationality "Siberian": regional identity and historical constructivism of 19th century]. In: *Politiya* [Politeia], 2011, no. 3, pp. 109–128.
6. Tanaka K. Life for Siberia (Rus. ed.: Zhantsanova M. G., transl. *Zhizn' za Sibir'*. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2017. 208 p.).
7. Tanaka K. [Siberian regionalism and Buryat-Mongolia]. In: *Mir Tsentral'noi Azii – 3* [World of Central Asia – 3]. Ulan-Ude, Ottisk Publ., 2012, pp. 51–53.
8. Tokmurzaev B. S. [Siberian regionalism as an intellectual and socio-political movement in the epistolary and scientific-journalistic heritage of G.N. Potanin]. In: *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research], 2022, no. 6, pp. 54–62.
9. Shilovskii M. V. *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoi zhizni regiona vo vtoroi polovine XIX – pervoi chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the 19th – the first quarter of the 20th cent.]. Novosibirsk, Sova Publ., 2008. 270 p.
10. Charron A. The Sibiriak Movement and the Roots of Modern Siberian Regionalism. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/213407636.pdf> (accessed: 09.10.2022).
11. Johnson A. Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution. Atlanta, Georgia State University, 2016. 299 p.

12. Johnson A. Captives of the Empire: Siberian Regionalism and the Siberian Separatist Affair. In: *Journal of the North Carolina Association of Historians*, 2022, no. 29, pp. 32–39.
13. Jurgenson A. Siberlaste Identiteedi Kujunemine ja Selle uks poliitillisi Avaldumisvorme oblastnike Liikumine. In: *Acta Historica Tallinnensia*, 2007, no. 11, pp. 30–47.
14. Lopez R. Understanding Siberia as a Colony. Bureaucracy and Civil Society during the Era of the Great Reforms. Bristol, University of Bristol, 2020. 240 p.
15. Pereira N. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917. In: *Canadian Slavonic Papers*, 1988, vol. 30, no. 1, pp. 112–133.
16. Rainbow D. Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. New York, New York University, 2013. 249 p.
17. Subotić M. Siberian regionalism between national and imperial discourses. In: *Kultura polisa*, 2015, no. 12, pp. 23–32.
18. Tanaka K. Tanaka Katsuhiko jiden: Ano jidai, ano hitobito. Tokyo, Heibonsha, 2016. 292 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 16.10.2022

Статья размещена на сайте: 18.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Головинов Александр Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета; e-mail: alex-golovinov@mail.ru

Aleksandr V. Golovinov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Constitutional and International Law, Altai State University; e-mail: alex-golovinov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Головинов А. В. Политическая идеология сибирского демократического регионализма (областничества) в интерпретациях современных зарубежных исследователей // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Golovinov A. V. Political ideology of Siberian democratic regionalism (oblastnichestvo) in the interpretations of modern foreign researchers. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 323

Кабазиев М. Ш.

Уральский федеральный университет

620019, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, Российская Федерация

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЯХ ГРАЖДАН СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ моделей идентичности, конструируемых в современном Казахстане.

Процедура и методы. Анализируются гражданская («казахстанская») и этническая («казахская») модели формирования политической идентичности Республики Казахстан. Основными научными подходами стали конструктивизм и системный подход, которые использовались в отношении политической практики современного Казахстана. Применялся также метод политического моделирования.

Результаты. Выявлено, что в процессе конструирования гражданской идентичности в Казахстане создаётся национальный миф, предполагающий несколько универсальных историко-политических императивов: утверждение о древности народа и казахстанской государственности, императив «вековых традиций» народа, духовный колониализм и автаркия. В ходе исследования выявлены проблемы формирования гражданской казахстанской нации: подмена отдельных общенациональных компонентов этнонациональными (казахстанского – казахским).

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть применены при компаративном анализе процессов нациестроительства и конструирования политической идентичности в других странах бывшего СССР, а также при прогнозировании политического развития Казахстана.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическая идентичность, гражданская идентичность, этническая идентичность, конструктивизм, Республика Казахстан, гражданская нация

СТРУКТУРА

Введение

Национальный миф как основа для гражданской идентичности

Заключение

M. Kabaziev

Ural Federal University
ul. Mira 9, Yekaterinburg 620019, Russian Federation

TO THE QUESTION OF ETHNIC AND CIVIL POLITICAL IDENTITY OF CITIZENS OF MODERN KAZAKHSTAN

ABSTRACT

Aim. To analyze the civil component in the political identity of modern Kazakhstan.

Methodology. The civil ("Kazakh") and ethnic ("Kazakh") models of the formation of the political identity of the Republic of Kazakhstan are analyzed. The main approaches were constructivism and a systematic approach, which were used in relation to the analysis of political practice of modern Kazakhstan. The method of political modeling was also used.

Results. The study revealed that in the process of constructing civil identity in Kazakhstan, a national myth is being created that employs several universal historical and political imperatives: the assertion of the the people and the Kazakh statehood' antiquity, the imperative of the "age-old traditions" of the people, spiritual colonialism, and autarky. In the course of the study, the problems of the formation of a civil Kazakh nation were identified: the substitution of certain national components with ethnic and national ones).

Research implications. The results of the study can be used both in the comparative analysis of the nation-building processes and the construction of political identity in other countries of the former USSR, as well as in predictive research regarding the political development of Kazakhstan.

KEYWORDS

political identity, civic identity, ethnic identity, constructivism, Kazakhstan, civil nation

ВВЕДЕНИЕ

Несущей конструкцией государственности в современном мире является политическая идентичность. Она основана на понятии «нация» и на принадлежности к ней подавляющего числа граждан. Другими словами, конструирование политической идентичности – это способ создания национального государства европейского образца.

Ядром национального государства является «титутельная нация». Это не означает этнической гомогенности населения, но представляет восприятие гражданами друг друга как единого целого организма, совокупности взаимосвязанных между собой компонентов. В основе такого единства должно быть культурное ядро, которое, как правило, выстраивается на основе наиболее многочисленного этноса либо этноса, контролирующего институты власти.

В случае с современной Республикой Казахстан на момент учреждения государства после распада СССР казахский этнос составлял менее 50% тры-

доспособного населения¹. Это не позволяло говорить о стране как о мононациональном государстве, а в многонациональном государстве абсолютизация этнического фактора влечёт за собой серьёзные риски и угрозы стабильности политической системы в целом. Таким образом, Казахстану пришлось выстраивать модель политической идентичности, способной объединить несколько этносов в единую казахстанскую гражданскую нацию.

Целью данного исследования является анализ становления политической идентичности современного Казахстана. Авторская позиция заключается в том, что витальной потребностью постсоветских стран является создание нации как основы для существования государства, основы политической идентичности. При этом понимание нации может быть крайне различным. Относительно Казахстана существует две модели:

1. этническая модель – предполагает рассмотрение нации исключительно как этнического конструкта;
2. гражданская модель – предполагает формирование гражданской нации.

В данной статье рассматриваются как соотношение данных понятий, так и структура гражданской модели нациестроительства. Понятия национальной и политической идентичности рассматриваются как синонимичные ввиду того, что политическая идентичность является концептом в рамках национального государства в европейском его понимании.

При написании статьи основными научными подходами стали конструктивизм и системный подход, которые использовались в отношении политической практики современного Казахстана. Применялся также метод политического моделирования.

Задачи настоящего исследования:

1. обозначить основные проблемы формирования политической идентичности в Республике Казахстан;
2. оценить конструктивистский опыт формирования моделей идентичности;
3. определить проблемы и перспективы формирования казахстанской нации и национальной идентичности.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ КАК ОСНОВА ДЛЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Процесс создания казахстанской идентичности имеет диалектическую природу. С одной стороны, важную роль культурной основы играет этническая идентичность. С другой стороны, для артикуляции интересов других народов страны этническая идентичность должна дополняться иными

¹ Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. Алматы, 2000. С. 6–200; Демографический ежегодник Казахстана: статистический сборник, 2005. Алматы, 2005. С. 88–93.

этноидентичностями, образуя в совокупности гражданскую идентичность. Данный вид идентичности конструируется специально для объединения государства, создания новой казахстанской нации, институционализации занимаемой территории, легитимации политической власти.

Национальная идентичность – гораздо более широкий феномен, чем этническая идентичность [1]. Формирование национальной идентичности европейского образца в Казахстане затруднено несколькими историческими особенностями. Национальные государства в Европе появились в результате кризиса феодальной системы, тогда как казахстанское общество не только не пережило его, но и на момент вхождения в состав российского государства представляло собой дофеодальную клановую структуру.

Характерное трайбалистское сознание не было поглощено в общую имперскую и советскую культуры, а сохранилось как элемент сельской среды. «У кочевников практически отсутствовали феодальные революции в прямом смысле этого слова. Все кочевые государства носили не политический, а потестарный характер и управлялись на основе архаических институтов редистрибуции и реципрокации» [10].

Тем не менее параллельный процессу формирования этнической нации процесс строительства гражданской нации и конструирования новой политической идентичности Казахстану необходим. Формирование гражданской основы сплочения нации позволило бы эффективно интегрировать все проживающие этносы в единый казахстанский народ. «Казахстанизация имеет конечной целью казахизирующий мультикультурный национализм, при котором неказахские группы получают право на признание, но в то же самое время должны адаптироваться к новой казахоцентричной элите» [20].

В общих чертах гражданская идентичность основывается на формировании у граждан представления о генезисе государства как института, о достижениях страны и принципах организации институтов власти [7]. Эти и иные компоненты гражданской нации требуют формирования целостного национального мифа [16]. В его основу заложены несколько универсальных историко-политических императивов [15].

Во-первых, необходимо сформировать *исторический миф*. Он предполагает прежде всего комплексное *представление о глубокой древности казахского народа*. Это позволит повысить символическую значимость казахов по сравнению с другими проживающими в стране этносами.

Исторический миф также должен включать в себя *положения о древности казахстанской государственности*, миролюбивой политике и высоком интеграционном потенциале. Как отмечают некоторые эксперты, на этом пути нередки искажения исторических фактов и даже прямая фальсификация истории [9].

Главный концептуализирующий вектор создания этноисторического мифа основывается на представлении, что казахский народ является автох-

тонным для пространства Центральной Азии. Более того, предки современных казахов – иранские племена саков – были тюркоязычными. Символическая институционализация этого устремления была заложена в возведении тридцатиметрового монумента сакскому воину в Алма-Ате. Иные исторические концепции были ещё более радикальны. Звучал тезис, что турки жили в центральноазиатском регионе до его заселения индоевропейскими народами [6] или даже что предками шумер являются именно турки [17]. Стоит заметить, что похожие исторические мифы использовались в разное время и в других постсоветских тюркских государствах, особенно в Узбекистане, а также в Турции [5].

Во-вторых, для формирования гражданской идентичности необходимо сформулировать *императив «вековых традиций»*. Эта составляющая национального мифа подразумевает, что современным казахстанцам присущи культурные составляющие, веками укоренённые в почве, крови и религии. Данные составляющие направлены на *институционализацию пространства* современного Казахстана как естественной ойкумены казахского и близких к нему народов. В стране достаточно популярны теории «степной» или «кочевой» демократии, издревле свойственной народу и представляющей собой одну из важных вех казахстанской государственности [13]. Впрочем, поскольку в соседней Киргизии данная риторика использовалась определёнными силами в ходе «цветных» революций, в современном Казахстане она постепенно уходит из публичного пространства. Кроме этого, у всех этнических групп Казахстана должно быть сформировано представление об общем прошлом – некоей объединяющей всех константе.

Императив «вековых традиций» включает в себя и так называемый *культ великих предков* – определение социально значимых (великих) исторических личностей, связанных с территорией современного государства и способных стать основой конструирования гражданской нации и идентичности. «Обращение к личностям казахских биев, батыров, религиозных деятелей, лидеров протестных движений представляет собой пример реинтерпретации или рекурсивного движения, которое есть прочитывание заново или включение прошлого в актуальность настоящего» [15].

В современном Казахстане таким историческим персонажем стал аль-Фараби – известный учёный, философ, математик, музыкант и создатель Отрарской библиотеки [13]. Несмотря на то, что он, скорее всего, имел персидские корни, был рождён на территории современного Афганистана, а умер на территории современной Сирии, факт проживания на территории современного Казахстана позволяет включить аль-Фараби в казахстанское символическое пространство. В его честь названо множество географических объектов, имя увековечено в топонимике, марках, банкнотах и названии Казахского национального университета имени аль-Фараби в Алма-Ате. Аналогично подобные культы имеют место и в других республиках Центральной Азии.

Укреплению вековых традиций как части массовой гражданской культуры также способствует формирование *мемориальной идентичности*. Это направление политической идентичности предполагает выявление и создание сакральных мест государственной истории. Данные места необязательно должны быть связаны с традициями именно казахов, но должны способствовать политической конвергенции. В противовес данной политике может принижаться значимость символических мест иных культур, почитание которых не способствует созданию единой гражданской политической идентичности. В этой связи показательно отношение в Казахстане к мемориалам уйгурской культуры. Поскольку уйгуры воспринимаются как субэтнос казахов, любые символы их аутентичной истории, не связанной с историей казахского народа, не являются значимыми. Как отмечается, власти современного Казахстана противодействуют выявлению и сохранению таких культурных объектов. Например, власти отказываются благоустраивать и охранять пещеру Назугум – важный символ уйгурской истории [11].

Ещё одно направление мемориальной идентичности – создание новых национальных праздников. Показательно, что Казахстан не пошёл по пути виктимизации собственной истории и сохранил наиболее значимые советские праздники. Но также появился и ряд новых значимых дат: Наурыз мейрамы (21 марта), День Конституции Республики Казахстан (30 августа), День Первого Президента Республики Казахстан (1 декабря), и День Независимости Республики Казахстан (16 декабря).

В-третьих, для формирования гражданской идентичности необходимо обеспечить «*духовный колониализм*». Данная составляющая исторического мифа предполагает формирование комплексного понимания истории, а также способность абсорбировать в собственную гражданскую культуру смыслы и символы иных культур и продуцировать новые культурные символы и значения.

В самом общем виде казахстанский духовный колониализм выразился в *идее евразийства* как альтернативы евроцентричному миру. Были у него и частные проявления – государственные проекты, направленные на реформирование и реконцептуализацию культуры. К таким проектам можно отнести: «Великие имена Великой степи», «Музей древнего искусства и технологий Великой степи», «Тысяча лет степного фольклора и музыки», «Архив-2025» и иные [14].

Важным символом духовного колониализма стало *создание новой столицы государства* – Астаны. Её функция заключалась не только в создании нового административного центра, способствующего экономическому развитию степных районов Казахстана, но также в создании символа новой нации: нового визуального и архитектурного стиля, новой топонимики [2]. Как совершенно справедливо отмечается экспертами, новая столица была способом создания новой нации [8]. За строительством новой столицы по-

следовала и попытка создания нового государственного изобразительного искусства, которое должно было стать частью национального мифа [4].

Лингвистическому переосмыслению подверглись не только столица, название которой за неполную половину века сменилось три раза, но также крупные города, районные центры, улицы и государственные учреждения. Так, за первые 15 лет существования независимого Казахстана свои названия сменили 3 области, 12 крупных городов, 35 районных центров, 7 городских районов, 957 малых муниципальных образований, 43 железнодорожных станции, а также около 900 различных государственных учреждений, в том числе больницы, дома культуры, школы, университеты, объекты спортивной инфраструктуры [3].

В-четвёртых, закрепление национальной мифологии в качестве основы новой политической идентичности невозможно без определённой *автаркии*. Контур этого ценностного императива построен вокруг представления о надвигающейся на Казахстан опасности, о некоей экзистенциальной угрозе. Действительно, в сопредельных странах растёт недоверие к Казахстану, которое потенциально может вылиться в угрозу территориальной целостности страны. В качестве противовеса данной угрозе казахской элитой предпринята попытка провозгласить «национальное возрождение», апеллируя к идеям пантюркизма и пантуранизма. Однако риторика такого рода привела лишь к росту этнического национализма в противовес межнациональному единству и ирредентизму. Необходимо отметить, что в общественно-политическом дискурсе Казахстана имеют место высказывания о территориальных претензиях Астаны к России (Оренбуржье и тюркоязычные регионы), а также к республикам Центральной Азии, прежде всего к Узбекистану. Существуют даже проекты создания пантюрокского объединения, которое интегрирует в себя не только республики Центральной Азии, но также и тюркоязычные регионы Кавказа².

В целом попытки стимулировать «национальное возрождение» привели только к росту угрозы возникновения межэтнических конфликтов [18], заставив руководство Казахстана проводить любые изменения медленно и деликатно [12]. Дистанцирование от националистических кругов видно не только в реальной политике, но и в символических жестах. Например, последнее обращение Президента Казахстана к нации (1 сентября 2022 г.) было сделано на двух языках: часть тезисов была озвучена на казахском, а часть – на русском.

² Шумилов М. М. Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI в. Часть 1 // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 36–53.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в современной Республике Казахстан существует два условных сценария создания (модели) нациестроительства: этнический и гражданский. Оба сценария являются продуктом политического конструктивизма. Этнический сценарий предполагает, что Казахстан должен стать государством казахского народа. Гражданский сценарий отводит казахам системообразующую роль в деле формирования нации, акцентируя внимание на формировании полиэтнической казахстанской общности, состоящей из разных проживающих в стране народов, объединённых общей историей и институтами.

Как видно, указанные сценарии (модели) не являются однозначно взаимоисключающими, однако с усилением одного второй неизменно теряет актуальность. В такой интерпретации вся современная история Республики Казахстан может быть представлена как хроника изменения доминирующих тенденций в научном дискурсе, получивших названия «казахизация» и «казахстанизация».

В основе «казахизации» лежит необходимость повышения этнического компонента. Это предполагает увеличение демографической доли казахов, повышение уровня владения казахским языком, развитие системы образования на национальном языке. В основе же «казахстанизации» – задача формирования в стране гражданской нации в европейском её понимании. Это предполагает наличие национальной мифологии, комплексного понимания истории, наличие объединяющих народы оснований и формирования символов нового Казахстана.

По данным социологических исследований, на сегодняшний день в сфере политической идентичности преобладает именно гражданская компонента – она доминирует у порядка 90% населения. Граждане склонны считать себя, в первую очередь, гражданами Казахстана, и лишь затем – представителями определённой этнической группы [19, с. 31].

Более того, подавляющая часть населения удовлетворена политикой государства в сфере формирования идентичности [11]. Безотносительно этнической принадлежности людей больше волнуют проблемы социально-экономического характера. Это свидетельствует не только о высокой значимости материального фактора, но и о том, что они ощущают себя частью единой нации.

Тем не менее, несмотря на то, что процесс казахстанского нациестроительства осуществляется чуть более 30 лет, пока затруднительно говорить о наличии в Казахстане прочной политической (гражданской) идентичности. Для её формирования политикам страны и гражданскому обществу предстоит приложить ещё немало усилий на ниве консолидации общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдина А. К. О национальной и государственной идентичности Беларуси и Казахстана // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 163–173.
2. Вежицки А. Перспективы формирования казахстанского народа // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 48–62.
3. Гизатуллина Г. А. Цивилизационные императивы казахстанской государственной идентичности // История и современность. 2015. № 2. С. 119–131.
4. Ергалиева Р. А. Трансформация культурной традиции в современном искусстве Казахстана // Учёные записки (АГАКИ). 2017. № 2. С. 209–213.
5. Исаков А. С. Политическая модернизация в странах исламского Востока: концептуальный генезис // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 1. С. 79–92.
6. Камолитдин Ш. О понятии этногенеза в «Этническом атласе Узбекистана» // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 52–56.
7. Керимов А. А. Политическое образование как фактор формирования гражданской идентичности // Индустриальное развитие региона и мира: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 19–20 октября 2018 г. / отв. ред. О. М. Семерикова. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2019. С. 64–70.
8. Ковальская С. И., Аканов К. Г. Перенос столицы как инструмент политики нациестроительства и миграционная динамика населения Астаны // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 54–64.
9. Кондорский Б. М. Сравнительный анализ современной социально-политической ситуации в Казахстане и Украине с позиций революционной концепции исторического развития // Ноосферные исследования. 2022. № 2. С. 75–89.
10. Кондорский Б. М. Январские события 2022 года в Казахстане. Сравнительно-исторические факторы и предпосылки // Свободная мысль. 2022. № 2. С. 49–62.
11. Курганская В. Д., Шайкемелев С. А. Возможности нейтрализации вызовов и угроз в сфере межэтнических отношений (по итогам мониторинга межэтнических отношений в Республике Казахстан в 2015 г.) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 6. С. 90–111.
12. Летняков Д. Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2015. № 4. С. 100–115.
13. Летняков Д. Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 144–167.
14. Малиновский В. А. Национальная идея и конституционная идентичность Республики Казахстан: эволюция доктрины и практики // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник. Материалы Третьей международной научно-практической конференции в рамках Общественно-научного форума «Здравствуй, Россия!»,

- Москва, 14–15 октября 2020 г. / отв. ред. В. И. Герасимов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 123–128.
15. Нургалиева Ж. К. Национализация истории как ключевой ресурс конструирования новой коллективной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 1. С. 236–243.
 16. Рыжичкин Н. Н. Постсоветский Казахстан. Пути формирования национальной идентичности // Свободная мысль. 2020. № 3. С. 175–186.
 17. Сулейменов О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменности. Алматы: Атамұра, 2002. 318 с.
 18. Сченснович В. Н. Воздействие средств массовой информации Казахстана на этнополитику Республики (аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир. 2021. № 1. С. 65–78.
 19. Телебаева Г. Т. Языковая политика в Республике Казахстан. Астана: Елорда, 2014. 198 с.
 20. Хименес Товар С. «Казахстанизация» Казахстана: языковая политика, национализм и этнические меньшинства // Россия и мусульманский мир. 2015. № 1. С. 69–77.

REFERENCES

1. Abdina A. K. [On the national and state identity Belarus and Kazakhstan]. In: *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological almanac], 2012, no. 3, pp. 163–173.
2. Vezhbitski A. [Prospects for the formation of the Kazakh people]. In: *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2006, no. 4, pp. 48–62.
3. Gizatullina G. A. [Civilization imperatives of the Kazakh state identity]. In: *Istoriya i sovremennost'* [History and modernity], 2015, no. 2, pp. 119–131.
4. Yergaliyeva R. A. [The transformation of the cultural tradition in the contemporary art of Kazakhstan]. In: *Uchenye zapiski (AGAKI)* [Proceedings of Altai State Academy of Culture and Arts], 2017, no. 2, pp. 209–213.
5. Isakov A. S. [Political Modernization in the Islamic East: A Conceptual Genesis]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki* [Izvestia Ural federal university journal. Series 3, Social and political sciences], 2017, vol. 12, no. 1, pp. 79–92.
6. Kamoliddin Sh. [On the concept of ethnogenesis in the "Ethnic Atlas of Uzbekistan"]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2005, no. 1, pp. 52–56.
7. Kerimov A. A. [Political education as a factor in civic identity formation]. In: Semerikova O. M., ed. *Industrial'noe razvitiye regiona i mira: istoriya i sovremennost': materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 19–20 oktyabrya 2018 g.* [Industrial development of the region and the world: history and modernity: materials of the All-Russian Scientific Conference, Yekaterinburg, October 19–20, 2018]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UMTs UPI Publ., 2019, pp. 64–70.
8. Kovalskaya S. I., Akanov K. G. [The relocation of the capital as an instrument of the nation-building policy and migration dynamics of the Astana

- population]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2016, no. 412, pp. 54–64.
9. Kondorsky B. M. [Comparative analysis of the current socio-political situation in Kazakhstan and Ukraine from the standpoint of a revolutionary concept of historical development]. In: *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Studies], 2022, no. 2, pp. 75–89.
 10. Kondorskii B. M. [Events of january 2022 in Kazakhstan. Comparative historical factors and background]. In: *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 2002, no. 2, pp. 49–62.
 11. Kurganskaya V. D., Shaikemelev S.-A. M. [Neutralization of challenges and threats in the sphere of inter-ethnic relations: results of inter-ethnic relations monitoring in the republic of Kazakhstan, 2015]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 2015, no. 6, pp. 90–111.
 12. Letnyakov D. E. [The Role of the Russian Language in Post-Soviet Central Asia]. In: *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Politeia], 2015, no. 4, pp. 100–115.
 13. Letnyakov D. E. [Nation-Building: Identity Policies in Post-Soviet States]. In: *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2016, vol. 25, no. 2, pp. 144–167.
 14. Malinovskii V. A. [National Idea and Constitutional Identity of the Republic of Kazakhstan: Evolution of Doctrine and Practice]. In: Gerasimov V. I., ed. *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Materialy Tre'tei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh Obshchestvenno-nauchnogo foruma "Zdravstvui, Rossiya!", Moskva, 14–15 oktyabrya 2020 g.* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference as part of the Social and Scientific Forum "Hello, Russia!", Moscow, October 14–15, 2020]. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN Publ., 2020, pp. 123–128.
 15. Nurgalieva Zh. K. [Nationalization of History as a Key Tool to Create New Collective Identity]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg university. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy], 2012, no. 1, pp. 236–243.
 16. Ryzhichkin N. N. [Post-Soviet Kazakhstan. The paths of building national identity]. In: *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 2020, no. 3, pp. 175–186.
 17. Suleimenov O. *Tyurki v doistorii. O proiskhozhdenii drevnetyurkskikh yazykov i pis'mennosti* [Turks in prehistory. On the origin of the ancient Turkic languages and writing]. Almaty, Atamura Publ., 2002. 318 c.
 18. Schensnovich V. N. [The Impact of the Mass Media of Kazakhstan on the Ethnopolitics of the Republic (Analytical Review)]. In: *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Moslem World], 2021, no. 1, pp. 65–78.
 19. Telebaeva G. T. *Yazykovaya politika v Respublike Kazakhstan* [Language policy in the Republic of Kazakhstan]. Astana, Elorda Publ., 2014. 198 p.

20. Jimenez Tovar S. ["Kazakhstanization" of Kazakhstan: language policy, nationalism and ethnic minorities]. In: *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Moslem World], 2015, no. 1, pp. 69–77.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 27.09.2022

Статья размещена на сайте: 18.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кабазиев Манарбек Шакирович – соискатель кафедры политических наук Уральского федерального университета; e-mail: kabaziyev74@mail.ru

Manarbek Sh. Kabaziev – External Postgraduate Student, Department of Political Sciences, Ural Federal University; e-mail: kabaziyev74@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Кабазиев М. Ш. К вопросу об этнической и гражданской политической идентичностях граждан современного Казахстана // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Kabaziev M. Sh. To the question of ethnic and civil political identity of citizens of modern Kazakhstan. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 327

Комлева Н. А.

Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем
121108, г. Москва, ул. Герасима Курина, д. 10, корп. 2, Российская Федерация

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение ключевых форм существования и функционирования идеологии в современном российском обществе.

Процедура и методы. Применяются системный, компаративный и феноменологический методы исследования.

Результаты. В современной России де-факто существуют две основных формы идеологии. Это идеология официальная – идеология доминирующих социальных групп, каковой является либерализм (но при этом де-юре официальной идеологии в России нет и быть не может), – и идеология катакомбная, присущая социальным группам, не занимающим ключевых позиций в экономической и политической жизни страны, каковой является консерватизм. Полноценное существование и манифестирование консервативной идеологии во всех формах, присущих идеологии официальной, в наибольшей мере зависит от получения этими группами реального доминирования или, что более вероятно, реального ко-доминирования в экономической и политической системах общества.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования вносят определённый вклад в политическую теорию, а также имеют значение для прогнозирования политического развития современной России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идеология, государственная идеология, официальная идеология, катакомбная идеология, классический либерализм, манифестирование идеологии, консерватизм, социальное доминирование, социальное ко-доминирование

СТРУКТУРА

Введение

Идеология современной России: сущность, специфика, основные формы существования

Заключение

N. Komleva

*Geopolitical analysis Center in Academy of geopolitical problems
ul. Gerasima Kurina 10/2, Moscow 121108, Russian Federation*

THE MAIN FORMS OF EXISTENCE OF IDEOLOGY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

ABSTRACT

Aim. To study the key forms of the existence and functioning of ideology in modern Russian society.

Methodology. The main methods of research are systematic, comparative, and phenomenological.

Results. There are de facto two main forms of ideology in modern Russia. This is the official ideology, the ideology of dominant social groups, which is liberalism (but at the same time there is no de jure official ideology in Russia and there cannot be), and the catacomb ideology inherent in social groups that do not occupy key positions in the economic and political life of the country, which is conservatism. The full-fledged existence and manifestation of conservative ideology in all forms inherent in the official ideology depends to the greatest extent on these groups gaining real dominance or, more likely, real co-dominance in the economic and political systems of society.

Research implications. The results of the study make a certain contribution to political theory, and are important for forecasting modern Russia's political development.

KEYWORDS

ideology, state ideology, official ideology, catacomb ideology, classical liberalism, manifestation of ideology, conservatism, social dominance, social co-dominance

ВВЕДЕНИЕ

Исследование идеологии как социального института ведётся весьма интенсивно. Базовыми классическими работами этого плана являются труды таких западных учёных, как А. Дестют де Траси [6], А. Грамши [4], Л. Альтюссер [1], Т. Кун [10], К. Маннгейм¹. Значительный вклад в изучение феномена идеологии внесли российские учёные С. Г. Кара-Мурза [8], А. И. Яковлев [17], Ю. Г. Волков [3] и ряд других.

Тем не менее бытует представление о том, что «чётко дать определение термину “идеология” не представляется возможным, так как понятие охватывает сразу несколько научных полей» [5, с. 9], а идеология как феномен «не имеет чёткой системы и является более конструктом воображения» [5, с. 9].

В последние годы в научных изданиях и социальных сетях развернулась дискуссия о том, необходима ли государству / обществу идеология как таковая. Позиции противников официальной идеологии пространно изложены в работе доцента МПГУ и по совместительству сопредседателя Совета Инсти-

¹ Маннгейм К. Идеология и Утопия // LibFox: [сайт]. URL: <https://www.libfox.ru/270314-karl-mannheim-ideologiya-i-utopiya.html#book> (дата обращения: 22.09.2022).

тута свободы совести С. Бурьянова, опубликованной в 2018 г. на английском языке, «State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization» («Мировоззренческий нейтралитет государств в условиях усиления неравномерности развития глобальных процессов (на примере Российской Федерации 2016 – начала 2017 года)»)². Основная мысль С. Бурьянова состоит в том, что современное правовое государство не может иметь никакой идеологии во избежание ущемления свободы совести и иных социальных и политических свобод индивида.

Концепция мировоззренческого нейтралитета государства в её правовом выражении присутствует и в ныне действующей Конституции России (ст. 13, пп. 1 и 2): «1. В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»³.

Данная концепция, как и предшествовавшая ей (1960–1970-е гг.) концепция деидеологизации, «в неявной форме», как говорят философы, направлена прежде всего против коммунистической идеологии, но в данный момент исторического развития, в условиях ведения тотальной гибридной войны против России⁴, является одним из «боевых» конструктов разрушения не только информационно-идеологического, но и всех иных геополитических пространств России. В связи с этим правомерно утверждать, что официальная идеология является необходимым атрибутом как государства, так и общества.

Рассмотрим в данной статье феномен официальной идеологии и основные формы её существования в обществе, чтобы ответить на вопрос, существует или нет в современной России официальная идеология и почему в научной литературе, в публицистике, в блогах и СМИ постоянно звучат призывы такую идеологию создать.

Исследование осуществляется на основе системного, компаративного и феноменологического методов.

² Buryanov S. A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization // The Brights: [сайт]. URL: <https://brights-russia.org/wp-content/uploads/2018/07/State-Worldview-Neutrality-The-Case-of-the-Russian-Federation-E-book.pdf> (дата обращения: 26.09.2022).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года №11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №8-ФКЗ) // Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации [сайт]. URL: <http://duma.gov.ru/news/55446/> (дата обращения: 26.10.2022).

⁴ Лавров заявил, что России объявили гибридную, тотальную войну // ТАСС: [сайт]. [25.03.2022]. URL: <https://tass.ru/politika/14182633?ysclid=l4xyolmzcr490258905> (дата обращения: 28.06.2022).

ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУЩНОСТЬ, СПЕЦИФИКА, ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Дадим собственное определение феномена идеологии. Идеология – это система ценностей и смыслов, определяющая цели развития данного социума и способы их достижения, а тем самым его экономические, социальные и культурные приоритеты и, в конечном счёте, место данного государства / общества в историческом процессе, в рамках мейнстрима или «на обочине истории».

Каковы формы существования и функционирования идеологии в обществе?

Основные формы существования идеологии:

1. *Государственная.* Она чётко очерчивает свой ареал, и все структуры или отдельные граждане, выходящие за границы этого ареала, подвергаются законодательно закреплённым наказаниям, осуществляемым государственными же органами. Вне манифестированной идентификации индивидуального сознания и поведения с нормами государственной идеологии практически невозможно пользование социальными лифтами и продвижение по карьерной лестнице. Государственная идеология, как правило, характерна для тоталитарных обществ. В этом смысле требование п. 2 ст. 13 Конституции РФ («Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной...») является абсолютно справедливым.

2. *Официальная.* Это система оценочных конструктов, обосновывающих легальность и легитимность органов власти и управления, лояльных власти структур гражданского общества, всего хода общественного развития в данном социуме. Она является идеологией, т. е. системой ценностей доминирующей социальной группы: ею руководствуются в своей повседневной деятельности как государство, так и значительная часть гражданского общества, а также бизнес-структуры. Угрозы распространению и сохранению ценностей официальной идеологии распознаются на уровне гуманитарной науки, структур гражданского общества и не сопровождаются иными мерами противодействия, кроме ментальных.

Официальная идеология может существовать как де-факто, не будучи фиксированной в Конституции или иных правоустанавливающих документах данного государства и социума, так и де-юре, причём её юридическая фиксация может и сочетаться с её практическим функционированием, и существовать отдельно от него, когда в политических практиках используется одна форма идеологии, а в юридических документах – иная. Так, в современной России де-факто официальной идеологией является идеология крупной буржуазии, социальной группы, реально доминирующей в экономике и по-

литике⁵, т. е. классический либерализм, несмотря на то, что де-юре никакой официальной идеологии в России быть не может согласно вышеупомянутой 13 статье Конституции. В силу того, что манифестируемые стандарты демократического государства предполагают выборность органов государственной власти и, таким образом, следование интересам электората, для этого самого электората правящие социальные группы микшируют или прямо скрывают свою реальную идеологию; при этом всеми доступными им способами маргинализируют идеологию социал-консервативную, социал-демократическую или, тем более, марксистскую социалистическую, что и создаёт иллюзию отсутствия всякой официальной идеологии в современной России.

Официальная идеология манифестируется (проявляется) посредством:

- программы правящей политической партии;
- устных выступлений и публикаций государственных деятелей, лидеров и активистов правящей политической партии;
- учебных программ и учебников в системе образования на различных её уровнях;
- научных публикаций учёных-гуманитариев, отстаивающих ценности данной идеологии;
- пропагандистской деятельности в СМИ;
- художественного воплощения официальных идеологических постулатов в произведениях литературы и искусства.

Таким образом, повторим ещё раз, официальная идеология в современной России существует на практике и манифестируется, но юридически невидима, ибо её юридическое признание нарушает 13 статью Конституции. Поскольку это так, постольку некоторые авторы заявляют об отсутствии официальной идеологии в современной России⁶. При этом совершенно справедливо утверждается, что отсутствие внятно выраженной идеологии приводит к неопределённости социального развития, хаотизации общественных процессов, а в итоге – к утрате данным обществом такого важного качества, как конкурентоспособность. Особенно фатальным отсутствие официальной идеологии становится в ситуации информационно-идеологической войны: агрессор в качестве оружия активно использует конструкты, сформированные в рамках его собственной доминирующей идеологии, а общество-жерт-

⁵ См., например: [9]; [15]; [16]; Структура российской собственности: таблицы [Электронный ресурс] // РАНХиГС, Лаборатория анализа институтов и финансовых рынков. URL: <https://aspektcenter.ru/struktura-rossiyskoy-sobstvennosti-tablitsa/?ysclid=I50ujodv8y993720716> (дата обращения: 30.09.2022).

⁶ См. например: [12]; Коновалов О. Идеологический вакуум. Почему в России нет настоящих партий // Forbes: [сайт]. [18.06.2018]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/363027-ideologicheskii-vakuum-pochemu-v-rossii-net-nastoyashchih-partiy?ysclid=I4y3bkW50223599735> (дата обращения: 23.09.2022); Хубиев Р. Признаки сверхдержавы: почему в России идеологии нет, а в США есть? // ИА REGNUM: [сайт]. [07.02.2019]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2568508.html> (дата обращения: 28.09.2022).

ва, провозгласившее «мировоззренческую нейтральность», лишается какой-либо возможности адекватного и скоординированного ответа на агрессию. По этой причине раз за разом российское государство, а вместе с ним и российское общество проигрывают битвы информационно-идеологической войны, навязанной нам Западом в XXI в.

Причиной этому – не только отсутствие внятно выраженной де-юре официальной идеологии в России, но и следующие два обстоятельства: 1) реальной идеологией, т. е. оценочной мировоззренческой системой, определяющей целеполагание и совокупность политических практик части российского правящего класса, является идеология наших геополитических противников, т. е. либерализм; 2) российский правящий класс и российский народ существуют в «параллельных Вселенных», их образ жизни и коллективное сознание резко различаются. Так, известный политолог и общественный деятель С. А. Караганов в одном из своих интервью, обращаясь непосредственно к журналисту-интервьюеру, отмечал: «Такие, как вы или я раньше, не хотят или не хотели верить в менталитет большинства живущих в России ... Такие, как мы с вами, всегда недооценивали глубинные настроения»⁷. Отсутствие адекватной политической коммуникации наблюдается и в регионах. Губернатор Омской области А. Л. Бурков привёл следующий показательный пример из жизни вверенной ему области: «Могу откровенно сказать, что, проведя первые встречи в муниципальных районах, начав работу, узнал, что народ не знает министров, не видел их, даже в том числе вице-премьеров. Я стал в приказном порядке засылать их в районы. Они возвращались оттуда с круглыми глазами: “Там такое творится!”. При этом люди работают по пять лет и больше. Они проблем не знали, были далеки от народа»⁸. Насколько российские управленцы «далеки от народа», показывает нашумевший случай в Саратовской области (один из многих, ставших известными общественности). Министр труда, занятости и миграции этого региона Н. Соколова при обсуждении количественных параметров прожиточного минимума для Саратовской области заявила, что 3,5 тыс. руб. вполне достаточно для «сбалансированного питания», от которого человек станет «стройнее, моложе и здоровее»⁹. При этом сама министр получала зарплату в размере 191 тыс. руб. в месяц и ежегодные «материальные выплаты», равные двукрат-

⁷ «Авторитаризм России не навязан сверху». Диалог // Коммерсантъ: [сайт]. [04.10.2018]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3752289> (дата обращения: 23.09.2022).

⁸ Александр Бурков: «Министры возвращались с круглыми глазами: “Там такое творится!”» // Коммерческие вести: [сайт]. [13.07.2018]. URL: http://kvnews.ru/news-feed/aleksandr-burkov-ministry-ponyatiya-ne-imeli-chto-tvoritsya-v-oblasti?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 23.09.2022).

⁹ Куликов А. Саратовский министр заявила, что можно жить на 3,5 тысячи рублей в месяц // Российская газета: [сайт]. [12.10.2018]. URL: <https://rg.ru/2018/10/12/reg-pfo/saratovskij-ministrotova-prozhit-na-35-tysiachi-rublej-v-mesiac.html> (дата обращения: 23.09.2022).

ному месячному вознаграждению¹⁰. Поднявшаяся в СМИ волна возмущения привела к увольнению министра, однако уже после этого Саратовская областная дума фактически поддержала мнение чиновницы, утвердив именно такой размер «продуктовой» части прожиточного минимума¹¹.

3. Третьей формой существования и функционирования идеологии в обществе является идеология *ограниченно манифестированная*, или *катакомбная*. Это идеология социальных групп, не владеющих основными средствами производства и ключевыми рычагами социального управления.

Формы её манифестации (проявления):

- программные документы и деятельность структур гражданского общества, представляющих интересы данных групп;
- отдельные научные публикации, существующие вне научного мейнстрима;
- блоги и влоги в социальных сетях;
- петиции и открытые письма, публикуемые в интернете и/или направляемые в официальные органы власти.

В основном катакомбный тип политического сознания существует в виде социальных настроений, не манифестированных институционально.

В современной России катакомбная идеология существует преимущественно в форме идеологии консерватизма (государственное регулирование экономики в интересах среднего класса и малоимущих, признание ценности традиционной семьи, свободное функционирование традиционных религий, система эффективной социальной защиты малоимущих слоёв населения).

Рассогласованность функционирования манифестированной формы де-факто существующей официальной идеологии (классический либерализм) и идеологии катакомбной (консерватизм¹²) – т. е. экономический, социальный (по образу жизни) и мировоззренческий раскол общества – приводит к тому, что тотальная гибридная война, навязываемая России извне, дополняется внутренней, по сути гражданской, войной в сфере общественного сознания, т. е. противостоянием доминирующей и катакомбных социальных групп.

Идеология имеет бэкграунд:

- 1) бэкграунд потребностей: любая идеология основывается на осознанных потребностях (интересах) определённой социальной группы;

¹⁰ Готовая прожить на 3,5 тысячи рублей экс-министр получала пособие // Российская газета: [сайт]. [14.10.2018]. URL: https://rg.ru/2018/10/14/reg-pfo/gotovaia-prozhit-na-35-tysiachi-rublej-eks-ministr-poluchala-posobie.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 23.09.2022).

¹¹ Саратовские депутаты поддержали прожиточный минимум, предложенный экс-главой Минтруда // Коммерсантъ: [сайт]. [17.10.2018]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3773052> (дата обращения: 23.09.2022).

¹² Краткая, но ёмкая характеристика сущности современного российского консерватизма дана в статье Е. А. Беляева [2].

2) бэкграунд мировоззренческий: в сформированном виде она не существует без экономической и философской составляющих, которые обычно выглядят как самостоятельные формы научного знания.

Официальная де-факто идеология современной России, т. е. либерализм, имеет своим бэкграундом следующее.

Первый фактор: используется либо прямое, либо не прямое воздействие на органы власти и управления, а также на должностных лиц с целью превращения подавляющего большинства социальных групп (частично и представителей господствующей социальной группы) в абсолютных потребителей, а затем в абсолютных подвластных.

Второй фактор в данный исторический момент выражается в научных публикациях, в пропаганде в СМИ и в произведениях литературы и искусства философии постмодернизма с её постулатом бесконечного наслаждения жизнью в отсутствие каких бы то ни было ограничений со стороны морали и/или социума, а также в экономическом либерализме фридмановского толка. На этих корнях вырастает практика социальной инженерии и постмодернистского массового сознания (использование инструмента постправды).

Применительно к катакомбной идеологии современной России указанные факторы реализуются следующим образом:

Первый фактор выражается в практике политических манифестаций, т. н. уличной политической деятельности, с регулярно повторяющимися одинаковыми требованиями представителей данных социальных групп к органам власти и управления, а также к должностным лицам разных уровней.

Второй фактор реализуется в следующих формах:

1) философия евразийства и русского консерватизма, представленная такими авторами, как С. Волобуев, А. Дугин, И. Кефели, Д. Куликов, А. Щипков (см., например: [7; 14]);

2) экономические концепции мобилизационного развития, поддерживающие философию консерватизма:

- теория философии хозяйства Ю. Осипова [11], в которой сделана попытка продолжить начатую С. Булгаковым традицию философского осмысления экономической деятельности;
- теория типов развития А. Фонотова [15], в которой проанализированы принципиальные особенности характерного для России мобилизационного развития, противопоставленные инновационному развитию стран Запада;

3) в политической сфере: концепция православного империализма (Т. Сергейцев, Д. Куликов, П. Мостовой [13]). Идеология православной империи своими корнями уходит к византизму как системе государственно-имперских, церковных, общественных и нравственных идей. Она включает государствообразующую имперскую концепцию и православие как религиозно-нравственную позицию.

Таким образом, мировоззренческие, когнитивные основания смены манифестированной официальной идеологии современной России существуют, и специальная военная операция действительно подталкивает к такой смене. Начальный этап официального манифестирования консервативной российской идеологии – Валдайская речь Президента РФ от 2021 г., где В. В. Путин предложил в качестве идеологии-де-факто современной России идеологию «разумного консерватизма» и охарактеризовал её основные ценности и политические практики. Теперь очередь за другими институтами манифестирования: выступлениями и публикациями должностных лиц и институтов власти, системой образования, государственными СМИ, публикациями и высказываниями деятелей литературы и искусства. Отдельные примеры такого манифестирования существуют (см., например, программу политической партии «За правду»¹³), но необходим т. н. критический объём институционализации катакомбной идеологии, функционирующей де-факто, который приведёт к её превращению в официальную идеологию общества. Призывы различных недоминирующих социальных групп и их лидеров «дайте нам идеологию» фактически означают следующее: реальную возможность адекватного социального манифестирования и институционализации идеологии большей части социальных групп общества. Проблема заключается в практических основаниях и институтах такого манифестирования. Партия «За правду», объединившись с партией «Справедливая Россия», провела в Государственную Думу нескольких своих представителей. Прямо сказать, заметных результатов их присутствия в законодательном органе власти федерального уровня не ощущается¹⁴. Правящая партия «Единая Россия» в своей Народной Программе¹⁵ зафиксировала часть социальных требований недоминирующих социальных групп, например такое: «Будет обеспечена 100% доступность первичного звена здравоохранения, ликвидированы очереди на приём к участковому врачу и профильному специалисту...» (раздел «Медицина»). Однако сроков достижения данного параметра не указано, и каждый, кто на практике сталкивался с медициной «по месту жительства», знает, что это положение Программы – чистой воды утопия. Такие пункты Программы, как «на развитие региональной авиации будет выделено 340 млрд рублей» или «24 млрд рублей предусмотрено на обновление домов культуры, библиотек, музеев, информационно-культурных центров в сельской местности и

¹³ Предвыборная программа политической партии «ЗА ПРАВДУ» // Фронт Захара Прилепина: [сайт]. URL: <https://zapravdu.org/2020/07/06/predvybornaya-programma-politicheskoy-partii-zapravdu/?ysclid=l4zbyig2f9417372056> (дата обращения: 29.09.2022).

¹⁴ Данное обстоятельство отражается в замеренном ВЦИОМом 24 июня 2022 г. уровне доверия к данной партии – 5,7%. См.: ВЦИОМ Новости // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20220624> (дата обращения: 29.06.2022).

¹⁵ Народная Программа Единой России // Единая Россия: [сайт]. URL: <https://er.ru/party/program?ysclid=l4z7490hid716627904> (дата обращения: 29.09.2022).

малых городах России» являются самой настоящей бюрократической отпиской, поскольку не указаны реальная потребность в аэродромах, аэродромных службах и количестве машин малой авиации, а также количество учреждений культуры, нуждающихся в обновлении. Возможно, указанные суммы, которые ещё надо провести через соответствующие юридические и бюрократические процедуры, недостаточны или не будут выделены в указанном объёме на практике. Народная Программа партии «Единая Россия» – то, что в СССР называлось «наказы избирателей», чисто предвыборный документ, но не институт реального манифестирования социальных требований недоминирующих групп населения¹⁶. Полноценное манифестирование социал-консервативной идеологии во всех формах, присущих идеологии официальной, не зависит только от наличия когнитивных оснований её разработки, оно в большей мере зависит от получения этими группами реального доминирования или, что более вероятно, реального ко-доминирования в экономической и политической системах общества. Данное обстоятельство достигается проведением системных реформ, которые, в свою очередь, осуществляются под давлением гражданского общества и/или повторяющихся неблагоприятных для правящей партии результатов электоральных процессов. Ход и результат специальной военной операции уже оказывают и, в конечном счёте, окажут значительное воздействие на этот процесс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования автор приходит к следующему выводу. В современной России де-факто существуют две основных формы идеологии: это идеология официальная, идеология доминирующих социальных групп, каковой является либерализм (но при этом де-юре официальной идеологии в России нет и быть не может), и идеология катакомбная, присущая социальным группам, не занимающим ключевых позиций в экономической и политической жизни страны, каковой является консерватизм. Полноценное существование и манифестирование консервативной идеологии во всех формах, присущих идеологии официальной, в наибольшей мере зависит от получения этими группами реального доминирования или, что более вероятно, реального ко-доминирования в экономической и политической системах общества.

¹⁶ Об этом говорит и уровень доверия к правящей партии, замеренный ВЦИОМ 24 июня 2022 г., который составляет 41,6%. См.: ВЦИОМ Новости // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20220624> (дата обращения: 29.06.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Не-прикосновенный запас. 2011. № 3. С. 14–58.
2. Беляев Е. А. Идеинный облик российского социал-консерватизма // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 4. С. 1376–1380.
3. Волков Ю. Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России. М.: Кнорус, 2018. 208 с.
4. Грамши А. Тюремные тетради / пер с итал.; под ред. М. Н. Грецкого. М.: Политиздат, 1991. 560 с.
5. Дайнеко И. В., Мухин М. А. Термин «идеология» и его употребление: история и современность // Вестник науки и творчества (электронный журнал). 2020. № 9. URL: www.on-tvor.ru (дата обращения: 20.09.2022).
6. Дестют де Траси А. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Ланина. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2013. 334 с.
7. Дугин А. Г. Евразийский путь как национальная идея. М.: Артогея-центр, 2002. 144 с.
8. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм, 2002. 152 с.
9. Кузина Н. В. Оценка распределения доходов между различными группами населения в России за 2019 год // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2020. № 8. С. 82–86.
10. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. 3. Налетова. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
11. Осипов Ю. М. Теория хозяйства: в 3 т. М.: Издательство МГУ, 1995–1998.
12. Радиков И. В. Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1. С. 54–75.
13. Сергейцев Т. Н., Куликов Д. Е., Мостовой П. П. Идеология русской государственности. СПб.: Питер, 2020. 688 с.
14. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век / под ред. И. Ф. Кефели. СПб.: ПЕТРОПОЛИС, 2021. 532 с.
15. Фонов А. Г. Россия: инновации и развитие. М.: Лаборатория знаний, 2020. 434 с.
16. Ханин Г. И. Современная российская буржуазия (опыт экономического эскиза) // Terra economics. 2013. Т. 11. № 1. С. 10–29.
17. Яковлев А. И. Государственная идеология. Калуга: Облиздат, 2001. 315 с.

REFERENCES

1. Althusser L. [Ideology and ideological apparatuses of the state]. In: *Ne-prikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 2011, no. 3, pp. 14–58.
2. Belyaev E. A. [The ideological image of Russian social conservatism]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2011, vol. 16, no. 4, pp. 1376–1380.
3. Volkov Yu. G. *Obrazy ideologii i gumanizma v sovremennoi Rossii* [Images of Ideology and Humanism in Modern Russia]. Moscow, Knorus Publ., 2018. 208 p.

4. Gramsci A. Quaderni del carcere (Rus. ed.: Gretsii M. N., ed. *Tyuremnye tetradi*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 560 p.).
5. Daineko I. V., Mukhin M. A. [The term “ideology” and its use: history and modernity]. In: *Vestnik nauki i tvorchestva* [Bulletin of science and creativity], 2020, no. 9. Available at: www.on-tvor.ru (accessed: 20.09.2022).
6. Destutt de Tracy A. *Éléments d'idéologie*. Première partie. Idéologie proprement dite (Rus. ed.: Lanin D. A., transl. *Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Alma Mater Publ., 2013. 334 p.).
7. Dugin A. G. *Evraziiskii put' kak natsional'naya ideya* [Eurasian path as a national idea]. Moscow, Artogeya-Tsentr Publ., 2002. 144 p.
8. Kara-Murza S. G. *Ideologiya i mat' ee nauka* [Ideology and its mother science]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 152 p.
9. Kuzina N. V. [Estimation of income distribution between different population groups in Russia for 2019]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International journal of applied and fundamental research], 2020, no. 8, pp. 82–86.
10. Kuhn T. The structure of scientific revolutions (Rus. ed.: Naletov I. Z., transl. *Struktura nauchnykh revolyutsii*. Moscow, Progress Publ., 1975. 288 p.).
11. Osipov Yu. M. *Teoriya khozyaistva: v 3 t.* [Theory of economy: in 3 vols.]. Moscow, Izdatelstvo MGU Publ., 1995–1998.
12. Radikov I. V. [The search for ideological orientation in post-Soviet Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences], 2019, no. 1, pp. 54–75.
13. Sergeitzev T. N., Kulikov D. E., Mostovoi P. P. *Ideologiya russkoi gosudarstvennosti* [The ideology of Russian statehood]. St. Petersburg, Piter Publ., 2020. 688 p.
14. Kefeli I. F., ed. *Sovetskaya tsivilizatsiya i evraziiskaya ideya: dve istorii dlinoyu v vek* [Soviet civilization and the Eurasian idea: two century-long stories]. St. Petersburg, PETROPOLOS Publ., 2021. 532 p.
15. Fonotov A. G. *Rossiya: innovatsii i razvitie* [Russia: innovation and development]. Moscow, Laboratoriya znaniy Publ., 2020. 434 p.
16. Khanin G. I. [Contemporary Russian Bourgeoisie (the trial economic sketch)]. In: *Terra economics*, 2013, vol. 11, no. 1, pp. 10–29.
17. Yakovlev A. I. *Gosudarstvennaya ideologiya* [State ideology]. Kaluga, Oblizdat Publ., 2001. 315 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.09.2022

Статья размещена на сайте: 15.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Комлева Наталья Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Центра геополитического анализа Академии геополитических проблем; e-mail: komleva1@yandex.ru

Natalia A. Komleva – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Director, Geopolitical analysis Center in Academy of geopolitical problems; e-mail: komleva1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Комлева Н. А. Основные формы существования идеологии в современном российском обществе // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Komleva N. A. The main forms of existence of ideology in modern Russian society. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32.019.52

Константинов М. С.

Южный федеральный университет

344006, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, Российская Федерация

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

АННОТАЦИЯ

Цель. Критический анализ и концептуальная рецепция когнитивного направления в исследованиях политических идеологий.

Процедура и методы. В процессе исследования применялся концептуально-аналитический метод, позволивший на основе анализа ключевых научных текстов выявить базовые положения научной теории и/или методологии. Были проанализированы парадигмальные работы П. Рикёра, Дж. Б. Томпсона и М. Фридена.

Результаты. Показано, что в понимании идеологий произошёл существенный сдвиг от интерпретации этого феномена как средства искажения социальной реальности, маскировки конфликтов и противоречий, а также производства иллюзий, – к более сложной и многослойной трактовке идеологии как когнитивной матрицы группового сознания, как интерпретационного кода и символического инструмента установления и воспроизводства господства. Концептуализировано понятие идеологии в рамках когнитивного подхода.

Теоретическая значимость. Произведённая в статье систематизация основных концептуальных элементов когнитивного подхода к исследованию политических идеологий создаёт основу для более глубокой рецепции в отечественных социальных науках методологического инструментария указанного подхода и более адекватного представления о природе идеологий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идеологический концепт, когнитивные исследования, методология исследования идеологий, морфология идеологий, политическая герменевтика, политическая идеология, теория идеологий

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта ЮФУ «Цифровой атлас политических и социально-экономических угроз и рисков развития Южнороссийского приграничья: национальный и региональный контекст» («Цифровой Юг») № СП-14-22-06.

СТРУКТУРА

Введение

Идеология в контексте герменевтики социального воображения: подход Поля Рикёра

Идеология как символический инструмент установления господства: подход Джона Брукшира Томпсона

Морфологический подход к исследованию политических идеологий Майкла Фридена

Заключение

M. Konstantinov

Southern Federal University

ul. Bolshaya Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don 344006, Rostov Region, Russian Federation

COGNITIVE APPROACH IN THE STUDY OF POLITICAL IDEOLOGIES

ABSTRACT

Aim. Critical analysis and conceptual reception of the cognitive trend in the study of political ideologies.

Methodology. In the course of the study, a conceptual-analytical method was used, which made it possible to identify the basic provisions of scientific theory and/or methodology based on the analysis of key scientific texts. The paradigm works of Paul Ricoeur, John Brookshire Thompson and Michael Freeden were analyzed.

Results. It is shown that in the understanding of ideologies there has been a significant shift from interpreting this phenomenon as a means of distorting social reality, masking conflicts and contradictions, as well as producing illusions, to a more complex and multi-layered interpretation of ideology as a cognitive matrix of group consciousness as an interpretive code and a symbolic tool for establishing and reproduction of dominance. The concept of ideology within the cognitive approach was conceptualized.

Research implications. The systematization of the main conceptual elements of the cognitive approach to the study of political ideologies, carried out in the article, creates the basis for a deeper reception in the domestic social sciences of the methodological tools of this approach and a more adequate understanding of the nature of ideologies.

KEYWORDS

ideological concept, cognitive research, ideological research methodology, ideological morphology, political hermeneutics, political ideology, theory of ideologies

Acknowledgments. This research was supported by an SFedU project "Digital Atlas of Political and Socio-Economic Threats and Risks of Development of the South Russian Border Area: National and Regional Context ("Digital South")" No. SP-14-22-06.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день в сфере исследования идеологий сложился консенсус в том, что политическая идеология представляет собой один из самых сложных для изучения объектов социальных наук. Сам термин «идеология» был предложен французским философом и политическим деятелем А. Д. де Траси (1754–1836 гг.) в работе «Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова» (1800 г.) [4] и первоначально означал науку о рациональном исследовании человеческих идей. Однако, как справедливо заметил один из ведущих специалистов в области исследования идеологий Т. Иглтон, «понятие идеологии ... родилось в совершенно идеологических условиях: идеология определялась как часть рациональной политики, в отличие от иррационалистического варварства Террора» [17, р. 66]. В результате понятие идеологии было существенно дискредитировано, поскольку уже Наполеон I Бонапарт весьма язвительно употреблял этот термин применительно к

далёким от практики учёным мужьям, предпочитающим философскую заушь полезным открытиям прикладной науки, прежде всего военной. Не добавили авторитета термину «идеология» и последующие исследования в рамках марксистской традиции, представившей феномен идеологии в качестве иллюзорного (ложного) сознания, в котором находят своё преломление и легитимацию классовые противоречия [10], а также социологический подход К. Манхейма, связавшего идеологию со стилями мышления [9], и тем более – психологические исследования З. Фрейда, К.-Г. Юнга и В. Парето [11; 13; 26; 27].

Фактически вплоть до 70-х гг. XX в. идеологию представляли в качестве «кривого зеркала» человеческого мышления, искажающего групповые представления о реальности под воздействием тех или иных факторов (классовых, психологических, когнитивных, социальных, экономических и т. д.). В связи с этим появлялись неоднократные попытки провозгласить «конец идеологии» («эндизм») по причине всё большей рационализации процессов управления и политики; якобы в силу действия этого фактора отпадает необходимость обманывать людей посредством навязывания им ложных представлений о реальности. Один из последних рецидивов «эндизма» произошёл в 1960-х гг. и был связан с такими авторитетными именами в социальных науках, как Р. Арон, Э. Шилз, С. Липсет, Д. Белл и др. [1; 30; 7; 15]. И только в 1970-х гг. произошёл существенный сдвиг представлений об идеологии в сторону более позитивной её интерпретации в качестве «карты проблематичной социальной реальности и матрицы, по которой создаётся коллективное сознание» [3, с. 250]. Этот поворот к семиотическим, символическим, концептуальным, когнитивным и т. д. интерпретациям идеологии отразил всё более усложняющееся представление учёных об этом феномене [25]. В данной работе будет рассмотрен один из самых актуальных подходов к исследованию идеологий – когнитивно-концептуальный, позволивший решить целый ряд затруднений и противоречий, характерных для теории идеологий. Основной вклад в разработку когнитивно-концептуальной интерпретации идеологии был сделан в исследованиях П. Рикёра, Дж. Б. Томпсона и М. Фридена.

ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ: ПОДХОД ПОЛЯ РИКЁРА

Французский философ П. Рикёр на проблематику идеологии вышел в процессе изучения проблем человеческой личности, её целостности, ответственности человека перед культурой и историей, а также человеческой коммуникации [2; 8]. Поэтому в поле зрения развиваемой П. Рикёром философской герменевтики оказались вопросы этики, политики и идеологии. Наиболее известные работы, в которых П. Рикёр так или иначе касается соотношения этих вопросов: «Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике»

(1969 г.), «Идеология и утопия» (1986 г.) «Я-сам как другой» (1990 г.), «Справедливое» (1995 г.), «Герменевтика. Этика. Политика» (1995 г.) и др.

В своих исследованиях феномена идеологии П. Рикёр продолжает заложенную ещё К. Манхеймом традицию аналитического противопоставления идеологии и утопии [9], о чём, в частности, свидетельствует название курса лекций, прочитанных им в Соединённых Штатах в 1980-х гг. [14]. К этим двум категориям исследования феномена идеологии П. Рикёр добавил понятие социального воображения, в котором пересекаются и скрещиваются идеология и утопия. Ключевыми функциями социального воображения являются изобретение «необычного» и/или удвоения реального. В функциональном плане именно так и работает дистинкция утопии (в рамках которой «изобретается необычное» с целью критического переосмысления социального) и идеологии (по каналам которой реальность искажается с целью подкрепления и легитимации власти). Именно утопия «запускает» социальное воображение, пытаясь критически переосмыслить социальную реальность и представить альтернативные варианты этой социальности. Причём потенциально воображению утопии открыты любые сферы социальной реальности, будь то экономика, политика, демография, религия и т. д. Нет ни одного вопроса, который не могла бы поставить под сомнение и переосмыслить утопия посредством социального воображения. Совсем иначе обстоит дело с идеологией. Здесь также «работает» социальное воображение, но оно направлено не на разрушение существующего порядка, а на его сохранение, посредством интеграции социума и легитимации власти. В этом смысле идеология и утопия противопоставляются не только как стабилизирующая и подрывающая социальный порядок, но и как дополняющие друг друга репродуктивная (идеология) и продуктивная (утопия) стороны социального воображения.

Таким образом, ключом в рикёровской интерпретации идеологии является обнаруженная им связь между интегративной функцией идеологии и социальным воображением, которое, в свою очередь, восходит к марксовой идее идеологического искажения реальности, но переосмысленной в позитивном ключе: «В понятие «идеологии» не следует вкладывать только тот уничижительный смысл, который придавал ему Маркс и который ассоциируется у нас с искажением реальности под влиянием завуалированных классовых интересов. Негативный аспект идеологии должен рассматриваться как частичная характеристика более общей и вместе с тем более позитивной её концепции» [29, р. 44].

Соответственно, феномен идеологии анализируется П. Рикёром на трёх уровнях: фальсифицирующем, легитимирующем и интегративном. Эти уровни взаимосвязаны в функциональном плане: «функция интеграции находит своё продолжение в функции легитимации, а функция легитимации – в функции искажения» [28, р. 381]. На первом уровне происходит описанное ещё К. Марксом искажение социальной реальности, её фабрикация с целью

сокрытия / утаивания неприглядных сторон этой реальности. На втором уровне осуществляется функция легитимации власти при помощи создания и соотнесения с социальными ценностями неких оправдывающих власть концептов вроде теории общественного договора или божественного происхождения монархической власти. Наконец, на третьем – самом глубинном и фундаментальном – уровне реализуется интегративная функция, порождающая собственно идеологическую специфику. Социальная интеграция осуществляется посредством воспроизводства символически знаковых памятных событий, конституируя социальную память, а через неё – идентичность представителей данного сообщества. Выстраивая особым образом символическую структуру социальной памяти, идеология формирует интерпретационный код – модели объяснения и воспроизводства социальной реальности, а также место в этой реальности конкретного индивида.

Таким образом, согласно П. Рикёру:

- при анализе идеологий необходимо изучение социального контекста;
- при анализе идеологий необходимо выяснение механизмов, посредством которых идеологические смыслы служат установлению господства;
- идеология представляет собой интерпретационный код, легитимирующий власть;
- идеология выполняет интегративную функцию посредством искажения символической социальной реальности.

ИДЕОЛОГИЯ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ УСТАНОВЛЕНИЯ ГОСПОДСТВА: ПОДХОД ДЖОНА БРУКШИРА ТОМПСОНА

Предложенный П. Рикёром подход получил дальнейшее развитие в трудах британского социолога, специалиста в области идеологий Дж. Б. Томпсона. Так же, как и П. Рикёр, Дж. Б. Томпсон на проблему идеологии вышел из философской герменевтики. Под влиянием герменевтики П. Рикёра написана первая крупная работа Дж. Б. Томпсона «Исследования по теории идеологий» (1984 г.) [31]. Другим определяющим источником стала социология коммуникаций, в рамках которой Дж. Б. Томпсон занимался изучением роли массмедиа в политической жизни современных обществ. Поэтому одна из самых известных его работ в области идеологий называется «Идеология и современная культура: критическая социальная теория в эпоху массовых коммуникаций» (1990 г.) [32].

Эти два ключевых источника привели Дж. Б. Томпсона к пониманию необходимости исследования процесса идеологизации символических форм, производимых конкретными структурами социальных отношений. В этом контексте идеология понимается как «способы того, как символические формы взаимосвязаны с отношениями власти ... Таким образом, изучение идеологии предполагает анализ того, как значение и смысл служат установлению

и поддержанию отношений доминирования» [32, р. 265]. Идеологии, согласно Дж. Б. Томпсону, содействуют доминированию в тех случаях, когда превращают символические феномены (от повседневных разговоров до культурно значимых образов и текстов) в идеологические. При этом искажение реальности («ложное сознание») отнюдь не является атрибутом этих идеологизированных символических форм.

Свою функцию поддержания господства эти превращённые формы осуществляют не только за счёт собственной ложности и/или иллюзорности. Дж. Б. Томпсон признаёт частичную правоту К. Маркса в выявлении влияния классовых отношений на искажение интерпретационных кодов социальной реальности. Однако, как подчёркивает Дж. Б. Томпсон, классовый конфликт и его отражение в идеологизированных символических формах является частным случаем гораздо более сложного и многоаспектного процесса. Отношения господства в современных обществах гораздо более разнообразны и не сводятся к классовому, но включают этнический, гендерный, половой, возрастной и другие аспекты. При таком понимании феномена господства и его связи с идеологией выясняется, что превращённые символические формы сами «оказываются включёнными в процесс конституирования социальных отношений как таковых» [32, р. 264]. А идеология представляет собой многообразные пути и способы мобилизации значения посредством символических форм с целью установления и поддержания господства.

Как можно заметить, Дж. Б. Томпсону удалось ухватить очень важное свойство символических форм, которое ускользало от внимания исследователей как марксистской, так и манхеймовской интеллектуальных традиций: в различных контекстах одни и те же символические формы могут быть идеологическими или же совершенно нейтральными (например, теории общественного договора или прав человека могут выступать в роли легитимирующих сложившиеся отношения господства в одном из демократических государств, и играть прямо противоположную – дестабилизирующую – роль в государстве авторитарном). Так становится явным искусственный характер дистинкции идеологии и утопии, проводимой К. Манхеймом, П. Рикёром и другими исследователями. С другой стороны, лишённым оснований оказывается также и марксистское искусство заподозривания любых символических форм на предмет их идеологизированности. У Дж. Б. Томпсона понятие идеологии оказывается предельно расширенным, охватывающим даже повседневные отношения между людьми, если они воспроизводят отношения господства. Но это расширение чуждо марксистской логике. Дж. Б. Томпсон совершенно иначе, нежели марксисты, объясняет причины и характер этого расширения.

В числе таковых причин Дж. Б. Томпсон называет тотальную медиатизацию современной культуры: именно медиатизация «должна служить главной системой координат, в рамках которой сегодня следует анализировать

идеологию» [32, р. 265]. Тем самым отвергается широко распространённая интерпретация идеологии как секуляризованной и рационализированной гражданской религии, которая порождала конфликт между наблюдаемой и фиксируемой социологами [16] гетерогенностью идеологизированного массового сознания и логической упорядоченностью «книжных» идеологий. Напротив, как показывает Дж. Б. Томпсон, идеологические концепты потому и проникают в самую глубину сознания индивида и во многом обуславливают его действия, что их распространяет медиатизированная культура (а не только СМИ), пронизывающая во всю глубину сознание представителей современных обществ. Разумеется, СМИ наиболее активно порождают и распространяют идеологизированные символические формы, однако воспроизводятся эти формы в самой глубинной повседневной коммуникации, что не только делает их устойчивыми и самоочевидными способами воспроизводства господства, но и не позволяет сводить их действие к фабрикации и лжи, чем «грешили» многие марксистские исследователи идеологий.

Согласно Дж. Б. Томпсону, искажение и/или сокрытие – лишь один из пяти ключевых способов, посредством которых оперирует идеология: легитимации, сокрытия, унификации, фрагментации и реификации. В первом случае идеология стремится создать представление о легитимности существующих отношений господства. Во втором – скрыть их, размыть («заблюрить»), затуманить и/или отвлечь от них внимание. Третий способ оправдания господства стремится к стиранию различий между индивидами во имя создания представления о некоем единстве, на базе которого формируется коллективная идентичность, от имени которой осуществляется господство. Четвёртый способ действует прямо противоположным образом: посредством фрагментации общества с целью ослабить оппозицию доминирующим группам, в соответствии с хорошо известным принципом «разделяй и властвуй». Наконец, пятый способ следует принципу «всегда так было», представляя отношения господства в качестве «естественных» и вневременных. Причём, как специально оговаривается Дж. Б. Томпсоном, богатство способов оперирования идеологии отнюдь не сводится к пяти перечисленным, они лишь наиболее распространённые, на самом же деле таких способов потенциально бесконечное количество. Каждому из названных пяти способов соответствуют некоторые типичные стратегии символического конструирования:

- легитимации соответствуют стратегии рационализации, универсализации и нарративизации; в первой стратегии логически обосновывается справедливость существующих отношений господства, во второй – их соответствие «общечеловеческим», «всеобщим» и другим практикам, в третьей – их укоренённость в историческом нарративе данного общества;

- сокрытие использует стратегии замещения, эвфемизации и тропов; в первом случае применяется подмена терминов с целью перенести на объект

коннотации другого объекта, во втором – посредством эвфемизмов усиливается положительный или нивелируется отрицательный акценты, в третьем – отношения господства скрываются посредством применения метафоры, синекдохи и метонимии;

– унификация сочетается со стандартизацией и символизацией единства; в первой стратегии символические формы адаптируются к некоему стандарту, продвигаемому в качестве эталона (например, правила национального языка), во второй – создаются символы единства, коллективной идентичности и т. д. с целью продвижения их среди членов социальной группы (национальные флаги, гимны и т. д.);

– фрагментации соответствуют дифференциация и исключение; в первой стратегии используется усиление акцента на различиях внутри группы, во второй – формирование образа врага с целью объединения группы перед лицом внешней опасности;

– реификация использует стратегии натурализации, погружения во вневременное состояние; при реализации первой стратегии социальное разделение и господство представляется как «естественно» возникшее и/или воспроизводящееся в силу «естественных» причин, при реализации второй активно формируется внеисторический характер происходящих явлений, их неизменности и регулярности.

Таким образом, в концепции идеологии, предложенной Дж. Б. Томпсоном, можно выделить следующие элементы:

- идеология как символический инструмент установления господства;
- исследование способов конструирования смысла;
- изучение социального контекста;
- выяснение механизмов, посредством которых идеологические смыслы служат установлению господства.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ МАЙКЛА ФРИДЕНА

Пожалуй, наибольший вклад в развитие когнитивно-концептуального подхода к идеологиям сделал британский политолог и философ М. Фриден [12], разработавший метод исследования идеологических структур, названный им «морфологическим анализом идеологий». Наибольший интерес в этом – методологическом – плане представляют несколько трудов М. Фридена: статья «Политические концепты и идеологическая морфология» (1994 г.) [19], монография «Идеологии и политическая теория: концептуальный подход» (1996 г.) [20], учебник «Идеология: очень краткое введение» (2003 г.) [21]. А с точки зрения иллюстрации применения данного подхода – работа «Новый либерализм: идеология социальных реформ» (1978 г.) [18], в которой на материале истории возникновения «нового» либерализма показано, как

происходившие в массовом сознании сдвиги отразились на морфологической структуре либеральной идеологии. На сегодняшний день морфологический подход М. Фридена, с различными вариациями, находит всё большее применение в исследованиях идеологии [5].

Исходная проблема исследования идеологий, от которой отталкивается М. Фриден, заключается в эмпирически наблюдаемом противоречии между принципиальной многозначностью словаря политического языка, выявленной ещё в 50-х гг. XX в. шотландским политическим теоретиком У. Б. Гэлли [24], и предельной концептуальной догматичностью сформировавшихся идеологий [19, р. 142]. Этот разрыв неоднократно фиксировался исследователями [16], но так и не получил удовлетворительного объяснения. М. Фридену удалось разрешить это противоречие, предложив концепцию, в которой идеология была представлена одновременно как структурно-инерционная система, но потенциально открытая к любым изменениям, что, помимо инерционных характеристик, придавало этой системе динамические качества. Своеобразная элегантность решения М. Фридена заключается в признании отмеченного У. Б. Гэлли факта бесконечной многозначности политического словаря, сочетаемого с функциональной интерпретацией идеологии как системы временной фиксации конкретных значений политических концептов (свобода, равенство, братство, справедливость и др.) посредством деконтекстации – неологизма, предложенного М. Фриденом для объяснения временного лишения спорности (деполемизации) этих концептов в структуре идеологии. В таком контексте идеология понимается не как «сила угнетения», как это нередко предполагалось в марксизме и других критических теориях идеологии, но как «необходимое установление коннотации, без которого политическое высказывание становится неуправляемым. Деконтекстация (временная победа одного смысла над другим) основывается как на рациональных, так и на иррациональных предпочтениях, каждое из которых подержано эмоциями: гордостью, лояльностью, злостью или страхом, – а также зафиксировано сильным чувством приверженности» [22, р. 120].

При этом каждый раз идеология провозглашает «окончательное решение» в определении значений этих концептов, но по мере изменения политической повестки дня происходит новая реконфигурация концептов с новым сдвигом их значений. Поэтому идеологии следует понимать именно структурно, как концептуальную макрокомпозицию, или конфигурацию, в которой обретает своё значение ряд взаимно определяемых политических концептов: «Различные профили идеологий в значительной мере объясняются морфологией мыслительных тем, на которых эти идеологии строятся» [20, р. 88].

Таковыми строительными блоками идеологий выступают концепты. Концепты, согласно М. Фридену, представляют собой «сложные идеи, которые вносят порядок и значение в наблюдаемый или воспринимаемый ряд поли-

тических феноменов и сплачивают воедино набор родственных представлений» [20, р. 52]. Концепты – ключевые элементы структуры идеологий, поэтому их анализ производится по двум осям:

- вертикальное разделение на три уровня (микроэлементы концептов, собственно сами концепты и макроконцептуальные кластеры);
- горизонтальное разделение на ядерные, смежные и периферийные концепты.

Наибольшую известность морфологическому методу М. Фридена принесла именно горизонтальная схема структурирования идеологий, акцентирующая динамическое взаимодействие концептов внутри идеологии. В соответствии с такой схемой ключевыми в формировании идеологий являются ядерные, или центральные концепты. Именно они определяют «лицо» идеологии в политическом пространстве. В качестве примеров можно привести либерализм (ядерный концепт свободы), консерватизм (концепт естественного порядка), социализм (концепты равенства и социальной справедливости) и т. д. Эти концепты являются консолидирующими в конфигурации прочих концептов идеологии, однако сами они подвижны в двух смыслах. Прежде всего, один-единственный концепт практически никогда не бывает ядерным для идеологии, как правило, речь идёт о кластере близких по смыслу концептов, которые могут чередоваться по мере идейной эволюции идеологии. Кроме того, смысл ядерного концепта также постоянно подвергается деконтекстуализирующему воздействию из пояса смежных концептов. Ярчайший пример – либеральный концепт свободы, существенно изменивший собственный смысл (от «негативной свободы» в классическом либерализме к «позитивной свободе» в либерализме социальном) по мере изменения смежного пояса концептов.

Соответственно, смежные концепты, вторые по важности, являются вспомогательными при формировании идеологии. Их ключевая функция – деконтекстуализация ядерных концептов посредством осуществления структурной связи между ядерными концептами и периферией. Смежные концепты «не проявляются и не появляются во всех примерах рассматриваемой идеологии, но они важны в оформлении ядра и закреплении его – хотя бы на время – в более определённом и деконтекстуализированном семантическом поле» [22, р. 125]. В зависимости от реконфигурации этих концептов происходит деконтекстуализация ядра и, соответственно, изменяется общее направление эволюции идеологии. К смежным концептам обычно относят концепты собственности, солидарности, языка, нации, культуры, рынка, благополучия, демократии и т. д. Важно понимать, что концепты, занимающие смежное или периферийное место в структуре одной идеологии, могут быть ядерными в другой. И при этом смысл этих структурно разных концептов (которые могут обозначаться одним и тем же словом!) может существенно изменяться в процессе взаимной деконтекстуализации.

На периферии идеологии находятся концепты, которые обеспечивают её динамические отношения с внешним миром, позволяя оперативно реагировать на калейдоскопически меняющуюся политическую повестку дня. Они не оказывают непосредственного влияния на ядро идеологии, но вполне могут деконтекстизировать некоторые из смежных концептов, запуская цепную реакцию, впоследствии имеющую потенциал достигнуть ядра и изменить его значение. Но, как правило, все изменения локализуются на периферии и лишь частично воздействуют на смежный пояс. Этим обеспечивается структурная стабильность идеологии, сопротивляющаяся изменениям. Периферийные концепты бывают двух видов. Первые, названные М. Фриденем «маргинальными», изменяются очень быстро и напоминают электроны (сам М. Фриден не совсем удачно сравнивал их с бомбардированием планеты Земля метеоритами [22, р. 126]), в любой момент имеющие потенциал оторваться от своей орбиты вокруг ядра атома. Так, либеральный элитизм и империализм оказались такими периферийными концептами, которые практически исчезли из современных версий этой идеологии. Второй тип – «периметровая» (пространственно-временная) периферия. Она призвана реагировать на изменения в политической повестке дня, социальной и культурной сфере и т. д. Идеологии приходится реагировать на новые вызовы вроде терроризма, миграции, распространения наркотиков, порнографии, однополых браков и т. д. Такие «микроидеологические средства» оказывают иной раз существенное влияние на макроидеологические структуры, передавая энергию идеологического импульса через смежный пояс к ядру.

Таким образом, концепция идеологии М. Фридена включает следующие элементы:

- идеология представляет собой временное решение проблемы многозначности политического языка;
- идеология есть результат конкуренции концептов за доминирование как в структуре идеологии, так и в политической повестке дня;
- идеология – это конфигурация деконтекстизированных (лишённых спорности) значений политических концептов;
- в функциональном плане идеология решает задачи легитимации, интеграции, социализации, упорядочения, упрощения и ориентации действия;
- морфологический анализ идеологий предполагает изучение динамического взаимодействия ядерных, смежных и периферийных концептов;
- концепты представлены в виде «модульных» блоков, входящих в конфигурации различных идеологий и, в зависимости от их положения в структуре идеологии, изменяющих свой смысл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, по результатам проведённого анализа можно сделать следующие выводы. После знаковой работы американского антрополога К. Гирца [3] в исследованиях идеологий произошёл радикальный поворот: от интерпретации идеологии как средства искажения социальной реальности, маскировки конфликтов и противоречий, а также производства иллюзий, – к более сложной и многослойной трактовке идеологии как когнитивной матрицы группового сознания, как интерпретационного кода и символического инструмента установления и воспроизводства господства, но самое главное – как способа остановить и зафиксировать ключевые смыслы «разбегающейся» политической вселенной и тем самым решить проблему принципиальной многозначности словаря политического языка. Идеология теперь предстаёт не как «надувательство» в интересах правящих групп, а как интеллектуальная система, определённым образом конструирующая и структурирующая политическое пространство. Наконец, не менее важными были решение давно замеченного противоречия между наблюдаемым динамизмом идеологических структур и их же стремлением к систематизации и догматизации собственных концептуальных элементов, с одной стороны, и несоответствие между размытостью и гетерогенностью идеологизированного массового сознания и чёткой определённой «элитарного» бытия идеологии, – с другой. Однако решение этих довольно старых проблем теории идеологий отнюдь не поставило точку в исследованиях этого феномена. Перед специалистами в данной области встали новые проблемы, связанные с наблюдаемым ускорением социальной и политической жизни, медиатизацией политики, цифровизацией и прогрессирующей демократизацией коммуникативных процессов и, как следствие этих и других факторов, – паралича «больших» идеологических систем, патологически не успевающих реагировать на калейдоскопическое изменение повестки дня. По этой причине специалисты заговорили о новых феноменах – «идеолоноидах», якобы пришедших на смену «старым» идеологиям [23; 6]. Но решение этой проблемы – тема других исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р. Опиум интеллектуалов / пер. с фр. Л. Боровиковой. М.: АСТ, 2015. 480 с.
2. Вдовина И. С. Словарь Поля Рикёра (Часть вторая) // Философские науки. 2012. № 2. С. 103–118.
3. Гирц К. Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. О. В. Барсуковой, А. А. Борзунова. М.: РОССПЭН, 2004. С. 225–267.
4. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Ланина. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2013. 336 с.

5. Игры на идеологической периферии. праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области / С. П. Поцелуев, М. С. Константинов, П. Н. Лукичев, Л. Б. Внукова, И. В. Николаев, А. В. Тупаев. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 396 с.
6. Константинов М. С. Идеологноиды в сознании молодёжи Юга России // Политика в сетевом обществе: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Адлер, 16–19 мая 2019 г. / под ред. Е. В. Морозовой, А. И. Кольбы, И. В. Мирошниченко, А. В. Егупова. Краснодар: Вика-Принт, 2019. С. 133–137.
7. Липсет С. М. Политический человек: социальные основания политики / пер. с англ. Е. Г. Гендель, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. М.: Мысль, 2016. 612 с.
8. Малинова О. Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. С. 8–30.
9. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Юристъ, 1994. С. 7–276.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3 / под ред. Я. Б. Турчинса. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7–544.
11. Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. М. В. Вульфа. СПб.: Азбука-классика, 2005. 256 с.
12. Чутков С. С. Морфологический анализ идеологии М. Фридена // Метод. 2016. № 6. С. 333–346.
13. Юнг К.-Г. Психологические типы / пер. с нем. С. Лорие. М.: Университетская книга, 1998. 720 с.
14. Пікер П. Ідеологія та утопія. Київ: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. 386 с.
15. Bell D. The End of Ideology. New York: Free Press, 1962. 486 p.
16. Converse P. E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // Critical Review: A Journal of Politics and Society. 2006. Vol. 18. № 1–3. P. 1–74.
17. Eagleton T. Ideology: An Introduction. London; New York: Verso, 1991. 242 p.
18. Freedon M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford: Clarendon Press, 1978. 292 p.
19. Freedon M. Political Concepts and Ideological Morphology // The Journal of Political Philosophy. 1994. Vol. 2. № 2. P. 140–164.
20. Freedon M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press, 1996. 592 p.
21. Freedon M. Ideology: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2003. 160 p.
22. Freedon M. The Morphological Analysis of Ideology // Freedon M. Oxford Handbook of Political Ideologies. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 115–137.
23. Freedon M. Loose Talk Costs... Nothing // The Journal of Political Ideologies. 2018. Vol. 23. № 1. P. 1–9.

24. Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. Vol. 56. P. 167–198.
25. Konstantinov M. S. Political Ideology as an Evolutionary System (to the Theory of Cognitive-Ideological Matrices) // NORDSCI: International Conference on Social Sciences, 12–14 October 2020: Conference Proceedings. B. 2. Vol. 3. Business and Management. Law. Political Science. Sofia: SAIMA CONSULT LTD, 2020. P. 151–160.
26. Pareto V. The Mind and Society Vol. 2. Theory of Residues. New York: Harcourt: Brace and Company, 1935. 394 p.
27. Pareto V. The Mind and Society. Vol. 3. Theory of Derivations. London: Jonathan Cape, 1935. 556 p.
28. Ricoeur P. Du texte à l'action. Essais d'herméneutique II, Seuil, collection. Paris: Esprit, 1986. 414 p.
29. Ricoeur P. Can there be a scientific concept of ideology? // Bien J. Phenomenology and The Social Science: A Dialogue. The Hague: Martinus Nijhoff, 1987. P. 44–50.
30. Shils E. A. The End of Ideology? // Waxman Ch. I. The End of Ideology Debate. New York: Simon & Schuster, 1968. P. 49–63.
31. Thompson J. B. Studies in the Theory of Ideology. Cambridge; Berkeley: Polity: University of California Press, 1984. 356 p.
32. Thompson J. B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Cambridge; Oxford: Polity press, 1990. 362 p.

REFERENCES

1. Aron R. L'opium des intellectuels (Rus. ed.: Borovikova L., transl. *Opium intellektualov*. Moscow, AST Publ., 2015. 480 p.).
2. Vdovina I. S. [Dictionary of Paul Ricoeur (Part Two)]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2012, no. 2, pp. 103–118.
3. Geertz C. [Ideology as a cultural system]. In: Geertz C. The Interpretation of cultures (Rus. ed.: Barsukova O. V., Borzunov A. A., transl. *Interpretatsiya kul'tur*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 225–267).
4. Destutt de Tracy A. L. C. Éléments d'idéologie. Idéologie proprement dite (Rus. ed.: Lanin D. A., transl. *Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Alma Mater Publ., 2013. 336 p.).
5. Potseluev S. P., Konstantinov M. S., Lukichev P. N., Vnukova L. B., Nikolaev I. V., Tupaeв A. V. *Igry na ideologicheskoi periferii. Pravoradikal'nye ustanovki studencheskoi molodezhi Rostovskoi oblasti* [Games on the ideological periphery. Right-wing radical attitudes of student youth of the Rostov region]. Rostov on Don, Izdatelstvo YUNTZ RAN Publ., 2016. 396 p.
6. Konstantinov M. S. [Ideonoids in the minds of the youth of the South of Russia]. In: Morozova E. V., Kolba A. I., Miroshnichenko I. V., Egupov A. V., eds. *Politika v setevom obshchestve: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Adler, 16–19 maya 2019 g.* [Politics in the Network Society: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference

- with International Participation, Adler, May 16–19, 2019]. Krasnodar, Vika-Print Publ., 2019, pp. 133–137.
7. Lipset S. M. Political man. The Social bases of politics (Rus. ed.: Gendel E. G., Gaydamak V. P., Mateshuk A. V., transls. *Politicheskii chelovek: sotsial'nye osnovaniya politiki*. Moscow, Mysl Publ., 2016. 612 p.).
 8. Malinova O. Yu. [The Concept of Ideology in Contemporary Political Studies]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2003, no. 4, pp. 8–30.
 9. Mannheim K. [Ideologie und Utopie]. In: Mannheim K. Diagnose unserer Zeit: gedanken eines Soziologen (Rus. ed: Levina M. I., tralsl. *Diagnoz nashego vremeni*. Moscow, Yurist Publ., 1994, pp. 7–276).
 10. Marx K., Engels F. [Kritik der neuesten deutschen Philosophie in ihren Repräsentanten Feuerbach, B. Bauer und Stirner]. In: Marx K., Engels F. Funktioniert. B. 3. (Rus. ed.: Turchins Ya. B., ed. *Sochineniya. T. 3*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1955, pp. 7–544).
 11. Freud Z. Totem und Tabu (Rus. ed.: Wulf M. V., transl. *Totem i tabu*. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2005. 256 p.).
 12. Chutkov. S. S. [Morphological analysis of the ideology of M. Freeden]. In: *Metod* [The Method], 2016, no. 6, pp. 333–346.
 13. Jung C. G. Psychologische Typen (Rus. ed.: Lorie S., transl. *Psikhologicheskie tipy*. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 1998. 720 p.).
 14. Пікер П. Ідеологія та утопія. Київ, ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. 386 с.
 15. Bell D. The End of Ideology. New York: Free Press, 1962. 486 p.
 16. Converse P. E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics. In: *Critical Review: A Journal of Politics and Society*, 2006, vol. 18, no. 1–3, pp. 1–74.
 17. Eagleton T. Ideology: An Introduction. London, New York, Verso, 1991. 242 p.
 18. Freeden M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford, Clarendon Press, 1978. 292 p.
 19. Freeden M. Political Concepts and Ideological Morphology. In: *The Journal of Political Philosophy*, 1994, vol. 2, no. 2, pp. 140–164.
 20. Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford, Oxford University Press, 1996. 592 p.
 21. Freeden M. Ideology: A Very Short Introduction. New York, Oxford University Press, 2003. 160 p.
 22. Freeden M. The Morphological Analysis of Ideology In: Freeden M. *Oxford Handbook of Political Ideologies*. Oxford, Oxford University Press, 2013, pp. 115–137.
 23. Freeden M. Loose Talk Costs... Nothing. In: *The Journal of Political Ideologies*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 1–9.
 24. Gallie W. B. Essentially Contested Concepts. In: *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1956, vol. 56, pp. 167–198.
 25. Konstantinov M. S. Political Ideology as an Evolutionary System (to the Theory of Cognitive-Ideological Matrices). In: NORDSCI: International Conference on Social Sciences, 12–14 October 2020: Conference Proceedings. B. 2. Vol. 3. Business and Management. Law. Political Science. Sofia, SAIMA CONSULT LTD, 2020, pp. 151–160.

26. Pareto V. The Mind and Society Vol. 2. Theory of Residues. New York, Harcourt, Brace and Company, 1935. 394 p.
27. Pareto V. The Mind and Society. Vol. 3. Theory of Derivations. London, Jonathan Cape, 1935. 556 p.
28. Ricoeur P. Du texte à l'action. Essais d'herméneutique II, Seuil, collection. Paris, Esprit, 1986. 414 p.
29. Ricoeur P. Can there be a scientific concept of ideology? In: Bien J. *Phenomenology and The Social Science: A Dialogue*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1987, pp. 44–50.
30. Shils E. A. The End of Ideology? In: Waxman Ch. I. *The End of Ideology Debate*. New York, Simon & Schuster, 1968, pp. 49–63.
31. Thompson J. B. Studies in the Theory of Ideology. Cambridge, Berkeley, Polity, University of California Press, 1984. 356 p.
32. Thompson J. B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Cambridge, Oxford, Polity press, 1990. 362 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 31.07.2022

Статья размещена на сайте: 18.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Константинов Михаил Сергеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета; e-mail: konstantinov@sfedu.ru

Mikhail S. Konstantinov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Theoretical and Applied Political Science, the Institute of Philosophy and Social & Political Sciences, Southern Federal University; e-mail: konstantinov@sfedu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Константинов М. С. Когнитивный подход к исследованию политических идеологий // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Konstantinov M. S. Cognitive approach in the study of political ideologies. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32

Лагузова М. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ПРАКТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А. И. КОШЕЛЁВА

АННОТАЦИЯ

Цель. Оценка практической направленности публицистической, издательской и мемуарной деятельности А. И. Кошелёва.

Процедура и методы. Основу исследования составляет анализ содержания публицистических статей и мемуаров А. И. Кошелёва с целью выявления в них ориентации автора на решение реальных задач, стоящих перед государством. Творческое наследие А. И. Кошелёва изучено в контексте политических событий XIX в.

Результаты. Выявлено важное отличие А. И. Кошелёва от большинства его соратников по славянофильскому кружку: преимущественно практическая направленность литературно-публицистического творчества. Среди произведений мыслителя отсутствуют отвлечённо-философские работы, внимание сосредоточено на практических вопросах жизни страны в XIX в: общественно-политическом устройстве, развитии экономики и финансов, железнодорожном строительстве, издательском деле и т. п.

Теоретическая значимость. Практический интерес для современного читателя представляют суждения А. И. Кошелёва об оптимизации устройства государственной жизни России и о совершенствовании форм взаимодействия власти и народа. Актуальность наследия публициста обусловлена его отрицательным отношением к радикализму и приверженностью идеям сохранения исторических начал общества и государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

А. И. Кошелёв, издательская деятельность, мемуарное наследие, публицистическая деятельность, славянофильство

СТРУКТУРА

Введение

Практические аспекты публицистики А. И. Кошелёва

Значение мемуарного наследия

Издательская деятельность А. И. Кошелёва

Заключение

M. Laguzova

*Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

ON THE QUESTION OF THE PRACTICAL DIRECTION OF THE CREATIVE HERITAGE OF A. I. KOSHELEV

ABSTRACT

Aim. To evaluate the practical orientation of the journalistic, publishing, and memoir activities of A. I. Koshelev.

Methodology. The basis of the study is the content analysis of journalistic articles and memoirs of A. I. Koshelev in order to identify the author's orientation towards solving real problems facing the state. The creative heritage of A. I. Koshelev is studied in the context of the political events of the 19th century.

Results. An important difference between A. I. Koshelev and most of his associates in the Slavophile circle is revealed: the predominantly practical orientation of literary and journalistic creative work. There are no abstract philosophical works among the works of the thinker, attention is focused on the practical issues of the life of the country in the 19th century: the socio-political structure, the development of the economy and finance, railway construction, publishing, etc.

Research implications. Practical interest to the modern reader can be found in the judgments of A. I. Koshelev on optimizing the structure of the state life of Russia and on improving the forms of interaction between the authorities and the people. The relevance of the publicist's legacy is due to his negative attitude towards radicalism and commitment to the ideas of preserving the historical foundations of society and state.

KEYWORDS

A. I. Koshelev, publishing activity, memoir heritage, journalistic activity, Slavophilia

ВВЕДЕНИЕ

Говоря о творчестве Александра Ивановича Кошелёва (1806–1883), «одного из немногих практиков славянофильства», мы подразумеваем прежде всего его деятельность как публициста, издателя и мемуариста [9, с. 13]. К сожалению, теоретические воззрения и общественная деятельность славянофила не нашли должного отражения в трудах учёных – большинство исследований посвящено работам К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, И. В. и П. В. Киреевских. Тем не менее в этой связи можно отметить ряд работ В. А. Горнова, Е. А. Дудзинской, Т. Ф. Пирожковой, Н. И. Цимбаева и др. [1; 2; 6; 7; 8].

Содержательный фон наследия А. И. Кошелёва охватывает широкую область, которая формировалась на пересечении практического жизненного и предпринимательского опыта, бытовых реалий, взаимоотношений с современниками.

В отличие от произведений других членов славянофильского кружка в публицистике мыслителя отсутствуют работы, специально посвящённые фи-

лософской проблематике. В своих трудах он концентрировал внимание на практической стороне общественно-политических вопросов, которые были актуальны в различные периоды его биографии. При этом А. И. Кошелёв не только обозначал проблемы, но и предлагал взвешенные и аргументированные решения. Деятельная натура славянофила, богатый опыт хозяйствования (А. И. Кошелёв был одним из крупных землевладельцев Рязанской губернии) и государственной службы позволяли ему со знанием дела выражать свою точку зрения, переходить из теоретической плоскости к конкретным предложениям.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИЦИСТИКИ А. И. КОШЕЛЁВА

Начало публицистической деятельности А. И. Кошелёва можно отнести к 1827–1828 гг., когда он сотрудничал с журналом «Московский вестник» М. П. Погодина, присылая для публикации в нём статьи из английских книг и журналов. Так, перу славянофила принадлежали несколько небольших статей: «Лекция д. Гренвиля о Египетских мумиях в Петербурге», «Взгляд на Персию, из записок одного путешественника по Востоку»¹. Статьи были подписаны лишь инициалами, однако участие в «Московском вестнике» А. И. Кошелёва косвенно подтверждалось письмом к нему «по этому предмету Погодина (от 13 декабря 1887 г.)», в котором последний благодарил автора за «его прекрасные подарки “Московскому вестнику”» [3, с. 226].

Первой широко известной работой славянофила стала его статья «Охота пуще неволи», опубликованная в 1847 г. в «Земледельческой газете» под названием «Добрая воля спорее неволи» с цензурными сокращениями, в которой А. И. Кошелёв писал о том, что свободный труд, добровольное участие в любом деле приносит больше выгоды и пользы, нежели работа по принуждению². Статья имела большое значение, поскольку была одной из первых публикаций в России, в которых необходимость отмены крепостного права аргументировалась с экономической точки зрения. Однако наиболее ярко талант А. И. Кошелёва как публициста-практика проявился в десятках его работ пореформенного периода, многие из которых из-за цензурных соображений печатались за границей на средства самого автора.

Пусть и весьма условно (ввиду широкого охвата автором рассматриваемых тем и проблематики), дошедшее до нас публицистическое наследие мыслителя можно разделить на несколько тематических групп. Прежде всего это работы, посвящённые его видению государственного и общественно-го устройства России: «Конституция, самодержавие и Земская Дума» (1862,

¹ Кошелев А. И. Лекция д. Гренвиля о Египетских мумиях в Петербурге // Московский вестник. 1827. Ч. 6. № XXIII. С. 367–371; Кошелев А. И. Взгляд на Персию, из записок одного путешественника по Востоку // Московский вестник. 1827. Ч. 6. № XXIV. С. 464–481.

² Кошелев А. И. Добрая воля спорее неволи // Земледельческая газета. 1847. № 99. С. 790–791.

Лейпциг), «Какой исход для России из нынешнего её положения?» [«Что такое русское дворянство и чем оно быть должно?»] (1862, Лейпциг), «Наше положение» (1874, Берлин), «Общая земская дума в России». Дополнение к книге «Наше положение» (1875, Берлин), «Где мы? Куда и как идти?» (1881, Берлин) и др.³

По мнению А. И. Кошелёва, отечественной системе государственного управления требовалось незамедлительное преобразование. Наряду с сохранением самодержавия и неприемлемостью введения конституционализма он выступал за наличие в стране двух учреждений: Общей земской думы как общероссийского представительного органа и Государственного совета, стоящего на страже общегосударственных интересов. Подчёркивая совещательный характер этих органов, в своих работах славянофил подробно описывал их устройство и взаимодействие, последовательность рассмотрения дел, порядок избрания, количество и сроки полномочий думских гласных, выбор председателя думы и её секретарей.

Важнейшей частью славянофильского творчества А. И. Кошелёва являются его публикации, посвящённые крестьянскому вопросу, общинному землевладению и необходимости уничтожения крепостного права. Первостепенное значение здесь имеет проект славянофила по уничтожению крепостного состояния в России, отправленный им Александру II в начале 1858 г. Проект включал в себя четыре записки: «О необходимости немедленного уничтожения крепостного состояния»; «О различных способах освобождения крестьян»; «Предполагаемые меры к освобождению крестьян»; «Предполагаемые меры к освобождению дворовых людей»⁴. Уже значительно позже,

³ Кошелев А. И. Конституция, самодержавие и Земская Дума // Кошелев А. И. Избранные труды / под ред. П. В. Акульшина, В. А. Горнова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 188–212; Кошелев А. И. Какой исход для России из нынешнего ее положения // Хранители России: антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. / под ред. С. В. Перевезенцева, А. А. Ширинянца. М.: Новые решения, 2018. С. 774–799; Кошелев А. И. Наше положение // Самодержавие и Земская дума / под ред. О. А. Платонова. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 495–582; Кошелев А. И. Общая земская дума в России. Дополнение к книге «Наше положение» // Кошелев А. И. Избранные труды / под ред. П. В. Акульшина, В. А. Горнова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 375–423; Кошелев А. И. Где мы? Куда и как идти? // Кошелев А. И. Избранные труды / под ред. П. В. Акульшина, В. А. Горнова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 464–502.

⁴ Кошелев А. И. О необходимости немедленного уничтожения крепостного состояния в России // Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. Приложение пятое. Berlin: V. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. С. 57–92; Кошелев А. И. О различных способах освобождения крестьян // Хранители России: антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. / под ред. С. В. Перевезенцева, А. А. Ширинянца. М.: Новые решения, 2018. С. 702–738; Кошелев А. И. Предполагаемые меры к освобождению крестьян // Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. Приложение пятое. Berlin: V. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. С. 129–162; Кошелев А. И. Предполагаемые меры к освобождению дворовых людей // Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. Приложение пятое. Berlin: V. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. С. 163–166.

в 1884 г., эти работы в сокращённом варианте были опубликованы в пятом приложении к мемуарным «Запискам...» А. И. Кошелёва.

Крестьянский вопрос, так сильно волновавший мыслителя, затрагивался во многих его трудах: «О крестьянских усадьбах» (1858), «Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу» (1860, Лейпциг), «Об общинном землевладении в России» (1875, Берлин), «О крестьянском самоуправлении и о присутствиях по крестьянским делам» (1881) и др.⁵.

Осознавая острую необходимость скорейшего осуществления реформы, он подробно описывал план необходимых преобразований. Опираясь на личный опыт ведения хозяйства в имении в с. Песочня Сапожского уезда Рязанской губернии, А. И. Кошелёв последовательно выступал за упразднение крепостничества, одновременное и повсеместное освобождение крестьян с землёй «под надзором правительства» «путём добровольных соглашений между помещиками и крестьянами», а также за сохранение общинного землевладения как естественно сложившейся формы ведения сельскохозяйственных дел⁶.

Говоря о практическом аспекте творчества А. И. Кошелёва, нельзя не отметить и его работ, касающихся вопросов экономики и финансов, которые ввиду активной предпринимательской деятельности автора были ему близки: «Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку» (1852), «О денежных средствах России в настоящих обстоятельствах и о мерах к продолжению войны с Турцией» (1854), «Ещё несколько слов о способах заготовления провианта и фуража для армии и флота» (1857), «О мерах к восстановлению ценности рубля» (1878) и др.⁷.

А. И. Кошелёв был открыт передовому опыту в ведении хозяйства и живо интересовался техническими новинками. Так, посетив в августе-сентябре 1852 г. в Лондоне первую Всемирную промышленную выставку, он обобщил

⁵ Кошелев А. И. О крестьянских усадьбах // Сельское благоустройство. Кн. 1. 1858. С. 7–18; Кошелев А. И. Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу // Кошелев А. И. Избранные труды / под ред. П. В. Акульшина, В. А. Горнова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 134–172; Кошелев А. И. Об общинном землевладении в России // Кошелев А. И. Избранные труды / под ред. П. В. Акульшина, В. А. Горнова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 332–374; Кошелев А. И. О крестьянском самоуправлении и о присутствиях по крестьянским делам // Самодержавие и Земская дума / под ред. О. А. Платонова. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 96–107.

⁶ Кошелев А. И. О различных способах освобождения крестьян // Хранители России: антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. / под ред. С. В. Перевезенцева, А. А. Ширина. М.: Новые решения, 2018. С. 714, 738.

⁷ Кошелев А. И. Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку // Кошелев А. И. Избранные труды / под ред. П. В. Акульшина, В. А. Горнова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 39–48; Кошелев А. И. О денежных средствах России в настоящих обстоятельствах и о мерах к продолжению войны с Турцией // Кошелев А. И. Избранные труды / под ред. П. В. Акульшина, В. А. Горнова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 49–68; Кошелев А. И. Еще несколько слов о способах заготовления провианта и фуража для армии и флота. М.: Типография Александра Семена, 1857. 12 с.; Кошелев А. И. О мерах к восстановлению ценности рубля. СПб.: Типография Суворина и Лихачева, 1878. 12 с.

свои впечатления о поездке в статье «Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку», напечатанной в первом томе «Московского сборника». Особый интерес у славянофила вызвала американская жатвенная машина Мак-Кормика, «тогда ещё почти не известная в России» [4, с. 218]. Купив на выставке несколько образцов, по возвращении домой он предоставил их в распоряжение Московского общества сельского хозяйства «для производства опытов» [4, с. 218]. По словам биографа славянофила Н. П. Колюпанова, именно А. И. Кошелёву принадлежит «честь введения жатвенных машин в России» [4, с. 218]. К сожалению, вторая часть статьи, подготовленная для второго тома «Московского сборника» и посвящённая английским фермам, была утрачена при её пересылке из московского цензурного комитета в Санкт-Петербург.

А. И. Кошелёв не остался в стороне и от дискуссии, которая развернулась в печатных изданиях в 1856–1857 гг. по вопросу развития отечественного железнодорожного строительства. В публикациях на эту тему («Соображения касательно устройства железных дорог в России» (1856), «Соображения о пользе устройства железной дороги от Динабурга в Курскую губернию» (1856), «Ещё соображения касательно устройства железных дорог в России» (1857)) славянофил выразил своё мнение о целесообразности расширения и развития внутренней сети дорог, выступив против её ориентирования преимущественно на экспортную торговлю сельскохозяйственными продуктами и сырьём⁸.

Можно утверждать, что в полной мере талант Кошелёва-финансиста проявился в 1864–1866 гг. во время его деятельности в качестве члена Учредительного комитета, главного директора (министра финансов) Царства Польского, а также во время его участия в разработке программы модернизации Домбровского угольного бассейна. Во многом благодаря усилиям славянофила «для пользы России вообще и для блага тамошнего края» польский регион из традиционно убыточного превратился в территорию со стабильной финансовой ситуацией, получив в 1866 г. бездефицитный бюджет⁹. И после своей отставки А. И. Кошелёв не утратил интереса к польским событиям и свои соображения относительно развития края изложил в Письме Государю и Записке о делах Царства Польского (1866)¹⁰.

⁸ Кошелев А. И. Соображения касательно устройства железных дорог в России // Самодеятельность и Земская дума / под ред. О. А. Платонова. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 408–418; Кошелев А. И. Соображения о пользе устройства железной дороги от Динабурга в Курскую губернию // Кошелев А. И. Избранные труды / под ред. П. В. Акульшина, В. А. Горнова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 77–79; Кошелев А. И. Еще соображения касательно устройства железных дорог в России // Кошелев А. И. Избранные труды / под ред. П. В. Акульшина, В. А. Горнова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 80–99.

⁹ Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями / под ред. Т. Ф. Пирожковой. М.: Наука, 2002. С. 122.

¹⁰ Кошелев А. И. Письмо государю и записка о делах Царства Польского // Кошелев А. И. Избранные труды / под ред. П. В. Акульшина, В. А. Горнова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 213–231.

ЗНАЧЕНИЕ МЕМУАРНОГО НАСЛЕДИЯ

Большой интерес и несомненную историческую ценность представляют мемуарные «Записки...» А. И. Кошелёва. Повествование «Записок...» отражает важнейшие для истории страны события 1812 – начала 1880-х гг., свидетелем и участником которых был сам мыслитель. Славянофил начал писать свои мемуары в 1869 г., а окончил работать над ними незадолго до своей кончины в 1883 г. Вдове мыслителя О. Ф. Кошелёвой не удалось издать их в России – в этом случае из-за цензурных требований того времени «Записки...» пришлось бы печатать со многими искажениями и сокращениями, что показалось ей недопустимым. Поэтому воспоминания в том виде, в котором вышли из-под пера А. И. Кошелёва, впервые увидели свет в Берлине в 1884 г.

«Записки...» не сводились к простому жизнеописанию; фиксация автором биографических событий в них происходила на фоне большого количества исторических отступлений. Наряду с рассказами о детстве, годах обучения, личных поездках и встречах, государственной и общественной деятельности А. И. Кошелёвым была дана развёрнутая характеристика своего времени, великих переломных преобразований, настроений русского общества и его видных представителей, а также идейных расхождений, которые имели место в России до и после отмены крепостного права.

Характеризуя мемуарную форму «Записок...», необходимо отметить, что А. И. Кошелёв не стремился создать захватывающий сюжет или сделать акцент на собственной жизни. Напротив, он подробно описывал достаточно скучные для обывателя заседания и полемику в Крестьянских комитетах, земских собраниях, работу Редакционной комиссии, ход дел в Царстве Польском и т. д., не останавливаясь при этом даже на значимых фактах своей биографии. Таким образом, и в «Записках...» А. И. Кошелёва ценностные характеристики превалировали над личностными.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. И. КОШЕЛЁВА

А. И. Кошелёв вошёл в историю не только как общественный и государственный деятель, предприниматель, мемуарист, но и как издатель. На этом поприще очень пригодились его природное трудолюбие, энергия, деловые качества, предприимчивость и навык ведения практических дел. Кошелёвская журнальная деятельность начиналась ещё с сотрудничества в «Московском вестнике», субсидирования выпуска «Московского наблюдателя» и издания на собственные средства в 1852 г. «Московского сборника». Важнейшей вехой его издательской карьеры без преувеличения можно назвать появление в 1856 г. славянофильского журнала «Русская беседа» (1856–1860).

Трудно переоценить вклад А. И. Кошелёва в создание печатного органа славянофилов. Н. П. Колюпанов опровергал мнение, которое «высказыва-

лось в литературе» о преимущественно «денежном или номинальном» участии славянофила в «Русской беседе» [4, с. 235]. Со слов биографа, А. И. Кошелёв сначала лично занимался получением разрешения на издание журнала, а затем «вёл всю переписку с сотрудниками, делал сам или окончательно одобрял все редакционные поправки в статьях и наблюдал за цельностью и выдержкой направления в журнале» [4, с. 235]. Подтверждением тому звучали слова, адресованные А. И. Кошелёву в письме М. А. Максимовича от 30 декабря 1859 г., около полугода помогавшего славянофилу в редактировании «Русской беседы»: «Вы один были настоятелем монастыря и его строителем ... из всей христианской братии и честного собора один И. С. Аксаков годился в наместники ... без вашего личного настоятельства “Беседа” не может быть» [4, с. 235].

На протяжении пяти лет А. И. Кошелёв трудился на посту редактора «Беседы», отдавая своему детищу много сил, времени и денег. После обнародования Высочайших Манифестов об отмене крепостного права славянофил задумал издавать журнал, посвящённый исключительно делу освобождения крестьянства под названием «Сельское Благоустройство» (1858–1859). Понимая, что одному справиться с двумя журналами не получится, А. И. Кошелёв принял решение передать «Русскую беседу» И. С. Аксакову. Последний в то время задумал издавать газету «Парус», поэтому славянофил предложил объединить все три печатных органа («Парус», «Русскую беседу», «Сельское благоустройство») и даже был готов принять все расходы на себя. Весьма показательной была и предложенная им схема финансирования журналов: А. И. Кошелёв «определил бюджет в 33.502 р.», в т. ч. «ежегодной платы Аксакову за редакторство 2.000 р. сер.» [4, с. 247]. Все убытки он принимал на себя, а «барыши шли в пользу Аксакова», и если он сам сочтёт нужным, то треть (за «Сельское благоустройство») отчислялась бы А. И. Кошелёву, но с тем, чтобы эти деньги «прямо из конторы отсылались на учреждения по народному образованию» [4, с. 247–248].

Издавая журнал, А. И. Кошелёв не ставил перед собой задачи изобличать правительство и не желал придавать своим изданиям оппозиционный характер: «Я в душе за власть; с прискорбием вижу, когда она спотыкается, а не намерен выказывать к ней ни малейшей неприязненности ... Я желаю слыть органом правительства, только либерального правительства ... Я убеждён, что у нас оппозиция не плодотворна. Пуще всего нам должно избегать фанфарить либерализмом, – это дёшево, но гнило» [4, с. 249].

«Русская беседа» была рассчитана на образованного читателя, все публикации издания отличались серьёзностью и содержательностью, что делало его в определённой степени элитарным. С одной стороны, наличие «качественного» материала было преимуществом журнала, с другой, его недостатком. Ведь главный «конкурент» за внимание публики – «Русский Вестник» (1856–1906) М. Н. Каткова, – напротив, предлагал лёгкое, не требующее

значительных умственных усилий чтение, которое было близко и понятно гораздо большему числу подписчиков. Несмотря на это, А. И. Кошелёв считал выбранный курс славянофильского журнала верным и решительно пресекал любые попытки его изменить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучая публицистическую, мемуарную и издательскую деятельность А. И. Кошелёва, можно утверждать, что славянофил акцентировал своё внимание преимущественно на практической стороне общественной, политической и экономической жизни России. Будучи равнодушным и деятельным человеком, он не оставался в стороне от главных событий своего времени. Вместе с тем в его наследии мы не увидим работ, посвящённых исключительно философской или религиозной тематикой.

Концентрируя своё внимание на реальных проблемах, он выдвинул целый ряд идей относительно лучшего устройства государственной жизни своей страны. При этом спектр интересов А. И. Кошелёва был весьма широк: от новинок сельскохозяйственной техники и устройства железных дорог до решения крестьянского вопроса и совершенствования форм взаимодействия власти и народа. И по всем вопросам он высказывал своё, порой отличное от официального, но всегда взвешенное и мотивированное суждение.

У каждой страны есть «свои патриоты-хранители, приверженцы идеи сохранения исторических начал общества и государства», «противники радикализма и революционности», защитники «национальной истории, языка, культуры» [5]. Одним из таких патриотов России и был славянофил А. И. Кошелёв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горнов В. А. Александр Иванович Кошелев: «Пуще всего нам должно избегать фанфаронить либерализмом...» // Российский либерализм: идеи и люди / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2007. С. 164–174.
2. Дудзинская Е. А. Общественно-политическая деятельность А. И. Кошелева в пореформенное время // Революционеры и либералы России / отв. ред. Б. С. Итенберг. М.: Наука, 1990. С. 203–219.
3. Колюпанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. 1. Кн. 2. Молодые годы Александра Ивановича. Воспитание и первоначальная служба Александра Ивановича Кошелева. М.: Типо-литография И. Н. Кушнерова и К, 1889. 443 с.
4. Колюпанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. 2. Возврат к общественной и литературной деятельности (1832–1856 г.). М.: Типо-литография И. Н. Кушнерова и К, 1892. 155 с.

5. Перевезенцев С. В., Ширинянц А. А. Страницы истории русского «хранилельства»: литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 05.08.2022).
6. Пирожкова Т. Ф. А. И. Кошелев – главный распорядитель журнала «Русская беседа» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала / под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского, О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 9–49.
7. Пирожкова Т. Ф. А. И. Кошелев и его мемуары // Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями / под ред. Т. Ф. Пирожковой. М.: Наука, 2002. С. 357–407.
8. Цимбаев Н. И. Либеральный славянофил Александр Кошелев // Наше либеральное наследие. Т. 1 / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М.: Открытая Россия, 2004. С. 306–319.
9. Ширинянц А. А. Славянофилы в эпоху отмены крепостного права (Библиографический очерк) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3. С. 9–23.

REFERENCES

1. Gornov V. A. [Alexander Ivanovich Koshelev: “Most of all, we should avoid boasting with liberalism ...”]. In: Kara-Murza A. A., ed. *Rossiiskii liberalizm: idei i lyudi* [Russian liberalism: ideas and people]. Moscow, Novoe Izdatelstvo Publ., 2007, pp. 164–174.
2. Dudzinskaya E. A. [Socio-political activity of A. I. Koshelev in the post-reform period]. In: Itenberg B. S., ed. *Revolutsionery i liberaly Rossii* [Revolutionaries and liberals of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 203–219.
3. Kolyupanov N. P. *Biografiya Aleksandra Ivanovicha Kosheleva. T. 1. Kn. 2. Molodye gody Aleksandra Ivanovicha. Vospitanie i pervonachal'naya sluzhba Aleksandra Ivanovicha Kosheleva* [Biography of Alexander Ivanovich Koshelev. Vol. 1. B. 2. Young years of Alexander Ivanovich. Education and initial service of Alexander Ivanovich Koshelev]. Moscow, Tipo-litografiya I. N. Kushnereva i K Publ., 1889. 443 p.
4. Kolyupanov N. P. *Biografiya Aleksandra Ivanovicha Kosheleva. T. 2. Vozvrat k obshchestvennoi i literaturnoi deyatel'nosti (1832–1856 g.)*. [Biography of Alexander Ivanovich Koshelev. Vol. 2. Return to social and literary activity (1832–1856)]. Moscow, Tipo-litografiya I. N. Kushnereva i K Publ., 1889. 155 p.
5. Pervezentsev S. V., Shirinyants A. A. [Pages of history of the Russian “keeping idea” (“khranitel'stvo): literature and politics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2016, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 05.08.2022).
6. Pirozhkova T. F. [A. I. Koshelev is the chief manager of the journal “Russian conversation”]. In: Egorov B. F., Pentkovskii A. M., Fetisenko O. L., eds. *“Russkaya beseda”: istoriya slavyanofil'skogo zhurnala* [“Russian

conversation": the history of the Slavophile journal]. St. Petersburg, Pushkinskii dom Publ., 2011, pp. 9–49.

7. Pirozhkova T. F. [A. I. Koshelev and his memoirs]. In: Pirozhkova T. F., ed. *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody). S sem'yu prilozheniyami* [Notes of Alexander Ivanovich Koshelev (1812–1883). With seven applications]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 357–407.
8. Tsimbaev N. I. [Liberal Slavophil Alexander Koshelev]. In: Kara-Murza A. A., ed. *Nashe liberal'noe nasledie. T. 1* [Our liberal heritage. Vol. 1]. Moscow, Otkrytaya Rossiya Publ., 2004, pp. 306–319.
9. Shirinyants A. A. [Slavophiles in the time of the abolition of serfdom (The Bibliographic essay)]. In: *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2018, no. 3, pp. 9–23.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 16.08.2022

Статья размещена на сайте: 18.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лагузова Мария Андреевна – аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: laguzova@bk.ru

Maria A. Laguzova – Postgraduate Student, the Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: laguzova@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Лагузова М. А. К вопросу о практической направленности творческого наследия А. И. Кошелёва // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Laguzova M. A. On the question of the practical direction of the creative heritage of A. I. Koshelev. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 343.575.4

Манойло А. В.

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
119333, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 3, Российская Федерация

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ДИВЕРСИИ В КОНФЛИКТЕ НА УКРАИНЕ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить и классифицировать формы и методы информационной борьбы в современном конфликте на Украине (в условиях проведения Специальной военной операции).

Процедуры и методы. Исследование проведено с использованием методов анализа, синтеза, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. Выявлены и классифицированы формы и методы ведения информационной войны на Украине в условиях Специальной военной операции (стратегические информационные операции, спецпропаганда, фейки и оперативные игры с элитами); показано, что по интенсивности основное место в информационной борьбе участников конфликта занимает специальная пропаганда, цели и методы которой не изменились со времён Холодной войны; стратегические информационные операции, представляющие собой оперативные комбинации иностранных разведок, в данном конфликте на настоящем этапе присутствуют только в виде т. н. инцидента в Буче. Установлено, что фейки, массово изготавливаемые украинской стороной и её западными «спонсорами», преследуют целью отвлечение внимания российской стороны (сил и средств информационного противоборства) от настоящих оперативных комбинаций, проводимых ЦРУ и МИ-6 («отвлечение на негодный объект»).

Теоретическая значимость. Сведения о новейших формах и методах организации и проведения информационных операций в условиях Специальной военной операции на Украине могут быть использованы в работе государственных органов, отвечающих за организацию системного противодействия информационной агрессии иностранных государств, а также будут полезны политологам, политтехнологам и специалистам по противодействию деструктивным политическим технологиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Специальная военная операция, политика, информационная война, гибридная война, информационная операция, оперативная комбинация, Россия, Украина, США

СТРУКТУРА

Введение

Оценка оперативной обстановки

Формы и методы информационной борьбы

Заключение

A. Manoilo

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
ul. Dmitriya Ulyanova 3, Moscow 119333, Russian Federation*

INFORMATIONAL DIVERSIONS IN THE CONFLICT IN UKRAINE

ABSTRACT

Aim. To identify and classify the forms and methods of information war in the modern conflict in Ukraine (during the Special Military Operation).

Methodology. The study was carried out using the methods of analysis, synthesis, generalization, and interpretation of the results.

Results. The forms and methods of conducting information war in Ukraine during the Special Military Operation (strategic information operations, special propaganda, fake news, and operational games with the elites) are identified and classified. It has been revealed that the most prominent means of the information warfare is the special propaganda, the goals and methods of which have not changed since the Cold War; strategic information operations, which are operational combinations of foreign intelligence, in this conflict at the present stage are present only in the form of the so-called "Incident in Bucha". It has been established that fake news massively produced by the Ukrainian side and its Western "sponsors" is aimed at diverting the attention of the Russian side (forces and means of information warfare) from the real operational combinations conducted by the CIA and MI-6 ("diversion to an unusable object").

Research implications. Information about the latest forms and methods of organizing and conducting information operations in the conditions of the Special Military Operation in Ukraine can be used in the work of state bodies responsible for organizing a systemic counteraction to information aggression by foreign states, and will also be useful to political scientists, political technologists, and specialists in countering destructive political technologies.

KEYWORDS

special military operation, politics, information war, hybrid war, information operation, operational combination, Russia, Ukraine, USA

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир находится в состоянии нарастающей турбулентности и хаотизации системы международных отношений [1], типичной чертой которой являются гибридные войны [7], торговые войны [8] и цветные революции [6]. Вместе с тем обострение отношений России с Западом на данном этапе носит не случайный, а объективный характер и обусловлено самим ходом исторического процесса [9]. Переменными величинами в этом процессе являются лишь конкретные обстоятельства и формальные поводы столкновения России и Украины, спровоцированного Западом, готовившим этот конфликт как минимум все последние 10 лет.

Первые шесть месяцев Специальной военной операции на Украине дали уникальный опыт использования различных форм и методов информационной и психологической борьбы в реальных боевых условиях. При

этом нельзя утверждать, что с началом Специальной военной операции на Украине (СВО) в технологиях информационных войн появилось что-то новое; напротив, мы видим возвращение к старым, давно известным методам специальной пропаганды, порядком подзабытым в эпоху монополии на информационные операции специальных служб, ведущих свои оперативные игры на каналах ОТКС (2014–2021 гг.). В самом деле, начало СВО привело не к прогрессу технологий информационной войны, а, напротив, к их регрессу: стратегические информационные операции и оперативные игры разведок отошли на второй план, уступив место более простым и массовым идеологическим диверсиям, провокациям, довольно простым формам дезинформации и фейкам.

Связано это было в первую очередь с недостатком времени для планирования и реализации тонких многоходовых оперативных комбинаций типа «дела Скрипалей» или «Аргентинского кокаина» [3] и в не меньшей мере с отсутствием кадров, способных в таких оперативных играх участвовать.

ОЦЕНКА ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ

Российская сторона, начиная СВО, рассчитывая добиться скорейшего подписания мирного договора, только силами военных, подписав мирный договор. В этом плане ставка делалась на внезапность, на эффект неожиданности. В условиях быстрого и победоносного продвижения союзных сил вглубь территории Украины от сил информационных операций требовалось только элементарное – постоянно поддерживать боевой дух наступающих вооружённых сил вбросами лозунгов и патриотической риторики, самой простой и примитивной, достаточной для эмоциональной накачки и подзарядки бойцов и командиров. Считалось, что в этих условиях для настоящих информационных операций (специальных разведывательных операций на каналах ОТКС – оперативных комбинаций и игр специальных служб), подготовка к которым может занимать от 6 месяцев до полутора лет, времени просто не останется. Значит, они не нужны.

Что касается украинской стороны, она в целом оказалась готова к информационным мероприятиям союзных сил, имея на начало СВО грамотно выстроенную американскими специалистами систему центров психологических операций, укомплектованных национальными кадрами, прошедшими подготовку в разведцентрах США, с руководством, напрямую подчиняющимся американским разведывательным службам (ЦРУ, РУМО) и британской МИ-6. При этом сами центры оказались напрямую интегрированы в разведывательную сеть США – в статусе региональных командований, получая приказы непосредственно из разведцентров и имея прямой доступ (с известными ограничениями, разумеется) к разведывательной информации, добываемой АНБ, ЦРУ, РУМО и другими разведками США. В результате, когда

началась СВО, российская сторона столкнулась не с «колониальными войсками», обученными американскими инструкторами «европейской тактике» ведения информационной войны, а с самими разведками США, Великобритании и др., действующими «под чужим флагом» и делающими свою работу руками украинских националистов. В этих условиях западные разведки сохранили способность организовывать масштабные провокации и проводить на их основе оперативные комбинации (такие как инцидент в Буче), но первые 2–3 месяца они также были вынуждены переключить своих украинских пособников на решение задач боевого слаживания (чтобы те просто не разбежались), ограничив их боевое применение производством массовой пропаганды, простых и не менее примитивных фейков, дезинформации, идеологических диверсий. В результате на тактическом уровне и здесь наметился регресс, характеризующийся скатыванием к использованию грубо сделанных идеологических подделок, легко разоблачаемых противоположной стороной, как только пройдёт вызванный ими мгновенный шоковый эффект.

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В результате в противостоянии России и США в информационной сфере (где украинская сторона используется американской разведкой как плацдарм и контрагент) с началом СВО произошла следующая перестройка всей структуры проводимых нашими странами специальных мероприятий – они выстроились в четыре яруса:

- стратегические информационные операции (Буча, с прицелом на международный трибунал);
- спецпропаганда (разложение противника, дискредитация его лидеров, подрыв политической стабильности);
- фейки (создание ажиотажа и паники с целью отвлечения сил и средств противника на негодный объект);
- оперативные игры (с олигархами, готовыми ради личного спасения на всё; т. н. переговоры о мире).

На вершине этой пирамиды по-прежнему остаются **стратегические информационные операции** – оперативные комбинации, способные дать стратегический эффект в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Прежде, в период «после Крыма» (с 2016 по 2021 гг.), этот вид операций был доминирующим: к ним относятся и «дело Скрипалей», и «Допинговый скандал с WADA», и «дело об аргентинском кокаине», и «захват группы т. н. вагнеровцев в Беларуси в 2020 г.», и даже т. н. дело «об отравлении Навального» [3]. Но с началом СВО их число резко сократилось, и сегодня мы можем указать только на один пример такой операции, развернувшейся вокруг инцидента в Буче, и на несколько инцидентов, которые, возможно, тоже рассматриваются США как «крючки» для новых оперативных комбинаций: «обстрел российскими

войсками Запорожской АЭС» (риск ядерной катастрофы), «Россия – спонсор международного терроризма»¹, «ракетный удар по торговому центру в Кременчуге»², «применение Россией химического оружия на Донбассе»³ и т. д. По своим целям и пошаговой схеме «Инцидент в Буче» полностью повторяет «Дело Скрипалей» [4] и недавнюю операцию США против Беларуси, связанную с побегом в Польшу авиадиспетчера О. Галегова, давшего показания по делу Ryanair⁴. Цель таких операций – выдвигание обвинений в адрес руководства страны-противника в совершении военных или иных преступлений (как правило, против человечности), терроризме, геноциде, применении ОМУ (а в случае с посадкой Ryanair – в воздушном пиратстве) и помещение его на скамью международного трибунала (по примеру С. Милошевича).

Второй ярус этой пирамиды в зоне СВО занимает **спецпропаганда** – меры, направленные на разложение противника, дискредитацию его лидеров, подрыв политической стабильности внутри воюющего государства; эти методы составляют не менее 80% от всего объёма разведывательно-диверсионной и подрывной деятельности в информационном пространстве, проводимой обеими сторонами в зоне СВО и за её пределами (нами – в поддержку СВО, украинцами – против). Применяемые в этом вооружённом конфликте формы и методы спецпропаганды не отличаются от тех методов, которым обучали ещё в советских военных академиях; единственное отличие современной спецпропаганды от пропаганды советского периода – каналы связи и доведения управляющего воздействия до целевых аудиторий (прежде всего через социальные сети и мессенджеры), которые позволяют спецпропагандистам действовать точно, адресно, избирательно.

Третий ярус занимают **фейки** – специфическая форма дезинформации, которая в данном конфликте применяется массово с целью насаждения страха, паники, ажиотажа, распространения слухов, разжигания ненависти и – впервые – с целью отвлечения сил и средств противника на негодный объект.

¹ Сенат США призвал включить Россию в список стран – спонсоров терроризма // РИА Новости: [сайт]. [28.07.2022]. URL: <https://ria.ru/20220728/rossiya-1805547333.html> (дата обращения: 31.07.2022).

² 27 июня 2022 г.

³ «U.S. officials have obtained intelligence that Russia's announced military pullback from Ukraine's border was a deliberate ruse to mislead the United States and other world powers, four officials said Thursday, as President Biden offered a bleak warning that the Kremlin will launch an attack "in the next several days"». См.: U. S. intelligence shows Russia's military pullback was a ruse, officials say // The Washington Post: [сайт]. [17.02.2022]. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/17/ukraine-russia-putin-nato-munich/> (дата обращения: 31.07.2022).

⁴ Defector Helps Build Case Against Belarus Over Ryanair Flight It Forced Down // NYT: [сайт]. [08.12.2021]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/08/world/europe/belarus-poland-ryanair-plane-dissident.html> (дата обращения: 31.07.2022).

Особенно хорошо это видно на примере украинской пропаганды. С момента начала СВО украинская сторона поставила производство фейков на конвейер: их стали производить массово, очень низкого качества, пытаясь задавить российскую контрпропаганду лавиной резонансных разоблачений, инсайдов, компромата и клеветы. При этом о качестве фейков, по-видимому, не думали – их создавали наспех представители самых разнообразных социальных групп: от сотрудников центров специальных психологических операций до волонтеров. При этом даже в тех случаях, когда попадались качественно сделанные фейки, в них специально добавляли разного рода нестыковки, позволяющие противнику их заметить (т. е. «клюнуть» на них, как на приманку), выявить и публично разоблачить. В результате на выявление и разоблачение этих фейков и были отвлечены практически все силы и средства российских ведомств, хоть что-то понимающих в информационных операциях. К тому же выяснилось, что разоблачать такие грубо сделанные фейки легко, выглядят эти разоблачения эффектно, дают хорошую статистику «побед», которая очень нравится руководству. По-видимому, это и было главной целью массовой фейковой атаки: как только все кадры переключились на отлов и разоблачение фейков, некому стало заниматься настоящими информационными операциями – такими как инцидент в Буче.

СВО выявила ещё одно предназначение фейков – скрытое управление противником, мотивирующее его на сознательное тиражирование фейков по собственным каналам коммуникации (подконтрольным ему СМИ, социальным сетям, мессенджерам). Выяснилось, что фейки:

- обеспечивают повтор, тиражирование и распространение украинской пропаганды путём воспроизведения фейков на российском телевидении и в электронных СМИ;

- создают каналы доведения дезинформации и вредоносных идеологических установок до широкой российской аудитории (благодаря попаданию их в российские СМИ и особенно на телевидение (ток-шоу); в результате оказывается, что одиозный фейк, который и видели-то в сетях два десятка человек (да и тем он неинтересен), попадает на экраны российского телевидения в какой-нибудь передаче типа «Антифейк»⁵ и разносится на многомиллионную российскую аудиторию, причём делается это добровольно, безвозмездно, без какого-либо принуждения с украинской стороны);

- формируют «эффект ведомого» (возникает в том случае, если противник увлекается разоблачением подсовываемых ему фейков, забывая о том, что в фейках может быть закодирована последовательность команд, управляющих подсознанием человека напрямую, незаметно для его сознания; в этом случае противник послушно следует той линии обсуждения, которую

⁵ Передача на Первом канале российского телевидения. См: Антифейк // Первый канал: [сайт]. URL: <https://www.1tv.ru/shows/antifeyk> (дата обращения: 31.07.2022).

ему навязывают с помощью вброса фейков, каждый раз модифицируя его сознание новыми «инъекциями» вредоносной информации и «ведя» его, как волка по красным флажкам, к тем выводам и оценкам, которые выгодны укронацистам; тем самым фейки становятся инструментом нейролингвистического программирования);

– создают канал OSINT (получения разведывательной информации из открытых источников путём снятия информации с противника в виде ответной реакции так называемых прокремлёвских спикеров, входящих в идеологический пул, на открытых площадках – федеральных ток-шоу; многие из них получают т. н. "темники", которые и озвучивают в меру своих талантов – как правило, достаточно близко к исходному тексту, по которому можно судить о планах, настроениях, уверенности / неуверенности в собственных силах и, главное, о том, чего реально боятся «там», в центрах принятия решений).

Действительно, благодаря специфике функционирования административного аппарата и его тяге к «демонстрации результатов» вышестоящему руководству, причём «нарастающим итогом», украинские фейки (специально сделанные с дефектами – так, чтобы их было сравнительно легко заметить и разоблачить) подхватываются российскими структурами, ответственными за контридеологическую борьбу, продвигаются на каналы центрального телевидения, где их сначала повторяют дословно, т. е. тиражируют, а затем, как правило, устами крайне сомнительно выглядящих, потрёпанных жизнью «экспертов» (или людей, назвавшихся таковыми) пытаются опровергнуть. При этом аудитория запоминает сам фейк (так как он идёт первым и он же создаёт первое впечатление, которое потом крайне сложно перебить) и совсем не запоминает комментарий приглашённых «спикеров» или «экспертов». Затем этот же фейк подхватывают нью-медиа, и уже они добирают те аудитории, которые не охватили телеканалы и их ресурсы в интернете. Таким образом, получается, что большую часть работы по обеспечению успешности проводимых противником идеологических диверсий по распространению фейков за украинцев делаем мы же – российская сторона, – сами этого не осознавая. Это мы зачастую предоставляем им свои СМИ в качестве каналов доведения фейков до российской же аудитории, добровольно и без принуждения.

Этот механизм распространения фейков, на самом деле, не нов и полностью соответствует основному принципу специальных информационных разведывательных операций: противника надо простимулировать только один раз; всё остальное он должен сделать сам – собственными руками «завалить» свою же тайную операцию, раскрыть свою агентуру и быть при этом совершенно уверенным в том, что он всё делает правильно, потому что другого выхода у него нет.

На четвёртом – самом нижнем по интенсивности, но не по значению – ярусе ведения информационной войны против России расположены **оперативные игры**, ведущиеся иностранными разведками (ЦРУ и МИ-6, но не

только) с российскими олигархами, банкирами, руководителями госкорпораций – с теми, чьи интересы в основном на Западе [2] и кто боится потерять свои активы в Лондоне, Женеве и других местах. Это – влиятельная страта, имеющая влияние на принятие политических решений. Кроме того, их капитал – не национальный, а часть мирового транснационального капитала, неразрывно связанная с ним множеством связей. Первым «звонком» для этой категории граждан стали аресты их яхт; очевидно, что это было только начало. Иностранцам разведкам связи с олигархами нужны прежде всего для организации насильственной смены власти в РФ – для реализации госпереворота по венесуэльскому сценарию (повторению т. н. «Венесуэльского прецедента» [5] в российских условиях), или по сценарию гибридной цветной революции в Беларуси в 2020 г. (которая сама является дальнейшим этапом развития технологии «Венесуэльского прецедента»), или для финансирования изнутри массовых протестов по сценарию выборов в Мосгордуму в 2019 г. (имевших также внутренние источники финансирования). Начало СВО на Украине создало условия как для осуществления классических разведывательных подходов к этим олигархам, так и для их последующего шантажа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, с началом СВО на передний план выдвинулись классические приёмы спецпропаганды (известные ещё по Холодной войне) и примитивные фейки с грубыми дефектами «сборки», вытеснив собой с ТВД более тонкие инструменты организации идеологических диверсий – оперативные комбинации и оперативные игры спецслужб. То же самое, по нашим наблюдениям, отмечалось и у западных «партнёров» киевского режима – они тоже спешили как можно скорее и примитивнее опорочить репутацию Российской Федерации и её Вооружённых Сил, как будто опасались, что СВО завтра кончится и они не успеют заскочить в «последний пропагандистский вагон». На протяжении всех 6 месяцев СВО российских специалистов по информационным операциям не покидало ощущение того, что западная пропаганда делается в спешке, на ходу и, порой, случайными людьми. Это видно в фейках, которые довелось разоблачить в рамках проекта «Вбросам.нет»⁶. Между тем спустя 6 месяцев после начала СВО многие задачи по денацификации и демилитаризации Украины до конца ещё не решены, и с течением времени нам следует ожидать возвращение на поле боя стратегических информационных операций, таких как «дело об аргентинском кокаине», «дело Ryanaig» и пресловутое «дело Скрипалей», адаптированных под новый театр военных действий.

⁶ Вбросам.нет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vbrosam.net> (дата обращения: 31.07.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров А. К. Циклы российско-американских отношений в постбиполярный период (1991–2021 гг.) // Вопросы политологии. 2022. № 1. С. 164–180.
2. Богатуров А. Д., Лебедева О. В., Бобров А. К. Новые поколения внешне-политических доктрин России // Международная жизнь. 2022. № 6. С. 8–19.
3. Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность: Ч. II // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 31.07.2022).
4. Манойло А. В. Дело Скрипалей как операция информационной войны // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 31.07.2022).
5. Манойло А. В. Современная практика информационных войн и психологических операций. Вирусные технологии и эпидемии каскадного типа на примере операции по разоблачению агента влияния ЦРУ, бывшего вице-президента Венесуэлы Диосдадо Кабельо 17–21/08/2019 // Национална сигурност. 2019. № 3. С. 3–8.
6. Тиханыхев О. В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30–43.
7. Цыганков П. А. «Гибридные войны»: понятие, интерпретации и реальность // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П. А. Цыганкова. М.: Изд-во Московского университета, 2015. С. 7–32.
8. Cortright D., Lopez G. A. Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft. New York: Rowman & Littlefield, 2002. 256 p.
9. Simons G. Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics // Russia in Global Affairs. 2019. № 2. P. 108–125.

REFERENCES

1. Bobrov A. K. [Cycles of the US-Russian Relations in the Post-Bipolar Period (1991–2021)]. In: *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 2022, no. 1, pp. 164–180.
2. Bogaturov A. D., Lebedeva O. V., Bobrov A. K. [New generations of Russian foreign policy doctrines]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International life], 2022, no. 6, pp. 8–19.
3. Manoilo A. V. [Information Warfare and New Political Reality (II)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 31.07.2022).
4. Manoilo A. V. [The case of the Scripals as an information war fareoperation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2019, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 31.07.2022).

5. Manoilo A. V. [Modern practice of information warfare and psychological operations. Virus technologies and cascading epidemics on the example of the operation to expose the CIA agent of influence, former Vice President of Venezuela Diosdado Cabello 17–21/08/2019]. In: *Natsionalna sigurnost* [National Security], 2019, no. 3, pp. 3–8.
6. Tikhanychev O. V. [Hybrid warfare: a new word in military art or the well forgotten new?]. In: *Voprosy bezopasnosti* [Security questions], 2020, no. 1, pp. 30–43.
7. Tsygankov P. A. ["Hybrid wars": concept, interpretations and reality]. In: Tsygankov P. A., ed. «*Gibridnye voyny*» v khaotiziruyushchemsya mire XXI veka ["Hybrid wars" in the chaotic world of the XXI century]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 2015, pp. 7–32.
8. Cortright D., Lopez G. A. *Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft*. New York, Rowman & Littlefield, 2002. 256 p.
9. Simons G. Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics. In: *Russia in Global Affairs*, 2019, no. 2, pp. 108–125.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 31.07.2022

Статья размещена на сайте: 27.10.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН; e-mail: 9315891@gmail.com

Andrei V. Manoilo – Dr. Sci. (Political Science), Leading Researcher, Department of Europe and America, Central Research Institute of Global and Regional Problems Institute, Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e-mail: 9315891@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Манойло А. В. Информационные диверсии в конфликте на Украине // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Manoilo A. V. Informational diversions in the conflict in Ukraine. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 324

Федоров В. И.

Центр общественно-политических проектов и коммуникаций
119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 20, Российская Федерация

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ КАК СЕТЬ КОММУНИКАЦИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ

АННОТАЦИЯ

Цель. Разработка подходов к выявлению и критическому осмыслению электронного голосования как нового механизма политического участия.

Процедура и методы. Исследование базируется на общенаучных методах познания, включающих компаративный метод экстраполяции и прогнозирования, а также на системном подходе и приёме включённого наблюдения.

Результаты. Разработана авторская модель-концепция электронного голосования как сети коммуникаций между государством и обществом с целью привлечения граждан к конвенциональному политическому участию, достигаемому посредством удержания и контроля аудитории избирателей.

Теоретическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в развитие теорий информационного общества и политической коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

электронное голосование, выборы, политическое участие, коммуникационная теория власти, политическая коммуникация

СТРУКТУРА

Введение

Электронное голосование как сеть

Российская сеть электронного голосования

Заключение

V. Fedorov

Center for Socio-Political Projects and Communications
Lomonosovskiy prospect 20, Moscow 119991, Russian Federation

ELECTRONIC VOTING: A COMMUNICATION NETWORK THAT LINKS STATE AND SOCIETY

ABSTRACT

Aim. To develop various approaches to the identification and critical understanding of the electronic voting as a new mechanism of political activity.

Methodology. The research is based on general scientific methods, such as comparative method of extrapolation and forecasting. In addition, we use systemic approach and method of participant observation.

Results. In our research work, we have introduced our own electronic voting model as a communication network that links the state and society. Its goal is to escalate people's conventional political activity with the help of close control over the constituency.

Research implications. The results of our work contribute to the development of theories touching upon the problems of information-oriented society and political communication.

KEYWORDS

electronic voting, elections, political participation, communication theory of political power, political communication

ВВЕДЕНИЕ

Электронное голосование как проявление информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) оказывает всё большее влияние на современные политические процессы во всём мире. Так, по состоянию на 2022 г. более 40 стран проводят эксперименты по внедрению электронного голосования в выборную практику, а в 12 странах электронное голосование уже используется на общенациональном уровне выборов (Бельгия, Бразилия, Бутан, Венесуэла, Индия, Кыргызстан, Монголия, Намибия, Россия, Филиппины, Эстония). Электронное голосование в этих странах является новым механизмом политического участия, который требует концептуального осмысления.

На наш взгляд, теория информационного общества, созданная во второй половине XX в., стала плодотворным научным ответом на расширение влияния ИКТ на взаимоотношения государства и общества в контексте политического участия. Пионерами исследований влияния электронных средств коммуникации на развитие общества и политические процессы стали Д. Белл – создатель теории постиндустриального общества [2], автор футурологической концепции информационного общества Й. Масуда [22], Н. Виннер, рассматривавший коммуникации между властью и обществом как субъект-субъектный процесс [5], представители Торонтской школы Х. Иннис [21] и М. Маклюэн [9], которые выявили определяющее влияние модели коммуникаций в обществе на тип политического устройства, Э. Тоффлер – автор концепции трёх волн модернизации [14], [19].

Среди создателей теории информационного общества особое место занимает М. Кастельс, который критически проанализировал интеллектуальное наследие предшественников и создал собственный подход к осмыслению влияния электронных средств коммуникаций на политику. М. Кастельс считает, что современное политическое участие имеет гибридную форму и одновременно функционирует в интернете и в физическом мире через горизонтальные децентрализованные коммуникации. Ключевым условием демократии в XXI в., согласно Кастельсу, является свободная коммуникация в интернете; по его мнению, люди по всему миру разочарованы традиционными институтами власти и нашли новые способы самоорганизации в интер-

нете без ярко выраженных лидеров. Примерами зарождения новой формы гражданского активизма стали такие социальные движения, как «Арабская весна» и «Захвати Уолл-стрит». Научный подход Кастельса основан на анализе большого массива эмпирических данных о современных государствах и интеграции существующих концепций и теорий, например, о дисциплинарной власти М. Фуко [16], о силе как источнике власти государства М. Вебера [25], о теории коммуникативных действий Ю. Хабермаса и его положения о существовании административной власти внутри общества [20], о транзитивной и интранзитивной власти Т. Парсонса [24]. Ряд исследователей ранее успешно применяли коммуникационную теорию власти для объяснения политического участия на региональном [3; 4], национальном [15], глобальном уровнях [8].

Кому выгодно управлять электронным голосованием, и кто это делает? Ответы на эти вопросы важны для понимания природы нового механизма политического участия. Мы считаем, что подход Кастельса обладает значительной объяснительной ценностью и может быть успешно применён для концептуализации феномена «электронное голосование». На основе коммуникационной теории власти М. Кастельса [7, с. 41] мы предлагаем концепцию сети электронного голосования как пространства коммуникаций между властью, представляемой государственными институтами, и контрвластью [12, с. 183] в лице общества с целью привлечения граждан к конвенциональному политическому участию, достигаемому посредством удержания и контроля аудитории избирателей.

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ КАК СЕТЬ

Мы исходим из того, что электронное голосование является новым механизмом политического участия, построенным на базе сетевой структуры организации общества, которая предполагает обмен информацией между индивидами, социальными группами и социальными институтами посредством электронных коммуникаций. Сеть электронного голосования имеет потенциал для разрешения конфликта за власть между политическими акторами и обеспечения обмена информацией об электоральном выборе между государством и обществом.

При этом государства-операторы электронного голосования существенно отличаются по политической культуре и уровню социально-экономического развития. Эти государства перешли к использованию электронных платформ голосования не из-за абстрактного желания внедрять достижения технического прогресса, а из-за насущных проблем выборной практики, которые потребовали решений. Идеи о переходе от представительной демократии к партисипативной под влиянием информационно-коммуникационных технологий почти во всех странах (за исключением Швейцарии) оста-

лись декларациями о намерениях. Электронное голосование является для них новым механизмом политического участия, предотвращающим рост его неконвенциональных проявлений.

Согласно подходу М. Кастельса источник власти в сетевом обществе – это создатель и отправитель сообщения, которое передаётся по каналам коммуникации. Цель любой сети, выраженная в программе, заключается в привлечении, удержании и контроле аудитории. Ключевые акторы сети – программисты и переключатели. Программисты создают программируемых, которые являются подчинёнными субъектами власти имущих в коммуникационных сетях. Наряду с программистами ещё одним владельцем власти в сетевом обществе являются переключатели – акторы, способные предоставлять ресурсы одной сети для другой, например, давать для политической сети ресурсы медиасети или для военной сети ресурсы сети финансовых рынков.

В качестве примера переключателя М. Кастельс приводит американского медиамагната Р. Мёрдока, получившего власть в различных сетях благодаря своей способности соединять их. В 2022 г. мы являлись свидетелями превращения И. Маска в мегапереключателя глобального масштаба, который предоставлял интернет-коммуникации Starlink для военной сети Украины и США, а затем, купив Twitter, получил ресурсы социальных медиа и стал оказывать влияние на политическую сеть. Мёрдок и Маск одновременно являются программистами в глобальной мультимедийной сети и переключателями в глобальном сетевом обществе, перераспределяющими ресурсы. Например, в России программистом и переключателем на национальном и региональном уровнях был российский журналист А. А. Венедиктов¹, занимавший должности главного редактора радио «Эхо Москвы» и председателя Общественного штаба г. Москвы по наблюдению за выборами. С 2019 г. Венедиктов был последовательным сторонником интернет-голосования в России. Источник его власти – тоже медиавласть. Он предоставлял для политической сети ресурсы медиасети, а медиасеть мог обеспечивать ресурсами политической сети, используя свои связи с политической элитой России и г. Москвы.

Сетесозидающей сетью, которая проектирует другие сети, являются государства и коммерческие компании. Для электронного голосования создателем выступает государство, где наиболее важными узлами являются парламент и глава государства, которые программируют параметры электронного голосования, заключая их в форму избирательного законодательства. Российские политические администраторы публично декларируют, что устойчивость политической системы во многом определяется ее открытостью, гибкостью, возможностью использовать различные технологии принятия и реализации политических решений [17, с. 10].

¹ Внесён Минюстом в реестр лиц, выполняющих функции иностранного агента (*прим. ред.*).

Государство выступает программистом, настраивающим сеть электронного голосования и передающим сообщения программируемым. Программа состоит из кода, включающего оценку исполнения, а также критерии успеха и неудачи. Применительно к сети электронного голосования успех для государства выражен в таких показателях, как рост явки избирателей или предотвращение её снижения, доверие общества к результатам выборов, минимизация человеческих ресурсов на проведение выборов. Государство является главной жертвой неконвенционального политического участия, поэтому стремится избежать его роста. Программист сети электронного голосования пытается вызвать у избирателей доверие к сети и к участию в выборах через передачу сообщений, осуществляющих фрейминг индивидуального и массового сознания [6].

Цель сети электронного голосования определяется целью государства, которая заключается в самосохранении, достигаемой в том числе с использованием сети электронного голосования. Её целью является конвенциональное политическое участие, реализуемое посредством привлечения, удержания и контроля аудитории избирателей. В результате обеспечиваются политическое управление и воспроизводство государственной власти.

Сеть состоит из узлов, которые связаны между собой. Узел – это первичная единица сети, выполняющая заданные функции. Если узел не справляется с задачами, он может быть удалён сетью. Например, в сети электронного голосования ключевыми узлами являются государственный орган, организующий выборы, и компания, осуществляющая техническое сопровождение электронного голосования. Сетесозидающая власть в лице государства через один из своих институтов может заключить контракт с компанией-разработчиком электронного голосования или расторгнуть его, заключив новый контракт с другой компанией. Сеть электронного голосования можно запрограммировать на удаление некоторых из самых массовых узлов – избирателей. Для этого программу заключают в форму избирательного законодательства. Так, в большинстве стран активного избирательного права лишают лиц, признанных судом недееспособными и содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда. В Эстонии избирательных прав на парламентских выборах лишены лица без гражданства - жители страны, являющиеся преимущественно этническими русскими [13, с. 50].

По замыслу программиста, в сети электронного голосования передаваемые сообщения от государства к избирателю содержат информацию о возможности проголосовать электронным способом, о сроках и процедуре электронного голосования, о преимуществах электронного голосования, о способе подсчёта голосов избирателей и проверки корректности работы системы, о кандидатах, политических партиях и способах обратной связи. Все эти сообщения преследуют цель привлечь к конвенциональному политическому участию и удержать аудиторию избирателей, запрограммировав её

на доверие к электронному голосованию. Программист ожидает, что передаваемые сообщения от избирателя к государству будут выражены в виде участия в электронном голосовании, решения избирателя о поддержке того или иного кандидата, политической партии на выборах, в виде поддержки или отклонения решения на референдуме.

Отношения между властью и контрвластью в коммуникационной среде определяются взаимным недоверием и сдерживанием друг друга. В случае с сетью электронного голосования контрвластью являются те программируемые избиратели, которые не поддаются программированию на доверие к сети. Гражданские активисты не доверяют результатам выборов с использованием электронного голосования и предъявляют к политической сети требования об отмене электронного голосования или изменении механизма с целью усиления гражданского контроля. Как отмечает Кастельс, если власть осуществляется через программирование и переключение сетей, то контрвласть, делиберативная попытка изменить властные взаимоотношения, осуществляется через перепрограммирование сетей вокруг альтернативных интересов и ценностей и (или) через разрушение доминирующих переключателей с одновременным переключением сетей сопротивления и социальных перемен [7, с. 467]. Для сети электронного голосования это перепрограммирование осуществляется группами избирателей, которые стремятся усилить контроль над государством.

Описываемые отношения внутри сети показаны на рисунке 1. Концепция сети электронного голосования важна для понимания её структуры и каналов коммуникации. Как и любая теоретическая конструкция, схема сети электронного голосования является упрощением политических процессов для формирования общего представления об описываемом явлении.

Программа сети может измениться под воздействием динамики отношений власти и контрвласти. Иерархия уровней сети электронного голосования определяется возможностью создавать и отправлять сообщения. Сеть состоит из четырёх уровней: первый – сетесозидающая власть, второй – организатор выборов и компания-оператор, которые являются административными и представляют власть, третий уровень – общественные организации, четвёртый уровень – избиратели, они представляют общество, т. е. контрвласть. Таким образом, все эти уровни объединены каналами передачи сообщений с обратной связью.

На первом уровне находится сетесозидающая власть, программирующая параметры сети; на втором уровне – ключевые узлы сети: организатор выборов и компания-оператор, являющиеся исполнителями программы сетесозидающей власти, которые отправляют избирателям сообщения до выборов, в ходе выборов и после выборов, содержащие требование принять участие в электронном голосовании и признать выборы легитимными. Обратной связью избирателей на требования сети является участие в электронном голосовании.



Рис. 1 / Fig. 1. Авторская модель сети электронного голосования / The author's model of the electronic voting network

После коллективной рефлексии избиратели, которые не поддались на программирование сетью и не доверяют итогам голосования и результатам выборов, формируют инициативы об изменении или об отмене электронного голосования и передают их в общественные организации, представляющие контрвласть. Общественные организации, собирая индивидуальные мнения, формируют их в коллективные требования и передают ключевым узлам сети. Организатор выборов и компания-оператор обрабатывают поступившие требования, формулируя рекомендации для сетесозидающей власти. Сетесозидающая власть принимает решение об удовлетворении или отклонении поступивших требований и передаёт своё решение вниз для организатора выборов, компании-оператора и общественных организаций. Так осуществляется коммуникация в сети электронного голосования, которая приводит к её развитию.

Автор считает, что сетесозидающая власть заинтересована в навязывании своих «правил игры» обществу и пойдёт на удовлетворение требований контрвласти только в случае значительного общественного давления, угрозы или реализации рисков неконвенционального политического участия. «Избирательная система хороша настолько, насколько общество считает её таковой» [23, р. 74]. Если усилия организаторов выборов и компании-оператора по программированию избирателей на участие в электронном голосовании и доверие к выборам были неэффективными, отсутствуют понятные механизмы общественного контроля электронного голосования, общество будет выражать недовольство и формулировать требования по изменению в части усиления контроля над организаторами выборов и компанией-оператором электронного голосования либо требовать отмены электронного голосования.

Для эмпирического подтверждения разработанной нами модели рассмотрим современный опыт реализации сетей электронного голосования.

Двумя создателями сетей электронного голосования выступают государства и коммерческие компании. Электронное голосование, используемое на выборах в разных государствах, является сетью, созданной политической сетью, ключевым программистом которой выступает государство. В 12 из них (Бельгия, Бразилия, Бутан, Венесуэла, Индия, Кыргызстан, Монголия, Намибия, Россия, Филиппины, Эстония), где законодательство предусматривает применение электронного голосования на общенациональных выборах по всей территории страны, именно государство является «заказчиком» электронного голосования, т. е. первой сетесозидающей властью.

Второй сетесозидающей властью для электронного голосования являются крупные коммерческие компании, которые производят оборудование для электронного голосования, лоббируют его продвижение и заинтересованы в расширении рынка сбыта. Как отмечает Ш. Зубофф, люди быстро полагаются на новые цифровые инструменты, приложения, платформы как на необходимые ресурсы для участия в общественной жизни. При этом люди становятся объектом получения данных без их на то согласия, без защиты права на частную жизнь [26, р. 86].

По состоянию на 2022 г. мировой рынок оборудования для электронного голосования делят пять крупных компаний: американские Election Systems & Software, Dominion Voting Systems, Smartmatic International Corporation, испанская ScytI и индийская Electronics Corporation of India Limited. Важно подчеркнуть, что посредством организации сети электронного голосования компании-разработчики получают доступ к управлению данными о миллионах избирателей по всему миру, а вместе с ними и инструмент контроля, который можно использовать не только для получения материальных выгод, но и для политического управления массами. Таким образом, создаются предпосылки для материализации метафоры «цифрового концлагеря».

Кроме того, мы считаем важным подчеркнуть, что государства, использующие технологические решения для электронного голосования иностранных компаний-разработчиков, теряют цифровой суверенитет и часть политической независимости, отдавая прерогативу создания сети электронного голосования внешним акторам. Никто не исключает, что крупные зарубежные разработчики сетей электронного голосования неожиданно захотят повлиять на политику конкретного государства, изменить политический режим, помогая одному из кандидатов или политической партии. В такой ситуации могла бы оказаться Россия, если разработка её сети электронного голосования была бы поручена зарубежной компании. Мы видим прямое вмешательство в политику России на примере действий YouTube, который в 2022 г. заблокировал официальные аккаунты органов государственной власти России и ряда влиятельных СМИ; компании Meta², разрешившей призывы к убийствам российских военнослужащих на территории Украины и занимающейся антироссийской пропагандой.

Американские разработчики электронного голосования являются обладателями долгосрочных контрактов на продажу и техническое обслуживание электронных машин для голосования на выборах в Албании, Аргентине, Бельгии, Болгарии, Бразилии, Великобритании, Новой Зеландии, Филиппинах, США, Эквадоре и ряде других государств. При этом защищённость этого оборудования от вмешательств третьих лиц неоднократно ставилась под сомнение техническими специалистами³, а в 2020 г. президент США Д. Трамп неоднократно обвинял Election Systems & Software в фальсификации выборов в пользу Дж. Байдена. Индийская государственная компания Electronics Corporation of India Limited производит самые дешёвые в мире машины прямой записи результатов голосования, которые применяются в Индии, Королевстве Бутан, Непале и Намибии. При этом наиболее влиятельные государства-операторы электронного голосования (Индия, Россия, США) стремятся защитить свой цифровой суверенитет, не допуская к технической модернизации избирательного процесса иностранные компании.

Конструкция сети электронного голосования, которую создаёт государство, накладывается на политическую культуру, являющуюся фактором электорального поведения, определяющим динамику развития электронного голосования. В контексте данного исследования важно не только рассмотреть влияние электорального поведения на электронное голосование, но и показать предпосылки для формирования электорального поведения, скрытые в политической культуре. Мы воспользуемся ставшей классической типологией политических культур Г. Алмонда и С. Вербы [19]. Нам представ-

² Признана экстремистской организацией на территории РФ (прим. ред.).

³ AP Exclusive: New election systems use vulnerable software [Электронный пецурп]. URL: <https://apnews.com/e5e070c31f3c497fa9e6875f426ccde1> (дата обращения: 10.03.2022).

ляется, что подход учёных продолжает оставаться актуальным и для описания современных политических процессов.

Мы полагаем, что в странах с патриархальной и подданической политической культурами и электоральным поведением, характеризующимся пассивностью, высоким мобилизационным потенциалом, для которых присущи отсутствие традиций политической демократии, неустойчивость политических ценностей, поиск образцов развития, электронное голосование развивается быстрее и с меньшими усилиями для государства, которому легче привлечь аудиторию избирателей. Характер коммуникаций в таких странах между государством и обществом двусторонний. С одной стороны, сильное и организованное государство раздаёт директивы слабому обществу без сложившихся гражданских институтов, получая обратную связь, выраженную в их выполнении или невыполнении. С другой стороны, общество тоже отправляет государству запросы на удовлетворение своих требований, получая отрицательное или компромиссное решения со стороны государства.

В странах, где большее распространение получила политическая культура участия с электоральным поведением, определяемым такими чертами, как политический активизм, партийная самоидентификация, сложившиеся традиции политической демократии через голосование бумажными бюллетенями, различные группы общества оказывают сильное влияние на государство, электронное голосование развивается медленнее и сложнее для государства. В таких странах между государством и обществом сложились многоканальные коммуникации с обратной связью, в которых участвуют разные государственные институты и большое количество институционализированных и теневых групп интересов общества, из-за большого числа участников коммуникации сроки принятия решения увеличиваются. Результатом коммуникаций, как правило, является компромиссное решение.

Для определения преобладающей политической культуры в конкретной стране была изучена научная литература, посвящённая политической истории и современным политическим процессам. Для проверки своих выводов уже имеющимися теоретическими обобщениями мы взяли из проекта «Политический атлас современности» [10] индексы институциональных основ демократии и государственности, которые противопоставляют государство и общество. Как отмечают авторы, с концептуальной точки зрения исследовательский подход показал свою состоятельность, а индексы стран характеризуются стабильностью [11].

В нашей интерпретации: чем выше балл в индексе институциональных основ демократии, тем шире распространена политическая культура участия; чем балл ниже, тем более широкое распространение получает патриархальная и подданическая политические культуры. Компоненты, составляющие индекс институциональных основ демократии, выбраны авторами на основании двух базовых параметров демократического правления Р. Даля:

соревновательности и включённости. Индекс государственности показывает состоятельность государства в части возможности поддерживать своё существование, обеспечивать самостоятельное развитие, решать стоящие перед ним внутренние и внешние задачи [10, с. 71]. Компоненты, составляющие индекс государственности, разделены авторами исследования на две основные группы – политические и экономические. Перманентное противоборство государства и общества согласуется с коммуникационной теорией власти М. Кастельса, где подчёркивается их взаимовлияние.

Законодательная возможность использования электронного голосования на общенациональных выборах на территории всей страны закреплена в 12 государствах: Бельгии, Бразилии, Бутане, Венесуэле, Кыргызстане, Монголии, Намибии, Индии, России, Филиппинах, Швейцарии и Эстонии. Каждая из стран была отнесена к определённой политической культуре (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Политическая культура и индексы развития демократии и государственности / Political culture and indexes of development of democracy and statehood

Страна	Преобладающая политическая культура	Индекс институциональных основ демократии	Индекс государственности
Швейцария	Культура участия	10	9,17
Бельгия		7,99	7,69
Бразилия	Патриархальная и подданническая	6,25	8,39
Индия		7,35	5,42
Россия		5,24	7,50
Филиппины		5,91	5,83
Венесуэла		4,63	6,35
Монголия		6,48	4,41
Эстония		6,03	4,02
Намибия		3,66	4,69
Бутан		1,57	1,01
Кыргызстан		2,10	0,08

Составлено по: [10, с.161-163, 174-175]

Среди рассматриваемых стран политическая культура участия больше распространена в Швейцарии и Бельгии. Патриархальная и подданническая политические культуры преобладают в 10 странах (Бразилия, Бутан, Венесуэла, Кыргызстан, Монголия, Намибия, Индия, Россия, Филиппины, Эстония).

В этих странах наблюдается примат государственных интересов над общественными, поэтому государство может быстро организовать переход на электронное голосование для вовлечения в конвенциональное политическое участие широких групп избирателей. Процедура голосования бумажными бюллетенями с ручным подсчётом голосов в этих странах дискредитировала себя фальсификациями, и государство ищет пути повышения легитимности выборов. Всё чаще этим инструментом становится электронное голосование, при переходе на которое декларируется минимальное участие человека в подсчёте голосов избирателей. На деле же государства стремятся сохранить полноту управления базой данных всех голосов избирателей, к контролю над которой общество допускают неохотно.

Стремительный переход на электронное голосование без продолжительных консультаций государства и общества был осуществлён в Венесуэле, Филиппинах, Монголии, Кыргызстане, Намибии; больше времени для этого потребовалось в Индии, Эстонии, Бразилии и России. Гражданская активность в этих странах малочисленна и не может сформировать значимое общественное давление на государство с целью усиления общественного контроля или отмены электронного голосования.

В странах с политической культурой участия интересы государства и общества сбалансированы. При переходе на электронное голосование государству как сетесозидающей власти приходится часто советоваться с обществом. Процедура выборов, основанная на голосовании бумажным бюллетенем, в таких обществах является одним из элементов электоральной культуры, поэтому его необоснованное изъятие не будет воспринято положительно, особенно если результаты традиционных выборов имеют высокую легитимность. Примером такой модели поведения являются Великобритания, Ирландия, ФРГ, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, где электронное голосование некоторое время использовалось, но было отменено из-за давления гражданских активистов или осталось только на уровне муниципальных выборов. Например, на многих избирательных участках в Финляндии урны для бюллетеней используются более 100 лет. Они являются политическими артефактами, объединяющими несколько поколений финских избирателей. Особенности политической культуры Финляндии препятствуют переходу на электронное голосование, как, например, это было сделано в Кыргызстане.

РОССИЙСКАЯ СЕТЬ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ

Организаторы выборов в России взяли курс на увеличение количества использующихся машин для голосования на избирательных участках и расширение применения интернет-голосования. В 2022 г. принят закон, разрешающий использование интернет-голосования по технологии блокчейн [1]

на выборах всех уровней⁴. Сеть электронного голосования в России создаётся усилиями таких государственных институтов, как ЦИК России, Администрация Президента, Государственная Дума и Совет Федерации, Мэрия Москвы, а также таких компаний, как НИИ «Восход», «КРОК Инкорпорейтед», Ростелеком и Лаборатория Касперского.

Электронное голосование на избирательных участках посредством КО-ИБов и КЭГов стало заметным на выборах федерального уровня, начиная с выборов депутатов Госдумы в 2011 г. и выборов Президента в 2012 г., когда впервые количество УИК, оснащённых такой техникой, превысило 5%. В дальнейшем количество УИК с электронными машинами для голосования достигло 15% на выборах Президента в 2018 г. и депутатов Госдумы в 2021 г. За короткий период 2019–2021 гг. количество субъектов, где проводилось интернет-голосование, выросло с одного до семи.

При таких распространённых чертах электорального поведения в России, как пассивность и мобилизационный потенциал, государство имеет возможность эффективно и быстро реализовывать инициативы по реформированию института выборов. Общество не оказывает сильного влияния на государство как сетесозидающую власть электронного голосования. Такое положение дел означает, что взаимодействие институтов государственной власти и общества через сеть электронного голосования устраивает российские правящие круги, а принятый в марте 2022 г. без широкого общественного обсуждения новый закон об электронном голосовании подтверждает доминирование государства над обществом. Сеть электронного голосования в России будет обеспечивать коммуникацию власти и общества, а также достижение цели по политическому управлению. Следует признать, что в России сложились ассиметричные отношения государства и общества с доминированием государственных институтов.

Мы считаем, что для привлечения к конвенциональному политическому участию широкого круга избирателей в России необходимо проводить досрочное интернет-голосование в течение недели до дня выборов на единой платформе федерального портала интернет-голосования, без привлечения региональных платформ. Для повышения степени доверия к выборам нужно обеспечить индивидуальную проверку избирателем корректности учёта его голоса, возможность которой научно обоснована [19]. Для предупреждения рисков нарушения свободы волеизъявления российских интернет-избирателей необходимо предусмотреть запрет интернет-голосования на рабочих местах.

Мы предлагаем внести изменения в избирательное законодательство в части усиления общественного контроля над электронными машинами для

⁴ Федеральный закон от 14.03.2022 № 58-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.

голосования на избирательных участках. Во-первых, КОИБы должны быть оборудованы проверочной бумажной лентой (англ.: VVPAT – Voter verifiable paper audit trail), на которой распечатывается голосование избирателя за кандидата или политическую партию. Так избиратели смогут проверить корректность учёта их голоса, а избирательные комиссии получат механизм для мониторинга исправности оборудования и контрольные бумажные ленты для проверки сохранённых электронных результатов. Во-вторых, необходим обязательный пересчёт голосов на части УИК, где использовались КОИБы. После завершения голосования избирательная комиссия, организующая выборы соответствующего уровня, совместно с наблюдателями должна провести случайный отбор УИК для ручного пересчёта голосов избирателей, посчитанных КОИБаи.

Чтобы являться эффективным механизмом конвенционального политического участия, электронное голосование в России должно соответствовать минимальному набору требований, направленных на обеспечение основных принципов избирательного права: свободы выбора и тайны голосования, всеобщего и равного избирательного права. В процессе организации выборов необходимо использовать единую версию программного обеспечения работы электронных машин для голосования на избирательных участках и единый портал для интернет-голосования, их разработчиками должны быть российские компании; оборудование для электронного голосования на избирательных участках и единый портал для интернет-голосования должны пройти экспертизу негосударственной лабораторией; результаты выборов должны подвергаться верификации; наконец, необходимо, чтобы оборудование для электронного голосования закупалось на открытом конкурсе с привлечением широкого круга разработчиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, целью сети электронного голосования является конвенциональное политическое участие, реализуемое посредством привлечения, удержания и контроля аудитории избирателей. Электронное голосование имеет потенциал для развития партисипативной демократии, но в настоящее время государства сдерживают его, используя электронное голосование для политического управления.

Операторами электронного голосования выступают государственные институты и компании-разработчики данной технологии, поэтому только при условии общественного контроля над организацией и подведением итогов голосования этот новый механизм политического участия может способствовать развитию партисипативной демократии, расширяя круг вопросов, по которым государство советуется с обществом. При гражданской пассив-

ности электронное голосование превращается в механизм политического контроля, используемый государством.

Государство привлекает избирателей к участию в электронном голосовании через передачу сообщений, осуществляющих фрейминг индивидуального и массового сознания. Избиратель передаёт государству сообщения, выраженные в виде участия в электронном голосовании, решения избирателя о поддержке того или иного кандидата, политической партии на выборах, в виде поддержки или отклонения решения на референдуме. Избиратели, которые не доверяют итогам голосования и результатам выборов, формируют инициативы об изменении или отмене электронного голосования. Только в случае сильного общественного давления и угрозы неконвенционального политического участия государство удовлетворяет требования общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Р.А. Технология блокчейн на выборах: прошлое, настоящее и будущее // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 4. С. 25–38. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-25-38
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 783 с.
3. Быков И. А. Цифровые платформы государственного управления в системе национальных публичных коммуникаций // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 2. С. 45–56. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-45-56
4. Быков И. А., Курушкин С. В. Цифровая политическая коммуникация в России: ценности гуманизма против технократического подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 419–432.
5. Винер Н. Человек управляющий / пер. с англ. Е. Г. Панфилова. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
6. Грачев М. Н. О соотношении концепций установления повестки дня и фрейминга // Век информации. 2018. Т. 2. № 2. С. 94–96.
7. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
8. Кириллова Н.Б. Мануэль Кастельс: стратегия интернет-культуры информационной эпохи // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 12. С. 15–19. DOI: 10.37882/2500-3682.2021.12.11
9. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. Киев: Ника-Центр, 2004. 432 с.
10. Мельвиль А. Ю., Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю и др. Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО–Университет, 2007. 272 с.

11. Мельвиль А. Ю., Миронюк М. Г. «Политический атлас современности» Revisited // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 41–61. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.04
12. Пустошинская О.С. Джихадистский терроризм как контрвласть: экспликация в логике коммуникативно-сетевой концепции М. Кастельса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 183–191.
13. Розенвалдс Ю. Проблема «(Де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Comparative Politics. 2012. № 3. С. 43–59.
14. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова. М.: АСТ, 2010. 784 с.
15. Федорченко С. Н. Анализ постсоветских стран через призму коммуникативной теории власти Мануэля Кастельса // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 3. С. 242–250.
16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 416 с.
17. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. №3. С 9-19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19
18. Almond G., Verba S. The Civic Culture. Boston. Princeton University Press, 1965. 574 p.
19. Enguehard C. Blockchain and Electronic Voting [Электронный ресурс] // Technologie de l'information, culture & société. 2019. № 124. URL: <https://journals.openedition.org/terminal/4190> (дата обращения: 10.04.2022).
20. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge (MA): MIT Press, 1996. 631 p.
21. Innis H. The Bias of Communication. Toronto: Toronto University Press, 2008. 304 p.
22. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington: World Future Society, 1980. 171 p.
23. Oostveen A.-M., Besselaar P. Security as belief User's perceptions on the security of electronic voting systems // Electronic voting in Europe – Technology, law, politics and society, workshop of the ESF TED programme together with GI and OCG. 2004. № 47. P. 73–82.
24. Parsons T. On the Concept of Political Power // Proceeding of the American Philosophical Society. 1963. Vol. 107. № 3. P. 232–262.
25. Weber M. Politics as a vocation // Weber M. Essays in Sociology. New York: Oxford University Press, 1946. P. 77–128.
26. Zuboff S. Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization // Journal of Information Technology. 2015. № 30. P. 75–89. DOI: 10.1057/jit.2015.5

REFERENCES

1. Alekseev R. A. [Blockchain Technology in Elections: Past, Present and Future]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Research], 2020, vol. 4, no. 4, pp. 25–38. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-25-38
2. Bell D. The coming of post-industrial society; a venture in social forecasting (Rus. ed.: Inozemtsev V. L., transl. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* Moscow, Academia Publ., 1999. 783 p.).
3. Bykov I. A. [Government platforms in the system of national public communication]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Research], 2021, vol. 5, no. 2, pp. 45–56. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-45-56
4. Bykov I. A., Kurushkin S. V. [Digital political communication in Russia: Values of humanism vs. technocratic approach]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2022, vol. 24, no. 3, pp. 419–432.
5. Wiener N. Man Manager (Rus. ed.: Panfilov E. G., transl. *Chelovek upravlyayushchij*. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 288 p.).
6. Grachev M. N. [On the Relationship Between the Concepts of Agenda Setting and Framing]. In: *Informacionnyj vek* [Information Age], 2018, vol. 2, no. 2, pp. 94–96.
7. Castells M. Communication Power (Rus. ed.: Tylevich N. M., transl. *Vlast' kommunikatsii*. Moscow, HSE University Publishing House, 2016. 564 p.).
8. Kirillova N. B. [Manuel Castells: Strategy of the internet culture of the information age]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition], 2021, no. 12, pp. 15–19. DOI: 10.37882/2500-3682.2021.12.11
9. McLuhan M. The Gutenberg galaxy: the making of typographic man (Rus. ed.: Yudin A., transl. *Galaktika Guttenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoj kul'tury*. Kiev, Nika-Centr Publ., 2004. 432 p.).
10. Melville A. Yu., Ilyin M. V., Meleshkina M. Yu., et al. *Politicheskij atlas sovremennosti: Opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennykh gosudarstv* [Political Atlas of the Modern World: An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States]. Moscow, MGIMO–Universitet Publ., 2007. 272 p.
11. Melville A. Yu., Mironyuk M. G. ["Political Atlas of the Modern World" Revisited]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2020, no. 6, pp. 41–61. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.04
12. Pustoshinskaya O.S. Jihadist Terrorism as a Counter-Power: Explication in the Logic of Manuel Castells' Communication Network Concept. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2019, no. 51, pp. 183–191. DOI: 10.17223/1998863X/51/19

13. Rosenvalds Yu. [The Problem of “De-sealing” the Political Elite of Latvia and Estonia: Prospects of the Russian-speaking Minority]. In: *Comparative Politics*, 2012, no. 3, pp. 43–59.
14. Toffler A. The Third Wave (Rus. ed.: Burmistrov K. Yu., transl. *Tret'ya volna*. Moscow, AST Publ., 2010. 784 p.).
15. Fedorchenko S. N. [Analysis of Post-Soviet Countries Through the Lens of Communicative Theories of Power Manuel Castells]. In: *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies], 2018, vol. 1, no. 3, pp. 242–250.
16. Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison (Rus. ed.: Naumov V., transl. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2018. 416 p.).
17. Kharichev A.D, Shutov A.Yu., Polosin A.V., Sokolova E.N. Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 9-19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19
18. Almond G., Verba S. The Civic Culture. Boston, Princeton University Press, 1965. 574 p.
19. Enguehard C. Blockchain and Electronic Voting. In: *Technologie de l'information, culture & société*, 2019, no. 124. Available at: <https://journals.openedition.org/terminal/4190> (accessed: 10.04.2022).
20. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge (MA), MIT Press, 1996. 631 p.
21. Innis H. The Bias of Communication. Toronto, Toronto University Press, 2008. 304 p.
22. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, World Future Society, 1980. 171 p.
23. Oostveen A.-M., Besselaar P. Security as belief User's perceptions on the security of electronic voting systems. In: *Electronic voting in Europe – Technology, law, politics and society, workshop of the ESF TED programme together with GI and OCG*, 2004, no. 47, pp. 73–82.
24. Parsons T. On the Concept of Political Power. In: *Proceeding of the American Philosophical Society*, 1963, vol. 107, no. 3, pp. 232–262.
25. Weber M. Politics as a vocation. In: Weber M. *Essays in Sociology*. New York, Oxford University Press, 1946, pp. 77–128.
26. Zuboff S. Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization. In: *Journal of Information Technology*, 2015, no. 30, pp. 75–89. DOI: 10.1057/jit.2015.5

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 13.04.2022

Статья размещена на сайте: 16.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Федоров Владислав Иванович – научный сотрудник Центра общественно-политических проектов и коммуникаций; e-mail: fedorov@polit.msu.ru

Vladislav I. Fedorov – Researcher at the Center for Socio-Political Projects and Communications; e-mail: fedorov@polit.msu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Федоров В. И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Fedorov V. I. Electronic voting: a communication network that links state and society. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 327 (470+571+510)

Чжао Лу, У Яньбинь*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

РОЛЬ КИТАЯ И РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ И ТЕНДЕНЦИИ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

АННОТАЦИЯ

Цель: изучение роли Китая и России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и тенденций развития китайско-российских отношений в условиях украинского кризиса. Задачи исследования состоят в том, чтобы объяснить текущее политическое взаимодействие между Китаем и Россией, проанализировать стратегические цели Китая, России и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также интерпретировать восприятие Китаем и Россией глобальной политической ситуации в условиях украинского кризиса, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе, чтобы выделить роль Китая и России в данном регионе и тенденции китайско-российских отношений в условиях российско-украинского конфликта.

Процедура и методы. Произведён сбор эмпирического материала о позиции России и Китая в Азиатско-тихоокеанском регионе, произведены анализ и сопоставление полученных данных. Методологией исследования выступает политическая компаративистика, приёмы и методы анализа и синтеза.

Результаты. На основе анализа данных, содержащихся в специальной научной литературе и средствах массовой информации, был сделан вывод, что Россия играет ключевую роль в поддержании безопасности и стратегической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а Китай оказывает решающее влияние на политическую и экономическую составляющие сферы безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона. В то же время в контексте украинского кризиса китайско-российские отношения по-прежнему будут основываться на национальных стратегических интересах Китая и России, они вряд ли подвергнутся деформации из-за российско-украинского конфликта и провокаций ЕС и США.

Теоретическая значимость. Материал статьи является актуальным в свете происходящих политических событий в мире и имеет вспомогательный справочный характер для исследователей в данной области.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Украинский кризис, Азиатско-Тихоокеанский регион, китайско-российские отношения, США, Индо-Тихоокеанская стратегия

СТРУКТУРА

Введение

Роль Китая и России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Тенденция китайско-российских отношений в контексте Украинского кризиса

Закключение

Chzhao Lu, U Yanbin'

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

THE ROLE OF CHINA AND RUSSIA IN THE ASIAN-PACIFIC REGION AND TRENDS IN CHINESE-RUSSIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE UKRAINIAN CRISIS

ABSTRACT

Aim: to study the role of China and Russia in the Asia-Pacific region and trends in the development of Sino-Russian relations in the context of the Ukrainian crisis. Research objective is to explain the current political interaction between China and Russia, to analyze the strategic goals of China, Russia and the United States in the Asia-Pacific region, and also to interpret the perception of China and Russia of the global political situation in the context of the Ukrainian crisis, especially in the Asia-Pacific region, in order to generalize the role of China and Russia in this region and the trends of Sino-Russian relations in the context of the Russian-Ukrainian conflict.

Methodology. Empirical material on the position of Russia and China in the Asia-Pacific region was collected, the data obtained were analyzed and compared. Political comparative studies served as the methodology of the research as well as the techniques and methods of analysis and synthesis.

Results. Based on the analysis of the literature and the media, it was concluded that Russia plays an indispensable role in maintaining security and strategic stability in the Asia-Pacific region, and China has a decisive influence on the political, economic and security spheres of the Asia-Pacific region. At the same time, in the context of the Ukrainian crisis, Sino-Russian relations will continue to be based on national strategic interests and will hardly change due to the Russian-Ukrainian conflict and the EU and USA provocations.

Research implications. The materials of the article are new and correspond to current political hotspots, they have an auxiliary reference effect for relevant researchers.

KEYWORDS

Ukrainian crisis, Asia-Pacific region, Sino-Russian relations, USA, Indo-Pacific strategy

ВВЕДЕНИЕ

Одним из внешних факторов, влияющих на более глубокое развитие китайско-российских отношений, является стратегия сдерживания, проводимая Соединёнными Штатами против Китая и России одновременно. То, что США всесторонне подавляют таких стратегических соперников, как Китай и Россия, и требуют от союзников и партнёров лояльности, серьёзно повлияло на нормальное взаимодействие в международном сообществе [2]. Кроме того, США продолжают продвигать концепцию расширения НАТО на Восток, что является одним из основных факторов, вынудивших Россию начать в отношении Украины специальную военную операцию, которая впоследствии оказала огромное влияние на политическую и экономическую сферы во всём мире, а особенно – в странах ЕС.

В 2017 г. администрация Д. Трампа выдвинула концепцию Свободного и Открытого Индо-Тихоокеанского региона (Free and Open Indo-Pacific, FOIP) с целью заменить концепцию Азиатско-Тихоокеанского региона, а в 2019 г. Министерство обороны США приступило к её реализации¹. Администрация Дж. Байдена продолжает политику Трампа, реализуя новую версию Индо-Тихоокеанской стратегии. В то же время США активно развивают Четырёхсторонний диалог по безопасности (QUAD)², создают Трёхсторонний оборонный альянс между США, Великобританией и Австралией (AUKUS) и способствуют формированию концепции «Индо-Тихоокеанских экономических рамок» (IPEF)³, суть которой заключается в том, чтобы сосредоточиться на ограничении развития Китая, что также оказывает значительное влияние на международную ситуацию, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В будущем Китай и Россия будут играть более важную роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но уже сейчас, находясь в условиях стратегического давления со стороны США, тенденция китайско-российских отношений также обращает на себя внимание.

РОЛЬ КИТАЯ И РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Во-первых, в политической и экономической областях администрация Президента США Дж. Байдена продолжила следовать позиции администрации Трампа в отношении Китая и России как стратегических противников или врагов⁴. В Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай рассматривается как самый главный конкурент⁵. Роль Китая и России в Азиатско-Тихоокеанском регионе зависит не только от их собственного развития и выбора внешних стратегий, но и от стратегического взаимодействия других стран, особенно от текущего стратегического взаимодействия с Соединёнными Штатами. Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе является важным внешним

¹ Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region [Электронный ресурс] // U. S. Department of Defense. July 01, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (дата обращения: 25.06.2022).

² Rudd K. The Convenient Rewriting of the History of the Quad // Nikkei Asia: [сайт]. [03.26.2019]. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/The-Convenient-Rewriting-of-the-History-of-the-Quad> (дата обращения: 12.03.2021).

³ WH.GOV: Statement on Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // The White House: [сайт]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/statement-on-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity> (дата обращения: 05.07.2022).

⁴ Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region [Электронный ресурс] // U. S. Department of Defense. July 01, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (дата обращения: 25.06.2022).

⁵ Blinken A: A Foreign Policy for the American People // U. S. Department of State: [сайт]. [03.03.2021]. URL: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people> (дата обращения: 17.12.2021).

фактором, вынуждая Китай принимать контрмеры и пересматривать свою роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Реализация Вашингтоном индо-тихоокеанской стратегии, выдвинутой администрацией Трампа и продолжаемой администрацией Байдена, направлена на сдерживание Китая и дестабилизацию развития в регионе. Оценка Китаем американского влияния в регионе разделяется и Россией.

Отсутствие консенсуса и взаимные подозрения среди крупных азиатско-тихоокеанских держав в отношении механизмов регионального сотрудничества приводят, с одной стороны, к стагнации регионального сотрудничества, а с другой – к фрагментации механизмов регионального сотрудничества и даже к конфронтации между различными механизмами [7]. Попытки диверсифицировать свои экономические связи с Азией, которые до сих пор предпринимала Россия, остались без перспектив после того, как три развитые экономики региона (Япония, Южная Корея и Сингапур) в разной степени поддерживали антироссийские санкции, пусть и под жёстким давлением США [1]. Экономическая роль России в АТР сильно ослабла, но Китай играет более важную роль в качестве инициатора, координатора, организатора и поставщика общественных благ по ряду важных вопросов в Азиатско-Тихоокеанском экономическом регионе.

В то же время и Китай, и Россия проявили уважение к центральной позиции АСЕАН в региональном сотрудничестве в Восточной Азии, что также позволило избежать конкуренции между региональными державами за лидерство в развитии региона и обеспечило многосторонний переговорный процесс в Восточной Азии. В связи с огромными вызовами, брошенными российско-украинским конфликтом международному экономическому порядку, форма экономической глобализации претерпевает огромную трансформацию, и в будущем глобализация может проявиться в форме регионализации. Азиатско-Тихоокеанский регион является наиболее экономически важным для Китая, и Всестороннее региональное экономическое партнёрство (RCEP) уже сделало солидный шаг на пути к азиатско-тихоокеанской региональной экономической интеграции. Это соглашение о региональном экономическом сотрудничестве расширяет рынки и создаёт чувство взаимного доверия, что, в свою очередь, снижает сопутствующие риски и открывает новые возможности для экономической стабильности в регионе и во всём мире.

Во-вторых, сфера безопасности. Благодаря тесному сотрудничеству между Россией и Китаем обе страны играют важную роль в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и даже занимают одинаковую позицию по многим вопросам. Структура безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в основном состоит из трёх сил: первая – система альянсов США, вторая – Шанхайская организация сотрудничества, третья – АСЕАН, которые пересекаются друг с другом. В то же время в Азиатско-Тихоокеанском регионе существуют обширные разногласия и противоречия в сфере без-

опасности, включая противоречия во взглядах и концепциях безопасности даже в послевоенном международном порядке. США и Япония верят в «систему Сан-Франциско», а Китай и Россия придерживаются позиций Каирской и Потсдамской деклараций.

Что касается ядерной проблемы на Корейском полуострове, из-за различий между США и Северной Кореей у двух стран сформировались совершенно разные взгляды на национальную безопасность. Эти расхождения касаются идеологии, характера политической системы и политической культуры. КНДР крайне обеспокоена вмешательством Вашингтона, провозглашающего своей целью содействие «мирной эволюции» КНДР в сторону «либеральной демократии». Северная Корея с недоверием относится к Соединённым Штатам, опасаясь, что те покончат с её уникальной политической системой и культурой. Сохранение и выживание в условиях враждебной внешнеполитической среды стало, таким образом, основным интересом КНДР [5]. Со времён Корейской войны Северная Корея всегда считала, что США угрожают её основным интересам, поэтому американо-северокорейским отношениям трудно улучшиться за короткий промежуток времени. Однако в последние годы Китай и Россия всё больше сближаются друг с другом по ядерному вопросу и вопросу мира на Корейском полуострове, всё теснее сотрудничают. В июле 2017 г. министерства иностранных дел Китая и России сделали совместное заявление по проблеме Корейского полуострова, предложив инициативу дорожной карты для посредничества в её решении⁶. С начала 2019 г. Китай и Россия совместно проводят консультации с другими странами-партнёрами по северокорейской ядерной проблеме, надеясь достичь «Плана действий по всеобъемлющему урегулированию проблемы Корейского полуострова» и предоставить более конкретную дорожную карту для денуклеаризации полуострова. Китай и Россия играют незаменимую роль в северокорейской ядерной проблеме, что является благоприятным фактором для поддержания стабильной ситуации в области безопасности в Северо-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Относительно Южно-Китайского моря Китай оперативно реагировал на различные акты вмешательства в этот вопрос США, включая дипломатические обвинения и демонстрацию силы. Китай объявил решение арбитражного суда по делу в Южно-Китайском море недействительным, обозначив, что Китай не примет и не признает его⁷. В сентябре 2016 г. Россия и Китай провели первые в истории военные учения «Морское взаимодействие – 2016» в

⁶ Китай и Россия опубликовали совместное заявление по проблеме Корейского полуострова // Синьхуа: [сайт]. [05.07.2017]. URL: https://www.dailyqd.com/3g/html/2017-07/05/content_178616.htm (дата обращения: 17.02.2020).

⁷ Китай не принимает и не признает результаты арбитража в Южно-Китайском море // Информационное агентство Синьхуа: [сайт]. [12.07.2016]. URL: http://www.xinhuanet.com/mrdx/2016-07/13/c_135508727.htm (дата обращения: 13.07.2016).

Южно-Китайском море, которые были расценены внешним миром как политическая поддержка Россией Китая в вопросе Южно-Китайского моря. В том же году Президент РФ В. В. Путин заявил во время саммита G20 в Ханчжоу, что Россия не будет вмешиваться в спор по островам в Южно-Китайском море, но поддерживает позицию Китая не принимать решения Международного суда в Гааге на том основании, что арбитражная процедура должна быть инициирована обеими сторонами и, поскольку Китай не передал его в арбитраж, решение является несправедливым. В 2018 г. Китай и страны АСЕАН согласовали проект текста для консультаций по Кодексу поведения в Южно-Китайском море, тем самым совместно поддерживая общую стабильность ситуации в нём.

Перейдём к позиции сторон относительно Тайваньского вопроса. Как территория Китая Тайвань является неотъемлемой его частью, а тайваньский вопрос является внутренним делом Китая – в этом его суть и отличие от международных вопросов, таких как ситуация в Южно-Китайское море [3]. Однако в силу исторических и других причин тайваньский вопрос остаётся нерешённым, что также является на данный момент одним из самых больших факторов риска в области безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона. Россия поддерживает политическую позицию Китая по тайваньскому вопросу и признаёт Тайвань частью Китайской Народной Республики. Президент России Владимир Путин выступил с речью на 10-й Московской конференции по международной безопасности и отметил, что авантюры США (визиты отдельных политических деятелей на Тайвань) – это не просто план какого-то безответственного политика, а часть стратегии США по сознательной и целенаправленной дестабилизации региона и даже мира. В этом можно увидеть хорошо спланированную провокацию⁸. И, поскольку США придают всё большее значение стратегическому расположению Тайваня, они включили остров в стратегические рамки безопасности «Индо-Тихоокеанского региона», что укрепило глубокую интеграцию обороны США и Тайваня [4]. Будет трудно достичь мирного урегулирования тайваньского вопроса в краткосрочной перспективе.

Хотя влияние России в Азиатско-Тихоокеанском регионе ограничено, Москва и далее будет продолжать играть незаменимую роль в поддержании безопасности и стратегической стабильности в АТР в течение значительного периода времени [3], при этом Китай является важнейшей державой в Азиатско-Тихоокеанском регионе и оказывает решающее влияние на политическую, экономическую сферы и сферу безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона. Столкнувшись с тем фактом, что НАТО рассматривает Китай и Рос-

⁸ Роль России, судьба западной гегемонии и визит Пелоси на Тайвань: Путин выступает на Московской международной конференции по безопасности // Sputnik: [сайт]. [16.08.2022]. URL: <https://sputniknews.cn/20220816/1043102527.html> (дата обращения: 16.08.2016).

сию в своей внешней стратегии как «системные вызовы» и «прямые угрозы»⁹, Китай и Россия должны быть готовы справляться с самыми сложными ситуациями, одновременно с этим развивая свои собственные сильные стороны.

ТЕНДЕНЦИЯ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

После четырёхсот лет непростых отношений Китай и Россия, наконец, нашли принципы «взаимного доверия, равенства и взаимной выгоды», «дружбы из поколения в поколение, без вражды» и «не присоединения, не конфронтации и не нацеливания на третьи стороны». Эти принципы являются «золотыми законами» развития китайско-российских отношений [6]. Хотя Китай сталкивается с давлением со стороны США и других сторон в российско-украинском конфликте, основы китайско-российских отношений не пострадали.

Китай и Россия – два крупных современных экономических субъекта, обладающих материальными и интеллектуальными возможностями для достижения своих собственных независимых дипломатических и стратегических целей¹⁰. После начала российско-украинского конфликта, согласно данным Главного таможенного управления КНР, в мае Китай импортировал 8,42 млн тонн сырой нефти из России, что на 55% больше, чем в мае 2021 г. В июне Китай импортировал из России 7,286 млн тонн сырой нефти, или около 1,78 млн бр. в день, что на 9,5% больше, чем в июне 2021 г., в результате чего Россия обогнала Саудовскую Аравию и стала крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай в тот же период. В апреле Китай импортировал почти 400 000 т. российского сжиженного природного газа, что на 56% больше, чем в апреле 2021 г.¹¹. Крупномасштабные закупки Китаем российских энергоносителей доказывают, что, несмотря на риск отчуждения от западных стран, Китай и Россия по-прежнему исходят из своих национальных интересов, указывая на то, что всеобъемлющее стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией в новую эпоху является стабильным и обладает сильной способностью противостоять давлению.

Китай продемонстрировал нейтральную позицию в российско-украинском конфликте, поскольку обе стороны конфликта являются «стратегическими партнёрами» Китая. Фактически конфликт между Россией и Украиной наносит ущерб интересам Китая, в том числе огромным иностранным

⁹ Ли Хуаньюй. НАТО объявляет о новой стратегической концепции спустя 12 лет, сначала заявив, что Китай представляет собой системный вызов // Сеть наблюдателей: [сайт]. [30.07.2022]. URL: <https://news.sina.cn/gn/2022-06-30/detail-imizirav1198498.d.html> (дата обращения: 20.08.2022).

¹⁰ Юй Бинь. Нейтралитет Китая в новом мрачном мире // Россия в глобальной политике: [сайт]. [07.04.2022]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nejtralitet-kitaya> (дата обращения: 09.08.2022).

¹¹ Россия уже два месяца подряд становится крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай // Лянхэ Цзаобао: [сайт]. [24.07.2022]. URL: <https://www.zaobao.com.sg/realtime/china/story20220724-1295964> (дата обращения: 16.08.2022).

инвестиционным проектам в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В 2021 г. объём торговли между Китаем и Украиной увеличился на 35% в годовом исчислении, достигнув 19,3 млрд долл. Это намного меньше, чем объём торговли между Китаем и Россией (147 млрд. долл), но все равно довольно внушительная сумма¹².

В контексте украинского кризиса высокопоставленные политические лидеры Китая и России продолжают поддерживать связь и проводят встречи. Эти действия также отражают политическое взаимное доверие между двумя странами. Стратегические отношения тесного сотрудничества не изменились и не будут изменяться из-за таких внешних событий, как украинский кризис и провокации Запада¹³.

Кроме того, дифференциация и объединение глобальных сил, вызванных российско-украинским конфликтом, а также трансформация международного порядка ускорят изменения. То, как страны справятся с новыми вызовами «постконфликтной» эпохи, определит дальнейшее направление развития китайско-российских отношений. После начала российско-украинского конфликта право России на участие в многосторонних делах было ограничено. Китай и Россия будут совместно поддерживать международную систему с Организацией Объединённых Наций в качестве ядра, международный порядок, основанный на международном праве, и консенсус в отношении практики «истинной многосторонности». Они также столкнутся с беспрецедентными вызовами. В этом контексте Китай и Россия должны препятствовать любой силе «разрушительной реконструкции» международной системы с Организацией Объединённых Наций в качестве ядра, международного порядка, основанного на международном праве, и основных норм международных отношений, основанных на целях и принципах Устава Организации Объединённых Наций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение долгого времени два региона, Европа и Индо-Тихоокеанский регион, были «стратегическими областями» США, основой их гегемонии. США использовали «эффект бабочки» российско-украинского конфликта, чтобы трансформировать антироссийский альянс в антикитайский, создать «малое Азиатско-Тихоокеанское НАТО», чтобы ослабить влияние Китая и России на данной территории и укрепить собственные позиции в Индо-Тихоокеанском регионе.

¹² Юй Бинь. Нейтралитет Китая в новом мрачном мире // Россия в глобальной политике: [сайт]. [07.04.2022]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nejtralitet-kitaya> (дата обращения: 15.06.2022).

¹³ Какой сигнал подала первая китайско-российская встреча министров иностранных дел после начала российско-украинского конфликта // Глобальные времена: [сайт]. [31.03.2022]. URL: http://www.news.cn/mil/2022-03/31/c_1211628045.htm (дата обращения: 29.05.2022).

Чтобы противостоять подобному развитию событий Китаю и России необходимо координировать цели и предпочтения друг друга на основе доверия и взаимной выгоды, сочетать двустороннее и многостороннее сотрудничество в разных областях деятельности, активно участвовать в решении региональных и глобальных проблем, содействуя нормальному развитию международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашин В. Б. Россия, Китай и украинский кризис // Россия в глобальной политике. 2022. № 2. С. 204–212.
2. Конкуренция и сотрудничество великих держав в новой ситуации глобального управления / Цинь Яцин, Цзинь Цаньжун, Ни Фэн, Фэн Чжунпин, Сунь Чжуанчжи, У Чжичэн // Международный форум. 2022. № 2. С. 22–28. (на кит. яз.).
3. Лю Фэнхуа. Китай, США и Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: эволюция политики и игровые тенденции // Российские исследования. 2020. № 6. С. 72–104 (на кит. яз.).
4. Синь Цян. Изменения в американо-тайваньском сотрудничестве в области безопасности во время администрации Трампа // Американские исследования. 2021. № 5. С. 102–116.
5. Сун Дэсин, Дун Цинъань. Отношения США и КНДР с точки зрения концепции: конструктивистская интерпретация отношений США и КНДР и их недостатков // Контроль над вооружениями и безопасность. 2006. № 1. С. 28–36. (на кит. яз.).
6. Фэн Юйцзюнь. Значение России для Китая и методы исследования российско-советского вопроса // Международный форум. 2021. № 6. С. 118–139. (на кит. яз.).
7. Чжао Гуанжуй. Трансформация порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе и роль Китая: теоретические дебаты, стратегический выбор и перспективы на будущее // Азиатско-Тихоокеанская безопасность и исследования океана. 2022. № 2. С. 68–85. (на кит. яз.).

REFERENCES

1. Kashin V. B. [Russia, China and the Ukrainian Crisis]. In: *Rossiia v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], 2022, no. 2, pp. 204–212.
2. Qin Yaqing, Jin Canrong, Ni Feng, Feng Zhongping, Sun Zhuangzhi, Wu Zhicheng [Great Power Competition and Cooperation in the New Situation of Global Governance]. In: *Mezhdunarodnyi forum* [International forum], 2022, no. 2, pp. 22–28.
3. Liu Fenghua [China, the US and Russia in the Asia-Pacific Region: Policy Evolution and Game Trends]. In: *Rossiiskie issledovaniya* [Journal of Russian Studies], 2020, no. 6, pp. 72–104.

4. Xin Qiang [Changes in US-Taiwan security cooperation during the Trump administration]. In: *Amerikanske issledovaniya* [American Studies], 2021, no. 5, pp. 102–116.
5. Song Dexing, Dong Qingan [US-DPRK Relations from a Conceptual Perspective: A Constructivist Interpretation of US-DPRK Relations and Their Shortcomings]. In: *Kontrol' nad vooruzheniyami i bezopasnost'* [Arms control and security], 2006, no. 1, pp. 28–36.
6. Fen Yujun [The Significance of Russia for China and Research Methods of the Russian-Soviet Question]. In: *Mezhdunarodnyi forum* [International forum], 2021, no. 6, pp. 118–139.
7. Chzhao Guanrui [Order Transformation in the Asia-Pacific Region and the Role of China: Theoretical Debate, Strategic Choices, and Future Perspectives]. In: *Aziatsko-Tikhookeanskaya bezopasnost' i issledovaniya okeana* [Asia-Pacific Security and Ocean Research], 2022, no. 2, pp. 68–85.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 31.08.2022

Статья размещена на сайте: 03.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чжао Лу – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: zhaolu9008@gmail.com

У Яньбинь – аспирант кафедры международной безопасности Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: yanbinwu@yandex.ru

Zhao Lu – Postgraduate Student, Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: zhaolu9008@gmail.com

Wu Yanbin – Postgraduate Student, Department of Comparative Political Science, Department of International Security, Lomonosov Moscow State University; e-mail: yanbinwu@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Чжао Лу, У Яньбинь. Роль Китая и России в Азиатско-тихоокеанском регионе и тенденции китайско-российских отношений в контексте Украинского кризиса // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Chzhao Lu, U Yanbin. The role of China and Russia in the Asian-pacific region and trends in chinese-russian relations in the context of the Ukrainian crisis. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32.019.5; 327

Ширинянец А. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
19991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, Российская Федерация

Сорокопудова О. Е.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
19991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

«РУССКИЙ ВОПРОС»: ФРАНЦУЗСКАЯ РУСОФОБИЯ В XIX ВЕКЕ (II)

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть историческое формирование негативного образа России и русских во Франции XIX в. на примерах сочинений Ш.-Л. Лезюра, Ж.-Б. Мея, Ф. Лакруа, Г. де Бомона, А. Мартена и др.

Процедура и методы. Основными методами исследования, помимо общенаучного методологического аппарата, стали контент-анализ и политико-текстологический анализ.

Результаты. На основе изучения литературных, исторических, публицистических произведений, созданных во Франции в XIX в., было показано, как происходили обусловленные во многом политическими причинами формирование и фиксация в общественном мнении негативного восприятия России и русских людей. Периоды политического и культурного сотрудничества сменялись периодами обострения борьбы за национальные интересы, что приводило к актуализации антирусского дискурса в Европе. Причём несмотря на то, что речь идёт о XIX в., при обсуждении «русского вопроса» зачастую использовались такие аргументы, как «дикость», «варварство» и «недоразвитость» русского народа. Политически и конъюнктурно мотивированные работы, направленные на очернение образа России и русских, формировали в массовом сознании однозначный образ русской «угрозы». Негативное восприятие всего, что было связано с Россией, базировалось на двух чувствах, последовательно вызываемых во французском обществе в соответствии с логикой политического и экономического противостояния – страхе и презрении. Вызванное прагматическими политическими причинами закрепление в европейском общественном мнении образа «варварской» и деспотичной России, населённой дикими «рабами», привело в результате к возникновению феномена русофобии.

Теоретическая и практическая значимость заключается в рассмотрении идейных оснований негативного образа России и русских в произведениях французских авторов XIX в., что позволяет выявить: во-первых, взаимосвязь появления и развития стереотипов, клише в оценке России и русского народа с историческим и политическим контекстом их формирования; во-вторых, проследить общую линию и логику развития антирусского дискурса в западной Европе. По исследуемой теме обобщён новый материал, в научный оборот введены ранее не переведенные на русский язык произведения французских авторов XIX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

общественное мнение, образ врага, политический памфлет, русский вопрос, русофобия, Франция XIX в.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук» (проект «Современные концепции общественного согласия: актуальные проблемы политической теории и практики», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР 1022061600085-5-5.6.1) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

СТРУКТУРА

Введение

Всплески французской русофобии в XIX в. Всплеск первый

Всплеск второй

Всплеск третий

Заключение

A. Shirinyants

Lomonosov Moscow State University

Leninskie gory 1, Moscow 19991, Russian Federation

Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

ul. Krzhizhanovskogo 24/35, k. 5, Moscow 117218, Russian Federation

O. Sorokopudova

Lomonosov Moscow State University

Leninskie gory 1, Moscow 19991, Russian Federation

“THE RUSSIAN QUESTION”: FRENCH RUSSOPHOBIA IN THE XIX CENTURY (II)

ABSTRACT

Aim. To show the historical formation of the negative image of Russia and Russians in France of the XIX century on the examples of the works of C.-L. Lesur, J.B. May, F. Lacroix, G. de Beaumont, A. Martin et al.

Methodology. In addition to the general scientific methodological apparatus, the main research methods were content analysis and political-textual analysis.

Results. Based on the study of literary, historical and journalistic works created in France in the XIX century, it was shown how the formation and fixation of negative perceptions of Russia and Russian people, largely due to political reasons, took place in public opinion. Periods of political and cultural cooperation were replaced by periods of aggravation of the struggle for national interests, which led to the actualization of anti-Russian discourse in Europe. Despite the fact that we are talking about the XIX century in our discussion of “Russian question”, arguments such as “savagery”, “barbarism” and “underdevelopment” of the Russian people were often used. Politically and opportunistically motivated works aimed at diminishing the image of Russia and Russians formed an unambiguous image of the Russian “threat” in the mass consciousness. The negative perception of everything connected with Russia was based on two feelings which were consistently being evoked in the French society in accordance with the logic of political and economic confrontation – fear and contempt. Caused by pragmatic political reasons, the consolidation in European

public opinion of the image of a “barbaric” and despotic Russia inhabited by wild “slaves”, resulted in the emergence of the phenomenon of Russophobia.

Research implications. Analysis of the ideological foundations of the negative image of Russia and Russians in the works of French authors of the XIX century allows us to identify, firstly, the relationship between the emergence and development of stereotypes and clichés in the assessment of Russia and the Russian people with the historical and political context of their formation, and, secondly, to trace the general line and logic of the development of anti-Russian discourse in Western Europe. New material has been generalized on the topic under study, works of French authors of the XIX century that had not been translated into Russian before have been introduced into scientific circulation.

KEYWORDS

public opinion, image of the enemy, political pamphlet, Russian question, Russophobia, France of the XIX century

ACKNOWLEDGMENTS

This research was supported by Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (project “Modern concepts of social consent: actual problems of political theory and practice”, registration number in the USISU R&D 1022061600085-5-5.6.1) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2014 г. по итогам работы над большим проектом «Русский вопрос в истории политики и мысли» нами была подготовлена и опубликована в журнале «Вестник Московского государственного областного университета» статья «“Русский вопрос”: французская русофобия в XIX веке» [12], в которой мы предприняли попытку показать историческое формирование образа России и русских во Франции XIX в. на примерах сочинений А. де Кюстина, Ж. Мишле, Э. Кердериуа, Г. Доре и других. В статье обосновывался вывод о том, что даже на этих немногочисленных примерах «можно проследить, как неприязненное отношение, обусловленное во многом политическими причинами, оформлялось и фиксировалось в литературных, исторических, публицистических произведениях ... Написанные на злобу дня, очерняющие облик России и русского народа работы воспринимались обывателями как достоверное изложение фактов, закрепляя в сознании европейцев образ опасного русского “врага”» [12]. Мы отмечали также, что российско-французские отношения в XIX в. были непростыми, периоды мирного взаимодействия сменялись периодами политического напряжения; восприятие России зависело от этих процессов, приводивших к всплескам русофобии. Продолжая начатую работу, в этой статье мы рассматриваем происхождение и развитие антироссийских стереотипов, а также клише, которые, появившись много лет назад, продолжают играть свою роль в общественном сознании современной Европы. На этот раз в центре нашего внимания окажутся со-

чинения Ш.-Л. Лезюра, Ж.-Б. Мея, Ф. Лакруа, Г. де Бомона, А. Мартена и «примкнувшего» к ним поляка М. Сокольниковского.

ВСПЛЕСКИ ФРАНЦУЗСКОЙ РУСОФОБИИ В XIX В. ВСПЛЕСК ПЕРВЫЙ

Как известно, Франция стала исторически первой страной, в которой случился всплеск русофобии в XIX в. Этот всплеск, как и два последующих, был порождён «большой политикой», требующей от французов негативного отношения к врагу, каковым в периоды международной напряжённости становился «русский медведь».

В начале XIX в. Наполеон, рвущийся к европейскому и мировому господству, столкнулся в своих амбициях с Российской империей, которая в союзе с Британской империей представляла основную и главную угрозу Франции. Антирусский вектор потребовал соответствующей подготовки общественного мнения. И тут, как нельзя кстати, на свет появился некий документ, который прямо свидетельствовал о том, что Россия вела экспансионистскую политику и лелеяла планы европейского господства со времён Петра I. Речь идёт о геополитическом плане императора Петра I, который он якобы оставил своим преемникам. Этот документ чудесным образом был скопирован в секретных царских архивах (так называемое **"Завещание Петра Великого"**) и попал во Францию ещё в XVIII в., но пригодился только в 1812 г. Конечно же, это была фальсификация, об авторстве которой до сих пор идут дискуссии¹. Многочисленные исследователи этого документа сходятся во мнении, что в его основу положена исторически реальная, но превратно истолкованная внешняя политика России XVIII в. Его автор не был знатоком международных отношений петровской эпохи, из-за чего в тексте имеется целый ряд ошибок и нелепостей [1, с. 416–417]. Однако автор уловил многие тенденции русской политики и связал их с Петром I, руководствуясь выработанным в XVIII в. стереотипом: Россия – творение Петра I.

Экспансионистская риторика этого якобы петровского плана – «поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны», «выждать удобное для нападения время», «пользоваться миром для войны и войной для мира, в интересах расширения пределов и возрастающего благоденствия России», «вмешиваться в дела и распри Европы», «разделять Польшу», стремиться покорить Швецию, «неустанно расширять свои пределы к северу и к югу, вдоль Чёрного моря», «возможно ближе придвигаться к Константинополю и Индии» и т. д. – сопровождается вполне макиавеллиевскими призывами «в супруги к русским великим князьям всегда избирать германских принцесс», «установить и старательно поддерживать союз с Австрией, поощрять для виду её замыслы о будущем господстве над Германией», «заинтересовать

¹ Об обстоятельствах появления этого документа и об авторстве см.: [2; 11; 12].

Австрийский дом в изгнании турок из Европы, а по овладении Константинополем нейтрализовать его зависть» и т. п. Всё это венчается проектом раздела мира: «Когда Швеция будет раздроблена, Персия побеждена, Польша покорена, Турция завоевана, армии соединены, Чёрное и Балтийское моря охраняемы нашими кораблями, тогда надлежит под великою тайною предложить сперва Версальскому двору, а потом и Венскому разделить власть над вселенной. Если который-либо из них, обольщаемый честолюбием и самолюбием, примет это предложение – что неминуемо и случится, – то употребить его на погибель другого, а потом уничтожить и уцелевшего, начав с ним борьбу, в исходе которой уже нельзя сомневаться, ибо Россия в то время уже будет обладать всем Востоком и большей частью Европы ... Если, паче чаяния, тот и другой откажутся от предложения России, то надлежит искусно возжечь между ними распрю и истощить их во взаимной борьбе ... и когда обе эти страны будут побеждены, то остальная Европа уже легко и без всякого сопротивления подпадёт под (наше) иго. Так можно и должно покорить Европу» [7, с. 211–214].

Мешая правду с вымыслом, неизвестный автор этого текста завершал создание нового стереотипа «русской опасности», который стыковался в сознании европейцев со старым стереотипом «русского варварства» [4].

В «документе» отчётливо просматриваются внешнеполитические интересы Франции и Польши. Неслучайно, по одной из версий, эта фальшивка обязана своим появлением на свет польскому генералу **Михалу Соколыницкому** (1760–1816). Он верой и правдой служил Наполеону. В 1811 г. Наполеон поручил Соколыницкому подготовить доклад о военной кампании против России. Используя свои ранние наработки, Соколыницкий к 10 февраля 1812 г. составил текст, известный под названием «О способах избавления Европы от влияния России, а благодаря этому – и от влияния Англии». В первом из одиннадцати рапортов, составивших этот документ, Соколыницкий представил «Изложение мотивов с последующим изложением общих соображений по поводу европейской политики России и Англии».

Для Соколыницкого империя Наполеона – это «Империя Света», а Российская империя – «Империя Тьмы», естественной границей между которыми должны быть река Волга и Кавказский хребет. «Империя Тьмы» – это «ужасающий колосс», «империя людей, потерявших положение и репутацию», претендовавшая, однако, на то, чтобы подчинить европейские страны. Все страдания и раздоры, которые испытал мир в последние сто лет – следствие экспансионистской политики Российской империи в Европе, её натиска с целью «подчинить континент системе эксклюзивной монополии, без которой она не может не то что процветать, но даже содержать себя». Пытаясь повысить градус аргументации, Соколыницкий живописует «ужасающий альянс России и Англии», который разрушает европейский мир, утверждая, что все достижения России, её военная сила зиждутся на английском золоте. И это-

му натиску, как считает Сокольницкий, никто не может противостоять, кроме «Великого Наполеона» – «Героя», «Геракла», «Избавителя», армия которого призвана уничтожить Российскую империю.

Пытаясь убедить французского императора в необходимости уничтожения «русского колосса», Сокольницкий использует всевозможные приёмы манипуляции, включая лесть, фальсификации и искажение информации. Так, чтобы сформировать негативный образ России и русских, Сокольницкий как раз и ссылается на план создания великой России, «завещанный Петром I своим потомкам» [7, с. 214–217], а также на некую «рукопись» И. Лефорта (в этой рукописи имеются скабрёзные приписки-добавления, якобы сделанные рукой Екатерины I, которая, как известно, была неграмотной). Большую часть первого доклада Сокольницкого составляет его вымышленный диалог с русским генералом, который выставлен амбициозным глупцом. В пользу «фантазийного» характера этого диалога свидетельствует ряд пассажей русского генерала, противоречащих историческим фактам: например, о «братьях-норманнах», уничтоживших империю Карла Великого, о гуннах, якобы взявших Рим, наконец, его глупейшее заявление о том, что, завоевав сердца парижанок, сделав их своими любовницами, русские получают от них все секреты правительства и покорят Францию².

Цель доклада Сокольницкого проста – подвинуть французского императора к «решительной победоносной войне», чтобы «привести русских в чувство», а Россию «подчинить общим интересам», отодвинув её европейские границы до «естественных пределов» – Волги и Кавказа. К этому нужно добавить объяснение главного мотива Сокольницкого – восстановление польской государственности. Как отмечает публикатор русскоязычного перевода его рукописи О. А. Яновский, «упование на то, что кампания 1812 г. должна завершиться “уничтожением Российской империи” (как и английской), подкреплено идеей о защите “независимости и безопасности европейских государств” путём восстановления Польши в “её этнических границах”. Сокольницкий тщится начертать для Наполеона такой план, который позволил бы достичь главного – возродить Великую Польшу. Ради этого автор готов жертвовать всем, заявляя, что из-за мести “за свою поруганную Родину” он готов сложить свою жизнь “в проломе кремлёвской стены”»³.

² Сокольницкий М. «Исполнено по высочайшему повелению...»: рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольницким, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...» / сост., предисл., примеч. О. Я. Яновского; пер. с фр. В. А. Яновского. Минск: Белорусский государственный университет, 2003. С. 16–27.

³ Яновский О. А. Предисловие // Сокольницкий М. «Исполнено по высочайшему повелению...»: рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольницким, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...». Минск: Белорусский государственный университет, 2003. С. 4.

Чаще всего широкое распространение содержания «плана» Петра I и идеи необходимости противодействия экспансионистским устремлениям варварской России во французском общественном мнении связывают с **Шарлем-Луи Лезюром** (1770–1849). Лезюр – французский литератор, драматург, автор нескольких пьес, дипломат талейрановской школы. Несмотря на то, что Лезюр никогда не был в России и не знал русского языка, он посвятил ей два объёмных произведения: «Об усилении русской мощи: От истоков до начала XIX века» (1812) и «Историю казаков» в 2 томах (1814). Существует версия, что обе работы написаны по личному поручению Наполеона. Оба текста представляют собой тенденциозную компиляцию из разных западноевропейских источников по истории и географии России, публицистики, мемуаров, записок путешественников, откровенных фальсификаций и т. п., объединённых общим критическим отношением к истории, народу и политике России.

Вероятнее всего, работа «Об усилении русской мощи...», изданная анонимно в 1812 г., стала ответом на заключение в 1805 г. Петербургского союзного договора с Великобританией, заложившего основы Третьей антинаполеоновской коалиции, т. к., по некоторым сведениям, работу над текстом Лезюр начал ещё в 1807 г., когда стало очевидным неизбежное столкновение Франции и России и возникла необходимость подготовить к этому французское общественное мнение.

В соответствии со сложившейся во Франции XVIII в. традицией восприятия России русский народ представлялся как «азиатский», дикий и варварский, чуждый цивилизации. Несмотря на всё большее сближение и нарастающее взаимодействие между Францией и Россией, русскому народу отказывали в возможности самостоятельного развития и в лучшем случае считали, что он способен воспринимать европейские ценности лишь поверхностно, оставаясь периферией цивилизованного мира. Внешняя политика России в конце XVIII в. (в частности, после польского восстания Т. Костюшко 1794 г.) способствовала тому, что образ России во Франции трансформировался в образ общего «врага-варвара» цивилизованной Европы. Лезюр в своей книге отразил и усилил эти тенденции восприятия России, трактуя в исключительно русофобской манере историю, политику и характер русского народа. Главной целью книги было убедить читателей в том, что вторжение Франции в Россию – это и есть защита цивилизованного мира от дикарей и варваров. По сути, книга «Об усилении русской мощи...» представляет собой типичный в контексте надвигающейся войны с Россией 1812 г. пропагандистский памфлет. Образ врага конструируется с помощью фальсифицированных документов и негативных клише о захватнической политике России и варварском характере русского народа, что он и пытается аргументировать, ссылаясь на существование секретных мемуаров («Завещания»), якобы написанных лич-

но Петром I, и приводит «резюме» его плана по завоеванию Европы [11, с. 230 и след.⁴].

Работа Лезюра разделена на двенадцать глав, последовательно описывающих историю русского государства от возникновения Руси до начала XIX в. и содержит приложение с таблицами (статистика численности населения, доходов империи, положение русской армии и т. д.), которые призваны придать тексту видимость научного исследования. История России рисуется самыми мрачными красками – жестокие и одержимые экспансией правители, невежественный и порочный народ, состоящий из рабов, дикие и варварские обычаи и нравы, суровый и тлетворный климат. Даже достоинства русских людей Лезюр объясняет их недостатками (отвага – следствие рабского положения, гостеприимство проистекает из гордыни, любезность имеет глубинную причину взаимного страха и т. п.). Почти пятисотстраничное изложение русской истории служит обоснованию главного вывода – экспансионизм Российского государства заложен в самом «духе» русской нации, которая всегда будет стремиться к господству и неспособна к полноценной цивилизации, а значит, представляет прямую угрозу для всей Европы: «... можно было наблюдать в развитии русской державы полную аналогию с духом её народа. Россия появляется в Европе сразу с намерением доминировать там», «варварство русских сделало их опасными для спокойствия Европы», русское государство, «находясь в наиболее благоприятном положении, чтобы быть завоевателем, опираясь на огромные территории Севера и Востока, масштабы, богатство и население которых мы не можем оценить по достоинству, в течение последнего столетия оно вело только наступательные войны» [15, р. 461, 464, 459] и т. д. Тогда как Франция представляется бескорыстной защитницей интересов и блага цивилизованного человечества, которая стремится объединить всех «как отец семейства» [15, р. 468].

Опубликованная в 1812 г. книга Лезюра не вызвала ажиотажа у читающей публики, поскольку к этому моменту наполеоновская армия уже отступала от Москвы. Однако смысл и цели этой работы очевидны – маскирующийся под научное сочинение русофобский памфлет должен был создать в европейском общественном мнении образ страшной российской угрозы, защитить от которой цивилизованный мир была призвана просвещённая Франция.

Если Лезюр издал свою книгу анонимно, то автор следующего сочинения, о котором пойдёт речь, скрыл своё настоящее имя. В марте 1830 г. в Париже в печатне знаменитого республиканца Луи Огюстена Ми увидели свет

⁴ В. П. Трыков, в частности, обращает внимание на то, что важнейшими приёмами создания образа России у Лезюра стали утрирование негативных мелочей, использование фальсифицированных документов, объяснение достоинств русских их недостатками (отваги солдата его положением раба, гостеприимства русских их гордостью, мощи государства психологической ригидностью и глубинным экспансионизмом русского народа и т. д.).

два тома книги «Санкт-Петербург и Россия в 1829 году». На обложке стояло имя автора Ж.-В. Мей, однако кто именно скрывался под этим псевдонимом – неизвестно. Можно только говорить о том, что автор действительно побывал в России, что он был республиканцем, антимонархистом и позиционировал себя как борец за свободу.

Первый том сочинения **Жан-Батиста Мей**, наверное, одна из самых критических книг о России, изданных во Франции до прихода к власти Луи-Филиппа. Уже в предисловии автор даёт резко негативную оценку международного положения России и русских, к которому приковано внимание всего мира: «их боятся в то время, когда ими следует управлять» [18, р. II]. «Если бы европейская политика, более откровенная, более благородная, вдохновлялась духом всеобщего блага, то эта нация, сила которой ужасает каждое государство в отдельности, находилась бы под надзором всех; она была бы вынуждена изменить свои институты, свои нравы, прежде чем объявить себя равной цивилизованным империям» [18, р. II].

В двадцати шести главах первого тома презрительно характеризуются разные стороны общественной и государственной жизни русского народа, религия, образование, искусство, менталитет и внешность русских людей. Особый акцент Мей делает на личности императора, в красках описывая зверства деспотизма, обуславливающие ментальность деградировавшего при такой системе власти русского человека: «Одной из самых обширных территорий земного шара правит человек, который считает себя её единственным хозяином, а масса живущих там людей, без души, без мужества, достаточно презренны, чтобы обожать эту узурпацию! ... они убеждены, что Бог заставил их родиться рабами; они преклоняются перед самозванцами и не сомневаются в законности их привилегий ... Несчастные существа, подчиняющиеся подобным законам, не могут поэтому называться людьми» [18, р. III–IV]. По мнению Мей, Россию населяют горстка дворян, которые считают себя людьми, и «пятьдесят четыре миллиона скотов с человеческими лицами, которых продают, раздают, обменивают и секут, как лошадь или быка» [18, р. II]. Мей рисует картину порочной общественной системы России: русские люди – невежественные варвары и рабы власти, чиновники продажны, завистливы и неспособны к управлению, торговцы хитры и лживы, армия слабая и дезорганизованная, солдаты столь мужественны перед лицом смерти только потому, что их жизнь так наполнена страданиями, что не стоит того, чтобы за неё бороться; женщины уродливы и порочны, а русская баня – это вообще «вместилище позора» и разврата.

Книга Мей была издана до событий Июльской революции во Франции и Польского восстания 1830 г. Мотивом для написания этого политического памфлета, очевидно, стал страх французов перед российским «колосом», усилившимся после успешной для России Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В этот период образ России как «колосса» получил особенно

широкое распространение, а тема российского экспансионизма стала доминирующей в политической литературе. Главной целью книги Мей провозгласил борьбу с произволом во имя свободы – на деле же его задачами было внушить французскому обществу снисходительное презрение к России («Мы надолго сохраним наше огромное превосходство над этими так называемыми северными французами, которые умеют подражать нам только в наших нелепостях» [15, р. 58]), максимально уронить престиж России как мощной державы, пророча ей скорую революцию («Обычно мы боимся военной мощи России, не считаясь с тем, что весь этот грохот – не что иное, как образ колосса на глиняных ногах, готовый низвергнуть себя, будучи сокрушённым своей массой и дезорганизацией» [15, р. 155]); а также успокоить французскую общественность («Европе нечего опасаться России, интересы которой, скорее, направлены на Восток» [14, р. 145]).

ВСПЛЕСК ВТОРОЙ

Нужно отметить, что большая часть русофобских текстов – это не научные труды, а политические памфлеты. Эти сочинения диффамационного характера апеллировали не к разуму, а к эмоциям, и преследовали вполне определённую цель – очернить Россию и русских, представить страну агрессором, а её народ – бескультурными и бесталанными варварами, которых европейцам нужно опасаться. Дело Лезюра, Мей и других в этом отношении продолжил **Фредерик Лакруа** (1811–1864), путешественник, историк, издатель. Лакруа никогда не был в России, но в 1845 г. издал книгу «Тайны России. Политическая и нравственная картина Российской империи», которую позиционировал как научное историческое издание: «в высшей степени серьёзная книга», «совершенно беспристрастная», составленная «только из материалов, собранных в самой стране» и т. п. Лакруа, разумеется, заявляет, что никто до него не изучал предмет столь тщательно и глубоко, поскольку в его распоряжении имеются особые секретные источники, ранее неизвестные документы, а также уникальная рукопись одного человека, долгое время жившего в России, имя которого не может быть раскрыто публично. В действительности работа Лакруа – типичный политический памфлет, полный резко негативных оценок, стереотипов, клише и откровенных фальсификаций [9, с. 233 и след.].

Книга разделена на тринадцать глав, в которых Лакруа берётся судить обо всём – о российской политической системе, экономике, социальных отношениях, народной психологии, военной силе и т. д. Он пытается представить «зарисовки» максимального количества разнообразных сюжетов российской истории и действительности: императора и его семьи, тайных обществ и восстания декабристов, характера русского народа, нравов и обычаев петербургской знати, положения церкви и отношения к религии, систе-

мы государственного управления, полиции, права и тюремной системы, состояния армии и т. д. Главная «тайна» России раскрывается Лакруа сразу же в первой главе, названной «Деспотизм». Абсолютная и единоличная власть, находящаяся в руках жестоких и деспотичных правителей, определяет всю жизнь и историю России. «В России ничто не сдерживает государя. Воля императора – высший закон ... Более того, он глава религии, посланник Бога на Земле, почти сам Бог. Всё существует только через него и для него. Он может создавать и разрушать всё» [19, р. 4]. В основании государственного устройства России нет ни права, ни традиций, ни морального авторитета, всё держится только на силе, принуждении и страхе, отсюда все остальные негативные характеристики русского народа и даже климата (!) в России. Русский мужик – невежественный, тупой, покорный азиатский раб, который способен чему-то научиться только из-под палки и который настолько привык к постоянным унижениям и наказаниям, что они идут ему на пользу. Аристократия в России развращённая, распущенная и порочная, варварская сущность которой прикрыта тонкой вуалью воспринятой у Европы цивилизованности. Самые нелестные характеристики у Лакруа получает всё и вся, связанное с Россией.

Примечательно, что Лакруа по отношению к русским людям употребляет термин «московиты»; между тем, во Франции словами «Московия» и «московит» обычно обозначали территорию и народ России допетровского времени, и уже в XVIII в. всё чаще употреблялись слова «Россия» и «русский». Историко-лингвистический анализ словоупотребления, проведённый Р. Десне, свидетельствует, что понятие «московит» в политической лексике обозначает грубость и варварство, т. е. московит – «это некультурный, необразованный русский, а русский – это просвещённый московит» [3, с. 61–62, 64]. Использование Лакруа в середине XIX в., а затем и многими другими русофобствующими авторами (Духинским, Фальмерайером, Марксом, Рорбахом и др.) термина «московиты» было неслучайным, таким образом они пренебрежительно подчёркивали якобы варварский и дикий характер русского народа.

Традиционные задачи антироссийской публицистики – внушить общественному мнению в отношении России чувства презрения и страха, вполне чётко артикулирует в заключении книги сам Лакруа, делая даже больший акцент на чувстве презрения и подчёркивая бессилие и видимость мощи «врага»: «После прочтения нас будет признано, что эта держава, столь влиятельная и грозная издавна, не имеет ничего из того, что составляет действительно сильные и респектабельные империи. Изучите Россию, как мы только что сделали, в её общественных и политических учреждениях, в её законодательстве, в её нравах, в составе её правительства и её государственной администрации, в её национальном богатстве, в её армии, в её флоте – и вы останетесь убеждёнными, что это великое проявление силы, молодости и

ресурсов, которое пугает иностранные народы, не имеет под собой никакого основания. Мы не надеемся, что полностью развеяли заблуждение, превратившее Россию в страшилку; но мы будем считать, что нам повезло, что своими разоблачениями мы уменьшили этот престиж, о котором мы только что говорили» [19, р. 472]. Книга Лакруа, позиционированная автором как научное сочинение, – яркий пример компиляции русофобских лозунгов, образов, стереотипов и шаблонов.

ВСПЛЕСК ТРЕТИЙ

Подавление Польского восстания 1830–1831 гг., негативное отношение императорского двора к революционным событиям в Европе 1830, 1848–1849 гг., интервенция русской армии в 1849 г. в Венгрию, очередное обострение Восточного вопроса привели к тому, что в Российской империи стала формироваться государственная идеология, объясняющая особый исторический путь страны и наличие национальных интересов государства, приобретшего к этому времени статус гегемона европейской политики [6, с. 10–59]. В этой обстановке снижение политического «веса» и авторитета России в глазах европейского общественного мнения стало стратегической задачей политики европейских держав. В 1853 г. Османская империя объявила Российской империи войну; к османам в 1854 г. присоединились Британская и Французская империи, а в 1855 г. – Сардинское королевство.

В разгар Крымской войны, в 1854 г., внук участника двух французских революций и войны за независимость США Ж. Лафайета, близкий друг А. Токвиля, с которым посетил США в 1831 г., публицист, политик, дипломат **Гюстав де Бомон** (1802–1866) опубликовал статью под названием «Россия и США с экономической точки зрения» (1854). Она вышла в самом авторитетном литературно-общественном издании Франции – «Обозрение двух миров» («Revue des deux mondes»). На написание работы его вдохновил Токвиль, который в 1853 г. в письмах к Бомону обратил его внимание на книгу барона А. фон Гакстхаузена «Исследования о внутреннем положении, национальной жизни и сельских учреждениях России» (1847–1853) и описал свои впечатления от изображённой там России: «всё так идеально единообразно в идеях, законах, обычаях и вплоть до мельчайших деталей внешнего вида предметов. Это производит на меня впечатление Америки без просвещения и свободы, демократического общества, которого нужно бояться» [20, р. 237]. Токвиль считал, что «в Америке в основе деятельности лежит свобода, в России – рабство. У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение тайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира» [10, с. 296].

Задуманная как рецензия на работу немецкого экономиста, статья в итоге представила самостоятельную позицию Бомона в отношении главной темы – сравнения России и США в области причин, целей и последствий их

территориальной экспансии. Бомон обвиняет Гакстаузена в предвзятости по отношению к России, между тем собственный сравнительный анализ он, вслед за Токвилем, выстраивает вокруг антитезы свободы и рабства как сути социально-экономических и государственных отношений в США и России.

В России, утверждает Бомон, есть «нация, значительная по численности и могущественная по вооружению, но нет богатого и процветающего народа», а «все институты, в соответствии с климатом, существуют для деспотизма и рабства» [13, р. 1167]. Вообще, не заботясь об исторической точности, путая даты и документы, Бомон изображает Россию варварской страной, «где личность исчезает в беспорядочной массе, где официальная жизнь заменяет естественное существование народов, где регулирование занимает место гениальности, симметрия – место порядка, послушание – место мысли, где всё страдает и молчит, потому что всё дрожит, где всё трепещет, где сама боль однообразна, потому что она всеобща, и что испытывающие её – суть безымянные атомы, где, наконец, царит равенство, равенство общего убожества» [13, р. 1173–1174]. Эта варварская Россия пугает Бомона. Более всего его страшит общинный коммунизм русской крестьянской общины, в которой земля периодически перераспределяется и принадлежит всем сразу, но никому в частности, в обществе существует круговая порука, а труд имеет коллективный характер. Русский мужик в своей деревне представляется ему... солдатом в казарме. Этому коммунизму Бомон противопоставляет универсальные либеральные принципы свободы («которая является сущностью человека») и собственности («которая является выражением его потребностей»). Лишение этих двух благ жителей России делает их глубоко несчастными и ввергает «во все пороки, обычные спутники нищеты и разврата». Панацея – промышленное развитие, из которого «рождаются две вещи: собственность, созданная трудом, и средний класс, наделённый этой собственностью, то есть класс, который одновременно умен и трудолюбив» [13, р. 1183].

Находя параллели в историческом развитии двух стран, в близости климатических условий, в плодородии почв, в масштабе и динамике колонизационных процессов, Бомон подчёркивает качественное различие протекавших в них процессов. Если в США, по его мнению, ключевую роль в освоении новых территорий играла частная инициатива, а колонизация носила принципиально мирный характер, то в России она осуществлялась насильственным и приводила к закреплению населения покоряемых территорий [13, р. 1166–1169].

Вывод статьи Бомона банален и не выходит за рамки русофобской парадигмы. Он указывает на очевидную опасность Российской империи для европейской цивилизации. Однако в этой статье появляется новый мотив – мотив восхваления преимуществ либеральной экономики и ценностей американской демократии, на которые нужно ориентироваться всем.

После заключения невыгодного России Парижского трактата (1856), который подвёл итоги Крымской войны, антирусские настроения в европейском обществе получили ещё большее распространение. Об этом свидетельствует, например, крайне русофобская работа историка, публициста и политического деятеля **Анри Мартена** (1810–1883) «Россия и Европа» (1866). Это произведение было написано под влиянием творчества польского эмигранта Ф. Духинского. Духинский, будучи вице-президентом парижского этнографического общества, разработал собственную версию происхождения русского народа, так называемую туранскую теорию. Провозглашая идею расовой иерархии, он характеризует русский народ («москвитов») как варварский и склонный к деспотизму, по своему происхождению являющийся туранским, а не славянским или «арийским». А. И. Герцен, ознакомившись с этим сочинением о русском «варварстве» и о необходимости «защиты» Европы от распространения на запад «туранской расы», иронично назвал его «Генриадой»⁵. Ирония Герцена по поводу эпохальности мартеновского труда была правомерной. Развивая идеи Духинского, в своей работе Мартен приводит множество исторических «фактов», которые должны были, по его мнению, подтвердить неевропейское происхождение русских и неизбежное противостояние двух рас – арийской и туранской. Главной мыслью книги Мартена стал тезис о том, что Россия и Европа неминуемо столкнутся, нашествие москвитов состоится непременно и грозит непосредственной гибелью Европы. Единственным способом избежать такого столкновения Мартен считал объединение европейских стран против их главного врага – России, создание некоей общеевропейской федерации. Однако «европейские народы ещё слабо отдают себе отчёт в том, что главной целью создания подобной федерации независимых европейских народов станет их совместная борьба против России» [17, р. II]. В этой связи Мартен акцентирует принципиальное отличие России и русских от остального цивилизованного мира: «Москвит совершенно отличается по духу от славянина и европейца. Основные его качества – все отрицательные: отсутствие индивидуальности, всесторонней развитости, изобретательности и непременно порождаемой ей способности к самосовершенствованию, что сочетается с необычайной покорностью и умением с большой легкостью подражать другим. У москвитов совершенно нет никакой расположенности к созданию свободных сообществ, если только речь не идёт о религиозном сектантстве. У них нет традиции совещательных органов и институтов защиты от произвола, особенно со стороны

⁵ «Поговорим-ка лучше о нашем туранизме – это посвежей, и в этом больше поэзии; Анри Мартен создал из этого «Генриаду», эпопею грядущего, почти турецкий крестовый поход» (Герцен А. И. *Communisme russe / Русский коммунизм* // Собрание сочинений в 30-ти т. Т. 20. Произведения 1867–1869 годов. Дневниковые записи. Кн. 1: Публицистические и художественные произведения 1867–1868 годов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 127). Герцен обыгрывает слова Henri Martin и «Henriade».

верховой власти, оппозиция которой считается в некотором роде кощунством. Московиты не знают прав человека, у них наличествует влечение к самовластью и фанатичное преклонение перед грубой силой» [17, р. 100]. В рамках расистской, по сути, логики, Мартен утверждает, что единственной политикой по отношению к России может быть только война до полного её поражения: «Русский народ можно привести к цивилизованности только через его поражение в войне. Если Европа не победит Россию, она погибнет. Любая война между самими европейцами есть гражданская война. Война же с московитами – это битва с внешним врагом, битва за существование» [17, р. 106].

Однако, вопреки мартеновскому кликушеству, политическая конъюнктура в Европе привела к тому, что в 1870–1871 гг. разгорелась франко-пруская война, а не обещанное Мартеном столкновение России и Европы. Потерпевшая поражение французская сторона стала оценивать Россию уже как возможного союзника, и в итоге «просвещённая и цивилизованная» Франция заключила союз с «варварской и нецивилизованной» Россией (1891–1917).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно утверждать, что на протяжении почти всего XIX в. во французском общественном мнении настойчиво утверждался крайне негативный образ России. Этот процесс был характерен для большинства европейских государств того периода, но, как верно заметил современный исследователь Г. Меттан, именно Франция сыграла ключевую роль в формировании мировой русофобской линии, поскольку как раз благодаря политическим памфлетам французских авторов были сформулированы и красочно обоснованы два концепта, лежащие в основании всякой русофобской идеологии: «миф об экспансионизме и миф об азиатском деспотизме» [5, с. 180].

Негативное восприятие всего, что было связано с Россией, базировалось на двух чувствах, последовательно вызываемых во французском обществе в соответствии с логикой политического и экономического противостояния – на чувствах страха и презрения. Обоснование сугубо захватнической внешней политики Руси-России, единственным смыслом существования и развития которой является бесконечная экспансия и чьей неминуемой и очень скорой жертвой должна была пасть Европа, естественно, вызывало страх. Ссылки на секретные сведения и фальшивые документы ("Завещание Петра Великого" и т. п.), многочисленные примеры из истории России, истолкованные самым мрачным образом, указания на деспотический характер русской власти вне зависимости от конкретного правителя и т. д. – всё это служило обоснованию главного тезиса о реальной и близкой «опасности», исходящей от России для всего остального мира. Чувство презрения же должно было служить «противоядием» для тех европейцев, кто был способен впечатлитель-

ся невиданным прогрессом развития российского общества и успехами России на международной арене. Необходимость подорвать политический престиж Российского государства, поставить под сомнение самобытность и ценность русской цивилизации находила отражение в идее о варварстве русских, их патологической жестокости, врожденном «рабстве», отсутствии у них культуры и принципиальной неспособности русского народа к полноценному прогрессу в европейском варианте (в том числе и в силу принятия им восточного варианта христианства).

По словам немецкого исследователя Д. Гро, весь XIX в. на Западе шла «идеологическая борьба против России под девизом борьбы с деспотией, развития против стагнации, культуры с варварством» [8, с. 349]. Образ России как «людоеда XIX в.»⁶, по меткому выражению Ф. И. Тютчева, очень хорошо резонировал с прагматичной политикой Франции и других европейских стран, не желавших считаться с интересами и усиливавшимися позициями России в международных делах, а значит, сознательно поддерживался их политическими элитами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.
2. Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института, том 2. М.: Историко-архивный институт, 1946. С. 202–270.
3. Десне Р. Московия, Россия, московиты, россияне и русские в текстах Вольтера // Вольтер и Россия / под ред. А. Д. Михайлова, А. Ф. Строева. М.: Наследие, 1999. С. 58–66.
4. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2003. 212 с.
5. Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война / пер. с фр. М. Аннинской, С. Булгаковой. М.: Паулсен, 2016. 462 с.
6. Перевезенцев С. В., Ширинянц А. А. В поисках русского пути // Хранители России. Антология. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. / под ред. С. В. Перевезенцева, А. А. Ширинянца. М.: ООО «Паблис», 2016. С. 10–60.
7. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 211–217.
8. Славяно-германские исследования. Т. 1, 2 / отв. ред. А. А. Гугнин, А. В. Циммерлинг. М.: Индрик, 2000. 656 с.
9. Таньшина Н. П. Русофилы и русофобы: включения французов в николаевской России. СПб.: Евразия, 2020. 352 с.
10. Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с франц. М.: Прогресс, 1992. 559 с.

⁶ Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 38.

11. Трыков В. П. Образ России в книге Шарля-Луи Лезюра «Об усилении русской мощи» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 230–242.
12. Ширинянц А. А., Сорокопудова О. Е. «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2014. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.10.2022).
13. Beaumont G. de. La Russie et les États-Unis sous le rapport économique // Revue des deux mondes. XXIV année. Seconde serie de la nouvelle periode. T. 5. 15 mars 1854. P. 97–118.
14. Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: M. Didier, 1967. 491 p.
15. Des progress de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. Par M. L. ***. Paris: Fantin, 1812. 514 p.
16. Gaillardet Fr. Memoires du chevalier d'Eon. T. I-II. 2e édition. Paris: Ladvocat, 1836. Vol. I – 388 p.; Vol. II – 400 p.
17. Martin H. La Russie et l'Europe. Paris: Furne, Jouvet et Cie; Libraires-éditeurs, 1866. 431 p.
18. May J.-B. Sante-Petersbourg et la Russie en 1829. T. 1. Paris: Levasseur, 1830. 403 p.
19. Mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'Empire Russe. Par M. Frederic Lacroix. Paris: Pagnerre; Editeur, 1845. 472 p.
20. Oeuvres et correspondance inédites d'Alexis de Tocqueville. Publiées et précédées d'une notice par G. de Beaumont. Tom second. Paris: Michel Lévy Frères; Libraires-éditeurs, 1861. 499 p.

REFERENCES

1. Anisimov E. V. *Vremya petrovskikh reform* [Time of Peter's reforms]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. 496 p.
2. Danilova E. N. ["Testament" of Peter the Great]. In: *Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta, tom 2* [Proceedings of the Historical and Archival Institute, volume 2]. Moscow, Istoriko-arkhivnyi institute Publ., 1946, pp. 202–270.
3. Desne R. [Muscovy, Russia, Muscovites, Russians and Russians in the texts of Voltaire]. In: Mikhailov A. D., Stroeve A. F., eds. *Volter i Rossiya* [Voltaire and Russia]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 58–66.
4. Mesin S. A. *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [View from Europe: French authors of the 18th century about Peter I]. Saratov, Izdatelstvo Saratovskogo universiteta Publ., 2003. 212 p.).
5. Mettan G. Russie-occident. Une guerre de mille ans (Rus. ed.: Anninskaya M., Bulgakova S., transl. *Zapad – Rossiya: tisyacheletnyaya voina*. Moscow, Paulsen Publ., 2016. 462 p.).
6. Perevezentsev S. V., Shirinyants A. A. [In search of the Russian way]. In: Perevezentsev S. V., Shirinyants A. A., eds. *Khraniteli Rossii. Antologiya. T. 4. V poiskakh russkogo puti. 1800–1850 gg.* [Guardians of Russia. Anthology. Vol. 4. In search of the Russian way. 1800–1850]. Moscow, OOO «Publis» Publ., 2016, pp. 10–60.

7. Shutov A. Yu., Shirinyants A. A., eds. *Russkii vopros v istorii politiki i mysli. Antologiya* [The Russian question in the history of politics and thought. Anthology]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta Publ., 2013, pp. 211–217.
8. Gugin A. A., Tsimmerling A. V., eds. *Slavyano-germanskije issledovaniya. T. 1, 2* [Slavo-Germanic studies. Vol. 1, 2]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 656 p.
9. Tanshina N. P. *Rusofily i rusofoby: priklyucheniya frantsuzov v nikolaevskoi Rossii* [Russophiles and Russophobes: the adventures of the French in Nikolaev Russia]. St. Petersburg, 2020. 352 p.
10. Tocqueville A. de. De la democratie en Amerique (Rus. ed.: *Demokratiya v Amerike*). Moscow, Progress Publ., 1992. 559 p.).
11. Trykov V. P. [Image of Russia in the book of Charles-Louis Lesur "On strengthening the Russian power"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2020, no. 2, pp. 230–242.
12. Shirinyants A. A., Sorokopudova O. E. ["The Russian Question": French Russophobia in the 19th century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2014, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 01.10.2022).
13. Beaumont G. de. La Russie et les États-Unis sous le rapport économique. In: *Revue des deux mondes. XXIV année. Seconde serie de la nouvelle periode. T. 5. 15 mars 1854*, pp. 97–118.
14. Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris, M. Didier, 1967. 491 p.
15. Des progress de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. Par M. L. ***. Paris, Fantin, 1812. 514 p.
16. Gaillardet Fr. Memoires du chevalier d'Eon. T. I-II. 2e édition. Paris, Ladvocat, 1836. Vol. I – 388 p.; Vol. II – 400 p.
17. Martin H. La Russie et l'Europe. Paris, Furne, Jouvett et Cie; Libraires-éditeurs, 1866. 431 p.
18. May J.-B. Sante-Petersbourg et la Russie en 1829. T. 1. Paris, Levasseur, 1830. 403 p.
19. Mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'Empire Russe. Par M. Frederic Lacroix. Paris, Pagnerre; Editeur, 1845. 472 p.
20. Oeuvres et correspondance inédites d'Alexis de Tocqueville. Publiées et précédées d'une notice par G. de Beaumont. Tom second. Paris, Michel Lévy Frères; Libraires-éditeurs, 1861. 499 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 15.10.2022

Статья размещена на сайте: 18.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ширинянц Александр Андреевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений МГУ имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; e-mail: jants@yandex.ru

Сорокопудова Ольга Евгеньевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: srkpdv@gmail.com

Alexandr A. Shirinyants – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Departmental Head, Department of History of Socio-Political Doctrines, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: jants@yandex.ru

Olga E. Sorokopudova – Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Researcher, Department of History of Socio-Political Doctrines, Lomonosov Moscow State University; e-mail: srkpdv@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Ширинянц А. А., Сорокопудова О. Е. «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке. (II) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Shirinyants A. A., Sorokopudova O. E. "The Russian question": French Russophobia in the XIX century. (II). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81'234+81'276.6:070.4

Скрипкина Т. П., Макаренко А. А.

Государственный университет управления
109542, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 99, Российская Федерация

АНАЛИЗ ДЕСТРУКТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОСРЕДСТВОМ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РОССИЙСКИХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

АННОТАЦИЯ

Цель. Проведение анализа способов и приёмов деструктивного информационно-психологического воздействия на российских пользователей посредством телекоммуникационных технологий.

Процедура и методы. Ключевыми исследовательскими методами стали контент-анализ и интент-анализ. Категории анализа, которые использовались в исследовании: тема, тональность, объект воздействия. Кроме того, были задействованы категории, специфические для контента социальных медиа, в частности количество просмотров, количество лайков, комментариев и репостов. В качестве источников информации для анализа были отобраны статьи в электронных СМИ, материалы популярных видеохостингов и наиболее посещаемых пользователями российского сегмента интернета телеграм-каналов. Содержание наиболее релевантных примеров отобранных сообщений приведено в статье вместе со ссылками на онлайн-источники. Отобранные по описанным выше категориям на основе более чем 500 статей и сообщений данные подвергнуты дальнейшему осмыслению на предмет выявления приёмов, способов и технологий информационно-психологического воздействия.

Результаты. Статья посвящена описанию и анализу арсенала приёмов деструктивного информационно-психологического воздействия посредством различных телекоммуникационных технологий, применяемых на различных информационных площадках. Проводится также анализ основных тенденций в информационной сфере, связанных с формированием негативных эмоций (неопределённость, страх, паника) в сознании российского общества. Выявлены особенности телекоммуникации (анонимность и мультимодальность), которые негативно влияют на сознание всего российского общества, а потому становятся информационным оружием, направленным против российского населения. Проведённый анализ позволил сформулировать вероятные цели деструктивного информационно-психологического воздействия коллективного Запада на российское общество, выявить и описать основные тенденции их развития.

Теоретическая и практическая значимость. Выявлены риски и угрозы для психологической и информационной безопасности общества через распространение телекоммуникационных технологий, использующих определённые способы и приёмы деструктивного информационно-психологического воздействия. Проведённое исследование позволило наметить и сформулировать способы противодействия такому воздействию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

деструктивное информационно-психологическое воздействие, информационная война, организационные и социально-психологические особенности информационной войны, способы информационно-психологического воздействия, телекоммуникационные технологии

СТРУКТУРА

Введение

Способы информационно-психологического воздействия средствами телекоммуникационных технологий и их деструктивное влияние на российское общество

Заключение

T. Skripkina, A. Makarenkov

State University of Management

Ryazanskii prosp. 99, Moscow 109542, Russian Federation

ANALYSIS OF DESTRUCTIVE INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL IMPACT THROUGH TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES ON RUSSIAN USERS

ABSTRACT

Aim. To identify and analyze the methods and techniques of destructive information and psychological impact through telecommunication technologies on Russian users.

Methodology. The key research methods were content analysis and intent analysis. The categories of analysis that were used in the study are topic, tonality, and object of influence. Besides, the categories specific to social media content were involved, in particular the views number, the likes number, comments and reposts. Articles in electronic media, materials from popular video hosting sites and the most visited telegram channels by the Russian segment Internet users were selected as sources of information for analysis. The content of the most relevant examples of selected messages is given in the article along with links to online sources. The data selected according to the categories described above on the basis of more than 500 articles and reports have been subjected to further reflection in order to identify techniques, methods and technologies of information and psychological impact.

Results. The article is devoted to the description and analysis of the arsenal of techniques, destructive information and psychological impact through various telecommunication technologies used on various information platforms. The analysis of the main trends in the information sphere related to the formation of negative emotions (uncertainty, fear, panic) in the public consciousness of Russian society is also carried out. The peculiarities of telecommunication communication (anonymity and multimodality) are revealed, which negatively affect the public consciousness of the entire Russian society, and therefore become an information weapon directed against the Russian population. The analysis made it possible to formulate the goals of the destructive informational and psychological impact of the collective West on the Russian society, to identify and describe the main trends in their development.

Research implications. The significance of the research consists in the analysis of risks and threats to the psychological and information security of society through the spread of telecommunication technologies that use certain methods and techniques of destructive information and psychological impact. The conducted research made it possible to outline and formulate ways to counteract such an impact on public consciousness.

KEYWORDS

destructive information and psychological impact, information warfare, organizational and socio-psychological features of information warfare, methods of information and psychological impact, telecommunication technologies

ВВЕДЕНИЕ

Современные телекоммуникационные технологии, развиваясь, стремительным образом изменяют нашу жизнь. В условиях пандемии и напряжённой геополитической обстановки опосредованная коммуникация становится всё более востребованной [1]. В очередной раз подтверждается идея основоположника отечественной киберпсихологии А. Е. Войскунского о том, что компьютеризация способствует интенсификации общения, что порождает увеличение числа коммуникативных взаимодействий [2]. Анализ актуальных статистических данных свидетельствует о фундаментальном увеличении доли интернет-коммуникации среди остальных средств массовых коммуникаций; ежегодно увеличивается время, проводимое пользователями в интернет-пространстве. В среднем российский пользователь проводит в сети почти 8 часов в день, что на час больше среднего показателя в мире¹.

Такие данные свидетельствуют о том, что телекоммуникационные технологии помогают удовлетворять потребности людей в межличностной коммуникации не только в развлекательном аспекте, но и в деловой активности, поиске информации [9].

Стоит отметить, что, помимо позитивного влияния, возможны негативные последствия: формирование аддиктивности, повышение уровня тревожности, снижение настроения и активности [3].

Одновременно с этим благодаря таким особенностям данного вида коммуникации, как анонимность и мультимодальность, стремительно растут возможности использования интернет-коммуникации для противоправных действий, что особенно ярко проявилось в ходе последних событий на Украине. Социальные сети, видеохостинги, мессенджеры стали очень мощным информационным оружием, направленным против российского населения. При этом социальные медиа, занимающие лидирующее положение в информационном пространстве, в частности «YouTube», «Facebook», «Instagram» (последние две социальных сети признаны экстремистскими, их деятельность запрещена на территории РФ по решению суда), полностью контролируются зарубежными транснациональными корпорациями.

СПОСОБЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВАМИ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Согласно обновлённой в 2021 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, одной из задач является обеспечение информации

¹ Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика // WebCanape: [сайт]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 19.09.2022).

онной безопасности в информационно-психологической сфере². Ключевым национальным интересом здесь является защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия (далее – ДИПВ).

Анализ показывает, что арсенал приёмов, применяемых ДИПВ на указанных выше информационных площадках, весьма обширен.

Приведём некоторые из них.

Подсказки в поисковых системах. При поиске какой-либо фразы поисковая система предлагает ещё не введённые пользователем слова, тем самым уже оказывая воздействие на пользователя, формируя за него ангажированный выбор заранее заданных словосочетаний. Так транснациональные корпорации, владеющие собственными поисковыми системами, оказывают деструктивное воздействие на общественное сознание не только россиян, но и жителей других стран. Китайские власти для борьбы с таким видом ДИПВ потребовали от американской Microsoft отключить «подсказки» в поисковике Bing³.

Вестернизация культуры. ДИПВ в формате идеологической экспансии западного образа жизни: популяризация американских супергероев, комиксов, художественных фильмов, при этом негативные персонажи – почти всегда русские.

Искажение контекста. Используются следующие приёмы: цитирование фрагмента речи только публичной, авторитетной личности; изображение специально подобранной фотографии объекта воздействия, на которой он предстаёт в невыгодной ситуации; приписывание политикам чужих высказываний и т. д.

В результате такого ДИПВ Русская православная церковь попросила заблокировать фейковое видео о патриархе и криптовалюте, где патриарх Кирилл якобы призывает скупать криптовалюту⁴. Второй пример: итальянская газета «La Stampa» была выпущена с фотографией из Донецка, демонстрирующей последствия обстрела, совершённого вооружёнными силами Украины в ДНР при помощи тактического ракетного комплекса «Точка-У». Однако надпись на первой полосе газеты звучит следующим образом: «*Так Киеву грозит*

² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», ст. 37 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?ysclid=latvdylmjx773855497> (дата обращения: 20.08.2022).

³ Китай потребовал отключить в Microsoft Bing функцию автозаполнения // Электронное периодическое издание «3ДНьюс». URL: <https://3dnews.ru/1062391/kitay-potreboval-otklyuchit-v-microsoft-bing-funktsiyu-avtozapolneniya> (дата обращения: 24.08.2022).

⁴ РПЦ попросила заблокировать фейковое видео о патриархе и криптовалюте // Газета.ru: [сайт]. [01.02.2022]. URL: www.gazeta.ru/social/news/2022/02/01/17221621.shtml (дата обращения: 29.08.2022).

последний штурм». Весь выпуск озаглавлен ещё ярче и кровавее: «Бойня»⁵. Кроме того, регулярно видео из Сирии и Донбасса 2014 г. подаются как новые.

Негативная реклама. Реклама в мессенджерах, разрушающая традиционные духовно-нравственные ценности и оказывающая негативное влияние на молодёжь, а также продвигающая идеи «лёгких решений» (не получать образования в вузах, переехать жить за границу и т. д.).

«1024 способа переехать за границу БЕСПЛАТНО. Гранты, стипендии, стажировки – каждый найдёт подходящий способ после подписки на канал @internship_grants. Английский не нужен. Опыт работы не нужен. Диплом тоже не нужен. Короче, если хотите уехать уже сегодня, то канал «мастхэв»: @internship_grants. Лучшие уже не будут»^{6,7}.

«ВУЗы умерли. Занимайтесь самообразованием. Чтобы получать знания в 2022 году не обязательно ходить в университет или школу. Достаточно заниматься самообразованием, это очевидно. А если вы хотите обучаться, но не хотите платить и бездарно тратить время, то вам дорога в «Эрудицию». Там всё: бесплатные курсы, вебинары и лекции по любым специальностям. Выбирайте обучение по душе – от программирования и дизайна до психологии и продуктивности. И помните: учёба не заканчивается школой или ВУЗом» – «Эрудиция»⁸.

Дискриминация российских пользователей.

На платформе «Meta»⁹ слово «хохол» запретили упоминать даже в исторических текстах и классических литературных произведениях¹⁰. В каком контексте ни было бы употреблено это слово, пользователя ожидает блокировка на неделю, две недели, месяц; однако слова «кацап», «русня» или «москаль» можно употреблять свободно.

В Википедии Специальная военная операция на Украине описывается в качестве «российско-украинской войны» и «вторжения России на Украину». Акцентируется внимание на жертвах среди мирных украинцев, разрушениях жилых зданий¹¹.

⁵ Захарова раскритиковала публикацию Stampa с фото погибших в Донецке // РИА Новости: [сайт]. [17.03.2022]. URL: <https://ria.ru/20220317/tsinizm-1778577633.html?ysclid=lauv1i42cz408205412> (дата обращения: 21.08.2022).

⁶ Здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация источников сохранены – (прим. ред.).

⁷ 1024 способа переехать за границу БЕСПЛАТНО // Телеграм: [сайт]. URL: <https://t.me/s/grantscholar?q=1024> (дата обращения: 29.08.2022).

⁸ ВУЗы умерли. Занимайтесь самообразованием // Телеграм: [сайт]. URL: <https://tigrm.ru/channels/@lenamiro/12065> (дата обращения: 25.08.2022).

⁹ Признана экстремистской организацией на территории РФ по решению Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 г. – (прим. ред.).

¹⁰ Facebook запретил Хохловский переулочок. Соцсеть зашла далеко в борьбе с дискриминацией // Российская газета: [сайт]. [23.09.2021]. URL: <https://rg.ru/2021/09/23/kak-facebook-zapretil-hohlovskij-pereulok.html?ysclid=latvqkvm2y467091751> (дата обращения: 20.08.2022).

¹¹ Вторжение России на Украину (2022) // Wikipedia: [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Вторжение_России_на_Украину_\(2022\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Вторжение_России_на_Украину_(2022)) (дата обращения: 20.08.2022).

Аналитические интервью и интернет-мемы. ДИПВ сегментированы в зависимости от возраста аудитории.

Так, на взрослую, «думающую» аудиторию эффективное воздействие оказывают аналитические интервью с разного рода «экспертами», а для молодёжной аудитории одним из основных типов ДИПВ стали интернет-мемы (яркие, эмоционально насыщенные устойчивые языковые выражения, идеи, символы, мелодии, манеры или образы действия и т. д., которые осознанно или неосознанно передаются от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т. д.). Отмечается, что с помощью интернет-мемов возможны манипуляции сразу на нескольких уровнях и их использование в формировании смыслов, в пропагандистских целях [4]. Примеры таких мемов: «бабло», «блат», «совок», «ватник», «Рашка», «Мордор», «Замкадье», «русня», «генетическое отребье», «евроремонт», «нищеврод» [5].

Постановочные фейки. Способ ДИПВ, когда картинка сделана с помощью графического редактора или видеоролик снят по заранее созданному, гарантированно привлекающему внимание сюжету.

«Флешмоб от вооруженных сил Украины: телами погибших российских солдат выложили букву Z. Разоблачение: на фото – манекены. Если внимательно присмотреться к изображению, то видно, что “тела” имеют одинаковые позы. Картинка сделана с помощью графического редактора»¹².

Видеокадры, где в Мариуполе врачи не смогли спасти раненую девочку – ребёнок умер в реанимации. Анализ деталей показывает, что ролик постановочный¹³.

Вирусная природа фейков в интернете основана на психологических закономерностях восприятия социальной информации, в частности, О. Н. Иванничева в своей статье рассматривает феномен популярности фейков через призму социально-психологического подхода [6].

Негативный эффект от ДИПВ могут усиливать такие особенности, как:

- *отсутствие проверки на достоверность* – достоверность информации, полученной из интернета, с помощью других источников, среднестатистическим пользователем проверяется посредством альтернативных источников очень редко;
- *эффект «эхо-слухов»*, который состоит в том, что даже после опровержения информации, не соответствующей действительности, часть людей всё равно продолжает доверять именно той информации, которая поступила первой.

¹² Фейк: телами погибших российских солдат выложили букву Z // Войнафейками.рф: [сайт]. URL: <https://войнафейками.рф/vsu/fejk-telami-pogibshih-rossijskih-soldat-vylozhili-bukvu-z> (дата обращения: 30.08.2022).

¹³ В Сети посчитали фейком сообщения об «умершей» в Мариуполе раненой девочке // ИА REGNUM: [сайт]. [13.03.2022]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3531577.html> (дата обращения: 30.08.2022).

Анализ событий в Белоруссии и Казахстане, произошедших в 2021–2022 гг., показывает, что против России развязана массированная информационная война, кульминацией которой стала не имеющая аналогов русофобская кампания коллективного Запада. Если ещё вчера в различных форматах происходило навязывание чуждых российскому обществу ценностей, то сейчас, в ходе Специальной военной операции на Украине, активным образом начала работать зарубежная военная пропаганда. Европейская истерия – это не эмоциональная реакция, а спланированная информационная кампания.

Очевидно, что Запад готовился к информационной кампании по дискредитации России заранее. Текущие события на территории ЕС вызывают сомнения в своей спонтанности, т. к. наблюдается скоординированность действий, которые сами по себе не могут быть реализованы без изначальной подготовки за столь короткий срок. Подготовка к информационной войне велась не только с частными компаниями, но и с общественным сознанием европейцев – через деятелей культуры, моды, через инфлюенсеров и др.

Можно отметить некоторые её организационные и социально-психологические особенности.

Во-первых, ключевое изменение в характере ДИПВ, которое явно проявилось после начала событий на Украине, – их *открытый, массированный характер*. Вопиющим примером ДИПВ явился тот факт, что компания Meta¹⁴ открыто разрешила пользователям «Facebook» и «Instagram»¹⁵ призывать к насилию против российских солдат в контексте действий на Украине.

Во-вторых, ДИПВ реализуется в первую очередь на *групповом* (дискредитация военнослужащих, бизнесменов, спортсменов, артистов и др.) и *массовом* (русophobia) *уровнях общественного сознания*.

В-третьих, основные механизмы ДИПВ, применённые во время подготовки и в ходе последних событий на Украине, – это *внушение* (воздействие на эмоциональную сферу психики, например, интервью с известными авторитетными личностями и др.) и *«информационное» заражение* (через сетевые информационные площадки, вирусные ролики в мессенджерах).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вероятные цели ДИПВ коллективного Запада – сформировать негативные эмоции (неопределённость, страх, паника) в общественном сознании российского населения; обосновать нецелесообразность экономической торговли с Россией в глазах европейского обывателя через создание образа «токсичности» российских энергоресурсов, товаров и услуг; снизить градус

¹⁴ Признана экстремистской организацией на территории РФ по решению Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 г. – (прим. ред.).

¹⁵ Признаны экстремистскими организациями на территории РФ по решению Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 г. – (прим. ред.).

внутренних экономических (инфляция) и политических (объединение электората за счёт якобы эффективной борьбы с «врагом») проблем.

В целом в информационной сфере прослеживаются три отчётливых тенденции:

1. увеличение доли интернет-коммуникации среди других форматов передачи информации (ТВ, радио, печатные издания);
2. увеличение доли видеоконтента;
3. ориентация контента на клиповое мышление аудитории – короткие видео, инфографика, небольшие, но эмоционально насыщенные посты о злободневных темах, волнующих аудиторию.

Перспективные угрозы посредством ДИПВ детерминированы указанными выше тенденциями.

В частности:

- увеличивается применение профессионально отредактированных фотографий;
- растёт количество коротких смонтированных видеороликов;
- формируется существенный риск применения такого вида ДИПВ, как дипфейки [7];
- развиваются «метавселенные», которые в перспективе десяти лет могут стать новой виртуальной средой взаимодействия людей посредством их цифровых аватаров.

Содержательный анализ выявленных ДИПВ позволяет наметить способы противодействия такому воздействию на общественное сознание за счёт:

- повышения качества анализа ДИПВ (использование информационных систем, в том числе, способных работать с «большими данными», применяя методы искусственного интеллекта);
- интенсификации научных исследований по обозначенной тематике, формирования национального научного суверенитета на базе Российского индекса научного цитирования, повышения качества организации научных исследований за счёт внедрения сетевой модели организации взаимодействия участников;
- разоблачения фейков (телеграм-канал «Война с фейками» набрал более 700 000 подписчиков менее чем за месяц);
- формирования востребованного у молодёжи контента за счёт новых подходов (качественная инфографика, геймификация и др.) [10];
- привлечения «лидеров мнений», инфлюенсеров к работе с молодёжью;
- развития критического отношения у подростков к полученной в интернете информации (лекции в вузах, занятия с учителями);
- объяснения детям и молодёжи правил безопасности в интернете и ответственности (вплоть до уголовной) за их действия – лайки, репосты, публикации деструктивного характера [8];

— проведения анализа морально-психологического состояния подростков с целью профилактики участия в различных деструктивных мероприятиях («синий кит», «колумбайн-сообщества»¹⁶ и др.);

— ответственного подхода к количеству времени, проводимому детьми в виртуальном пространстве;

— пресечения попыток распространения деструктивных «мемов», формирования у подрастающего поколения национальных культурно-исторических ценностей, высоких моральных норм и нравственных идеалов;

— формирования позитивного контента в информационном пространстве, масштабирования положительного опыта телеграм-каналов официальных представителей органов государственной власти;

— совершенствования правовых и технических мер принуждения по отношению к транснациональным корпорациям (замедление работы или блокировка).

Таким образом, для противодействия ДИПВ на общественное сознание, для нейтрализации обозначенных угроз необходимы применение системного подхода, развитие междисциплинарных исследований, координация гуманитарных и технических специалистов. Результатом такого взаимодействия в организационном аспекте должны стать формирование безопасной среды для оборота достоверной информации в интернете, в содержательном и ментальном аспектах – укрепление традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинская Е. П., Столбова Е. А., Цикина Е. О. Динамика информационных поисковых запросов о COVID-19 на этапе самоизоляции // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 105–119.
2. Войскунский А. Е. Преобразование общения, опосредствованного компьютером: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990. 26 с.
3. Скрипкина Т. П. Социально-психологические особенности пользователей интернета // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: коллективная монография / под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. М.: Московский государственный педагогический университет, 2019. С. 231–240.
4. Рыжков К. Л. Интернет-мемы как новое социально-культурное явление // Человек и культура. 2021. № 4. С. 143–150.
5. Баранов С. Тринадцатый знак. Мемы в информационной войне против русского народа // Изборский клуб. Русские стратегии. 2018. № 4. С. 50–59.
6. Иванищева О. Н. Фейки как разновидность социальной информации // Человек. Культура. Образование. 2020. № 1. С. 63–73.

¹⁶ Признано террористическим и запрещено на территории РФ по решению Верховного суда – (прим. ред.).

7. Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. № 1. С. 3–14.
8. Лазарева И. Ю. Профилактика деструктивного информационно-психологического воздействия на молодёжь в сети Интернет // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 4. С. 416–422.
9. Рудаков Д. П., Дидык Б. В., Рудаков Е. Д. Современные электронные средства (интернет, видеоканалы) как основной инструмент информационно-психологических воздействий на общественное сознание // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2. С. 152–164.
10. Чигринский П. А. Методы информационно-психологического воздействия посредством медиатеchnологий // Вестник Московского гуманитарно-экономического университета. 2021. № 2. С. 474–480.

REFERENCES

1. Belinskaya E. P., Stolbova E. A., Tsikina E. O. [The Dynamics of information search queries about COVID-19 at the self-isolation stage]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2020, vol. 11, no. 4, pp. 105–119.
2. Voyskunnii A. E. *Preobrazovanie obshcheniya, oposredstvovannogo komp'yuterom: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Transformation of communication mediated by a computer: abstract of Cand. Sci. thesis in Psychological Sciences]. Moscow, 1990. 26 p.
3. Skripkina T. P. [Socio-psychological characteristics of active Internet users]. In: Martsinovskaya T. D., Orestova V. R., Gavrichenko O. V., eds. *Tsifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigme* [Digital society in the cultural-historical paradigm]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2019, pp. 231–240.
4. Ryzhkov K. L. [Internet memes as a new sociocultural phenomenon]. In: *Chelovek i kul'tura* [Man and Culture], 2021, no. 4, pp. 143–150.
5. Baranov S. [Thirteenth sign. Memes in the information war against the Russian people]. In: *Izborskii klub. Russkie strategii* [Izborsky club. Russian strategies], 2018, no. 4, pp. 50–59.
6. Ivanishcheva O. N. [Fakes as a kind of social information]. In: *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2020, no. 1, pp. 63–73.
7. Karayani A. G., Karayani Yu. M. [Information and psychological impact in the context of strategic communications paradigm]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2021, no. 1, pp. 3–14.
8. Lazareva I. Yu. [Prevention of destructive informational and psychological impact on youth on the Internet]. In: *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in Law Enforcement], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 416–422.
9. Rudakov D. P., Didyk B. V., Rudakov E. D. [Modern electronic media (Internet, video channels) as the basic tool of informational and psychological effects

- on public consciousness]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences], 2021, no. 2, pp. 152–164.
10. Chigrinsky P. A. [Methods of information and psychological influence through mediatechnologies]. In: *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow Humanitarian Economic University], 2021, no. 2, pp. 474–480.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.08.2022

Статья размещена на сайте: 18.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скрипкина Татьяна Петровна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, социальной психологии управления и истории Государственного университета управления; e-mail: skripkinaura@mail.ru

Макаренков Александр Александрович – соискатель кафедры социологии, социальной психологии управления и истории Государственного университета управления; e-mail: psyresearch2020@gmail.com

Tatyana P. Skripkina – Dr. Sci (Psychology), Prof., Department of Sociology, Social Psychology of Management and History, State University of Management; e-mail: skripkinaura@mail.ru

Alexandr A. Makarenkov – External Postgraduate Student, Department of Sociology, Social Psychology of Management and History, State University of Management; e-mail: psyresearch2020@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Скрипкина Т. П., Макаренков А. А. Анализ деструктивного информационно-психологического воздействия посредством телекоммуникационных технологий на российских пользователей // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Skripkina T. P., Makarenkov A. A. Analysis of destructive information and psychological impact through telecommunication technologies on Russian users. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 811

Каменева В. А., Морозова И. С., Коломиец С. В., Варакина Т. Е.*Кемеровский государственный университет**650000, Кемеровская обл. – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6, Российская Федерация*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ОБЛАСТИ, ТАРГЕТИРУЕМЫХ ТОПОНИМИЧЕСКИМИ СИНОНИМАМИ-СТИМУЛАМИ, В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ

АННОТАЦИЯ

Цель. Сопоставление образов области, актуализируемых топонимическими синонимами-стимулами Кузбасс и Кемеровская область в языковом сознании молодёжи.

Процедура и методы. Материалом исследования послужили 723 ассоциации, полученные в ходе проведения направленного цепочечного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 100 студентов Кемеровского государственного университета.

Результаты. Выявлена унификация одного периферийного и нескольких ядерных тематических секторов ассоциативных полей, сформированных на основе реакций на топонимические синонимы-стимулы Кузбасс и Кемеровская область.

Теоретическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в развитие психолингвистических исследований, затрагивая вопросы вариативности стимулов. Теоретическая ценность обусловлена выявлением изменений ассоциаций, таргетируемых топонимами при изменении или объединении последних, как в случае с наименованием Кемеровской области, ставшей официально Кемеровской областью – Кузбассом 3 года назад.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ассоциативный эксперимент, имажинальная география, ономастика, топонимика, языковое сознание

СТРУКТУРА

Введение

Методы и материалы

Ассоциативное поле на слово-стимул Кузбасс

Ассоциативное поле на слово-стимул Кемеровская область

Заключение

V. Kameneva, I. Morozova, S. Kolomiets, T. Varakina

Kemerovo State University

ul. Krasnaya 6, Kemerovo 650000, Kemerovo region – Kuzbass, Russian Federation

COMPARATIVE ANALYSIS OF IMAGES OF THE REGION IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF STUDENTS, TARGETED BY TOPONYMIC SYNONYMS AS STIMULI

ABSTRACT

Aim. To compare the images of the region, actualized by toponymic stimulus synonyms “Kuzbass” and “Kemerovo region” in the language consciousness of young people.

Methodology. The material of the study includes 723 associations obtained within the directed chain associative experiment, in which 100 students of Kemerovo State University participated.

Results. The unification of one peripheral and several nuclear thematic sectors of associative fields based on reactions to toponymic stimulus synonyms “Kuzbass” and “Kemerovo region” was revealed.

Research implications. The results of the study make a certain contribution to the development of psycholinguistic direction of research, touching upon the issues of stimulus variability. The theoretical value of the research stems from the identifying changes in the associations targeted by toponyms that were changed or merged, as in the case of Kemerovo region that was re-named officially as Kemerovo Oblast – Kuzbass three years ago.

KEYWORDS

associative experiment, image geography, onomastics, toponymy, linguistic consciousness

ВВЕДЕНИЕ

С расцветом имажинальной географии стали актуальными междисциплинарные исследования имиджа городов, областей, регионов и стран [1; 9–11; 13–15; 17; 19]. Многочисленные работы посвящены анализу роли СМИ в формировании определённого образа территорий [3; 16; 18]. Ряд исследований нацелен на выявление оценочной составляющей в имидже определённой территории, например [11]. Исследователи обращаются к различным составляющим имиджа территорий и их восприятию различными категориями людей. Кемеровская область не стала исключением. Например, И. В. Савельева рассматривает образ Кемеровской области, который сложился у туристов [12], а Н. В. Мельник и Ю. А. Макрушина – у школьников [7]. О. Н. Кондратьева и Т. И. Фролова анализируют имидж Кузбасса, сложившийся в обыденном языковом сознании жителей области [6]. Д. М. Герасимчук и Н. В. Мельник сопоставляют образы Кузбасса в восприятии жителей Кемеровской области и других регионов страны [2]. Значимы и работы по выявлению образа Кузбасса у пред-

ставителей малых коренных народов России. Так, Н. В. Мельник и Е. Е. Язева обращаются к сочинениям школьников-телеутов о родном крае [8].

Выбор стимулов *Кузбасс* и *Кемеровская область* не случаен. Кузбасс (Кузнецкий угольный бассейн) – название одного из самых крупных в стране месторождений каменного угля, расположенного в пределах Кемеровской области. Тем не менее топоним *Кузбасс* наряду с топонимом *Кемеровская область* на протяжении длительного времени использовался жителями для номинирования именно административно-территориальной единицы Российской Федерации. Как пишет Я. А. Дударева, «первичным топонимом является *Кузбасс*, появление которого относится к середине XIX века, топоним *Кемеровская область* представляет собой вторичное наименование, относящееся примерно к середине XX века» [4, с. 181]. Указ Президента Российской Федерации от 27 марта 2019 г. об утверждении нового наименования области «Кемеровская область – Кузбасс» объединил оба топонима. По утверждению исследователей, «закрепление в Конституции РФ и Уставе Кемеровской области слова “Кузбасс”, как второго названия региона, не вызвало никаких противоречий, и, собственно, представляло собой законодательное оформление существующей практики использования слова Кузбасс в качестве синонима Кемеровской области» [5, с. 69]. Новое название Кемеровской области используется уже 3 года. Предполагается, что за данный период ассоциации, вызываемые топонимами *Кузбасс* и *Кемеровская область*, должны были унифицироваться. Актуальным вопросом стало сравнение образов области, вызываемых топонимами *Кузбасс* и *Кемеровская область*, в языковом сознании студентов.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Исследование проведено с привлечением понятийно-терминологического аппарата и методов психолингвистики, а также таких общенаучных методов, как синтез, анализ и сравнение.

Алгоритм исследования включал: формирование репрезентативной выборки фактологического материала методом направленного психолингвистического цепочечного эксперимента; составление ассоциативных полей, актуализированных стимулами *Кузбасс* и *Кемеровская область*, представляющими собой топонимические синонимы; обработку полученных данных.

В эксперименте приняли участие 200 студентов Кемеровского государственного университета. Было получено 723 реакции на выбранные стимулы: на слово-стимул *Кузбасс* – 381 реакция, на словосочетание-стимул *Кемеровская область* – 342 реакции. Все полученные реакции были проанализированы по классификации Д. М. Герасимчук и Н. В. Мельник, предлагающих выделять в ассоциативных полях, получаемых на стимулы-топонимы, следующие тематические блоки: личное отношение; экономика; географические особенности; политика + властные структуры; образование + культура + наука; здравоохранение + спорт; население [2].

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ НА СЛОВО-СТИМУЛ КУЗБАСС

Личное отношение (118 реакций). Основу образа Кузбасса в сознании участников эксперимента представляет эмоционально-ценностное отношение к слову-стимулу *Кузбасс*. В состав данного сектора ассоциативного поля на слово-стимул *Кузбасс* вошли следующие реакции: *Родина* (26), *дом* (15), *сила* (10), *семья* (7), *красота* (6), *жизнь* (4), *грязь* (3), *единство* (3), *мощь* (3), *будущее* (2), *гордость* (2), *дружба* (2), *любовь* (2), *родной* (2), *счастье* (2), *безразличие* (1), *большая Родина* (1), *великий* (1), *величие* (1), *вместе* (1), *добро* (1), *дружная Родина* (1), *друзья* (1), *красивая Родина* (1), *лицемерие* (1), *лучший* (1), *любимый* (1), *малая Родина* (1), *могущество* (1), *мой город* (1), *молодость* (1), *моя Родина* (1), *радость* (1), *родной край* (1), *сердце России* (1), *сибирский дух* (1), *сила Сибири* (1), *слава* (1), *современный* (1), *соседи* (1), *уют* (1), *хорошие дороги* (1), *чёрный* (1), *щедрость* (1).

Полученные ответы свидетельствуют о положительном отношении к Кузбассу со стороны респондентов, выражаемом лексемами *Родина* (26) / *малая Родина* (1) / *моя Родина* (1) / *большая Родина* (1) / *дружная Родина* (1) / *красивая Родина* (1), *дом* (15). Положительное отношение демонстрируется посредством прилагательных *родной*, *любимый*, *великий*, *современный*, *лучший*. Лексемы *любовь*, *дружба*, *красота*, *счастье*, *гордость*, *слава*, *молодость*, *сила* позволяют говорить о доминировании положительного отношения к Кузбассу. Тем не менее были зафиксированы три реакции, свидетельствующие о негативном отношении: *безразличие* (1), *лицемерие* (1), *чёрный* (1).

Экономика (107 реакций). Вторым по значимости для респондентов выступает фактор экономики, что связано с Кузбассом как в первую очередь центром угледобычи в России. Реакции: *уголь* (55), *шахты* (18), *заводы* (3), *карьер* (3), *разрез* (3), *добыча* (2), *развитие* (2), *угольная промышленность* (2), *беднота* (1), *благосостояние* (1), *богатство* (1), *газ* (1), *грузоперевозки* (1), *катастрофы* (1), *котловина* (1), *металлургия* (1), *низкие доходы населения* (1), *полезные ископаемые* (1), *прогресс* (1), *промышленность* (1), *профессия* (1), *сельское хозяйство* (1), *стабильность* (1), *труд* (1), *угольно-металлургический бассейн* (1), *угольный бассейн* (1), *угольный разрез* (1).

Преобладают реакции, связанные с угледобывающей промышленностью: *уголь* (55), *шахты* (18), *разрез* (1), *угольный бассейн* (1), *угольная промышленность* (1). Респонденты выказали и положительную, и отрицательную оценки экономической составляющей Кузбасса: *беднота* (1), *катастрофы* (1), *низкие доходы населения* (1) / *развитие* (2), *благосостояние* (1), *прогресс* (1), *стабильность* (1).

Географические особенности (87 реакций). Данный сектор замыкает тройку ядерных (представленных многочисленными ассоциатами) секторов ассоциативного поля на слово-стимул *Кузбасс*, включая реакции: *Сибирь* (15),

природа (14), *лес* (11), *тайга* (8), *мир* (5), *р. Томь* (5), *горы* (4), *угольный край* (3), *берёзы* (2), *зима* (2), *кедр* (2), *Томская писаница* (2), *холод* (2), *бор* (1), *животные* (1), *Земля* (1), *Йети* (1), *Красное озеро* (1), *медведь* (1), *парк* (1), *просторы* (1), *река* (1), *снег* (1), *сосновый бор* (1), *шишки* (1).

Респонденты напрямую ассоциируют образ Кузбасса с территориями, где преобладают суровые климатические условия: *Сибирь* (15), *холод* (2), *снег* (1). Участники эксперимента воспринимают Кузбасс как регион с определёнными ландшафтными особенностями, со своей флорой и фауной: *природа* (14), *лес* (11), *тайга* (8), *горы* (4), *берёза* (2), *кедр* (2), *медведь* (1), *сосновый бор* (1), *шишка* (1).

Политика + властные структуры (37 реакций): *Кемерово* (9), *Россия* (4), *город* (3), *регион* (3), *Шерегеш* (3), *страна* (2), *бульвар* (1), *власть* (1), *вокзал* (1), *Волков* (1), *защита* (1), *Кемеровская область* (1), *мост* (1), *область* (1), *Сибирская сказка* (1), *столица* (1), *Тулеев* (1), *часть* (1), *З* (1), *300 лет* (1). Как видно из полученных реакций, в данном тематическом блоке доминируют топонимы и лексемы, обозначающие специфику административно-территориального деления, характерную для нашей страны.

Население (17 реакций): *шахтёры* (10), *народ* (3), *добрые люди* (1), *люди* (1), *население* (1), *сибиряки* (1). Согласно представлениям респондентов население Кузбасса состоит из *шахтёров* (10), что также свидетельствует об ассоциациях, связанных преимущественно с угольной промышленностью.

Здравоохранение + спорт (10 реакций): *тяжёлый воздух* (1), *ледовый дворец* (1), *спорт* (1), *загрязнение* (1), *экология* (1), *болезнь* (1), *атмосфера* (1), *здоровье* (1), *чистота* (1), *загазованность* (1). Данные ассоциации также составляют минимальную долю в ассоциативном поле, сформированном на основе реакций на слово-стимул *Кузбасс*. Было зафиксировано лишь 10 вербальных реакций, 4 из которых отражают отрицательное отношение со стороны респондентов: *болезнь* (1), *загазованность* (1), *загрязнение* (1), *тяжёлый воздух* (1).

Образование + культура + наука (5 реакций). Образ Кузбасса не вызывает у респондентов ассоциаций с образованием, наукой или культурой, в данной категории были зафиксированы лишь 5 ассоциатов: *песня* (1), *кадетский корпус* (1), *культура* (1), *обучение* (1), *зачёты* (1).

Ядерными составляющими образа *Кузбасс* выступают: личное отношение; экономика; географические особенности. К наименее представленным секторам ассоциативного поля относятся: политика + властные структуры; здравоохранение + спорт; население и инфраструктура; образование + культура + наука. Для визуализации полученных результатов данные представлены в виде секторной диаграммы (рис. 1).

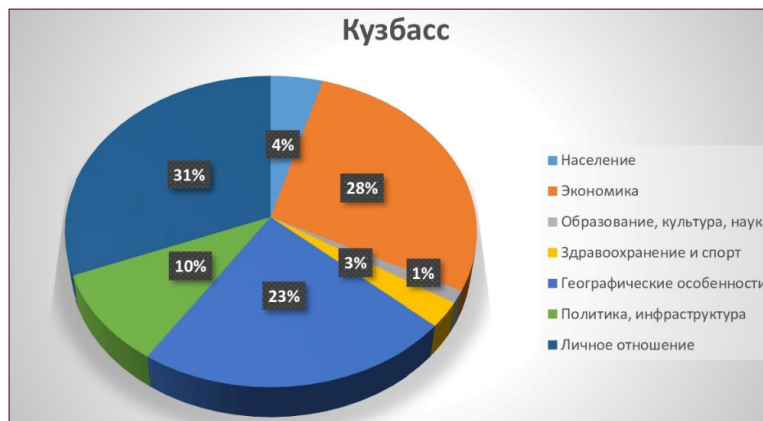


Рис. 1 / Fig. 1. Ассоциативное поле на слово-стимул *Кузбасс*, % / Associative field on the word-stimulus *Kuzbass*, %

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ НА СЛОВО-СТИМУЛ *КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ*

Политика + властные структуры (89 реакций): Кемерово (15), Кузбасс (11), Шерегеш (7), дороги (6), город (4), Тулеев (4), регион (3), губернатор (2), Зимняя вишня (2), край (2), угольная столица (2), Цивилёв (2), аэропорт (1), Белово (1), вместе мы сила (1), Волков (1), Воынов (1), г. Ленинск-Кузнецкий (1), Гурьевск (1), деревня (1), Калтан (1), Кемеровская область (1), Леонов (1), область (1), область с богатой и насыщенной историей (1), площади (1), площадь Ленина (1), посёлок (1), прекрасный край (1), Россия (1), Салаир (1), сёла (1), столица (1), столица шахтёров (1), субъект РФ (1), территория (1), трагедия на шахте (1), ужасные дороги (1), улицы (1), хорошие дороги (1), центр (1), шахтёрские города (1), С. Ф. Щербаков (1), яма (1), Z (1).

В первую очередь Кемеровская область ассоциируется у респондентов с Кемерово – столицей данной административно-территориальной единицы (15 реакций). Зафиксированы ассоциации, говорящие о том, что Кемеровская область воспринимается и как *угольная столица* (2), *столица шахтёров* (1). Отмечена ассоциативная связь между синонимичными топонимами *Кемеровская область* и *Кузбасс* (11). Ряд ассоциатов представляет собой названия городов и посёлков Кемеровской области. Респондентами были предложены и несколько антропонимов (9), именующих выдающихся деятелей и граждан Кемеровской области, которые внесли значительный вклад в развитие региона и (или) в его популяризацию. Вербальные реакции, представленные в категории **политика, власть, инфраструктура**, включают как положительную, так и отрицательную характеристики Кемеровской об-

ласти: область с богатой и насыщенной историей (1), прекрасный край (1), хорошие дороги (1) / ужасные дороги (1), яма (1).

Географические особенности (77 реакций): Сибирь (14), природа (8), леса (7), р. Томь (6), холод (4), шахтёрский край (4), лес (3), поля (3), реки (3), тайга (2), белая берёза (1), горный ландшафт (1), горы (1), жара (1), животные (1), заповедники (1), Земля (1), зима (1), Йети (1), красивые горы (1), место, где ты живёшь (1), многообразие природы (1), медведь (1), мороз (1), область в виде сердца (1), Притомье (1), простор (1), сердце угля (1), Томская писаница (1), цветы (1), часть Сибири (1), широта (1), шишка (1).

К географическим особенностям Кемеровской области, как и Кузбасса, респонденты относят расположение в Сибири (14) на р. Томь (6). Респондентами отмечаются красота и уникальность природы Кемеровской области, перечисляются представители флоры и фауны области: лес (3), тайга (2), горный ландшафт (1), заповедники (1), красивые горы (1), медведь (1), многообразие природы (1), простор (1), шишка (1).

Личное отношение (70 реакций): Родина (13), дом (12), семья (4), красота (3), малая Родина (3), жизнь (2), любовь (2), родной край (2), безнадёга (1), беспорядок (1), большая (1), вечность (1), гордость (1), грязь (1), дружная (1), жизнерадостная (1), загрязнённая (1), катастрофы (1), красивая (1), мама (1), мы (1), неповторимость (1), прошлое (1), родной и любимый край (1), объединение (1), ответственность (1), позитивная (1), родные (1), родственники (1), светлое будущее (1), сила (1), спокойствие (1), справедливая (1), тихая гавань (1), уныние (1), усталость (1), чёрный (1).

Личное отношение респондентов к Кемеровской области разделено на крайне позитивное и крайне отрицательное: любовь (2), вечность (1), гордость (1), дружная (1), жизнерадостная (1), красивая (1), позитивная (1), родной и любимый край (1), светлое будущее (1), сила (1), спокойствие (1), справедливая (1), тихая гавань (1) / безнадёга (1), беспорядок (1), грязь (1), загрязнённая (1), катастрофы (1), прошлое (1), уныние (1), усталость (1), чёрный (1).

Экономика (64 реакции). Рассматриваемый сектор замыкает ряд ядерных (представленных многочисленными ассоциатами) секторов ассоциативного поля на словосочетание-стимул Кемеровская область и включает следующие ассоциаты: уголь (29), шахта (9), добыча угля (2), заводы (2), металлургия (2), низкие доходы населения (2), промышленность (2), разрез (2), безработица (1), бесплатный уголь (1), благоустройство (1), достояние (1), Евраз (1), лучшая должность (1), металл (1), много угля (1), полезные ископаемые (1), природные ископаемые (1), стабильность (1), строительство (1), Тинькофф (1), шикарные туманы (1).

В языковом сознании респондентов Кемеровская область репрезентирована как промышленный край с угольной и металлургической промышленностями. Как следует из полученных реакций, отношение к состоянию экономики региона двоякое: у одних респондентов экономика Кемеровской области ассоциируется с чем-то стабильным, надёжным, развивающимся, у других – с бедностью и безработицей.

Образование + культура+наука (17 реакций). Кемеровская область не вызывает у респондентов ассоциаций с образованием, наукой или культурой, в данной категории были зафиксированы немногочисленные ассоциаты: образование (2), парк чудес (2), губернаторская женская гимназия (1), достопримечательность (1), институт (1), история (1), кадетский корпус (1), КемГУ (1), культура (1), наука (1), обучение (1), парк Ангелов (1), раскопки (1), фонтан (1), цирк (1).

Здравоохранение + спорт (14 реакций). Ассоциации, относящиеся к здравоохранению и спорту, также составляют минимальную долю в ассоциативном поле, сформированном на основе реакций на словосочетание-стимул Кемеровская область. Реакции: здоровье (2), карта (2), экология (2), грязный воздух (1), ледовый дворец (1), медицина (1), отдых (1), развитая медицина (1), плохая экология (1), сноуборд (1), хорошая медицина (1).

Население (11 реакций). Согласно представлениям респондентов население Кемеровской области преимущественно состоит из шахтёров. Это ещё раз подтверждает предположение, что данный регион напрямую ассоциируется с угледобывающей промышленностью. Ассоциаты: шахтёры (5), кемеровчане (1), люди (3), миграция (1), рождение (1), сильные люди (1).

Ключевыми составляющими образа Кемеровская область выступают: политика, властные структуры и инфраструктура; географические особенности; личное отношение и экономика. К наименее представленным секторам ассоциативного поля, сформированного на основе реакций, относятся: образование + культура + наука; здравоохранение + спорт и население. Для визуализации полученных результатов данные были представлены в виде секторной диаграммы (рис. 2).



Рис. 2 / Fig. 2. Ассоциативное поле на словосочетание-стимул Кемеровская область, % / Associative field for the phrase-stimulus Kemerovo region, %

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Слово-стимул *Кузбасс* в первую очередь выступает эмоциональным триггером, актуализируя оценочные реакции у молодёжи. Кузбасс воспринимается как нечто личное, значимое, связанное с их жизнью. Словосочетание-стимул *Кемеровская область* также вызывает эмоционально-оценочные реакции респондентов, но личное отношение уступает место таким тематическим блокам, как политика, властные структуры и инфраструктура, географические особенности.

Закрепление ассоциаций Кузбасса с чем-то личным, а Кемеровской области с чем-то официальным подтверждается и тем, что тематический блок **политика, властные структуры и инфраструктура** не входит в ядро ассоциативного поля со стимулом *Кузбасс*, а в ассоциативном поле со стимулом *Кемеровская область* этот тематический блок не только находится в его ядре, но и лидирует по сравнению с другими тематическими секторами.

Доминирование тематических блоков **экономика** и **географические особенности** в ассоциативных полях, сформированных на основе реакций на топонимические синонимы-стимулы *Кузбасс* и *Кемеровская область*, говорит о совпадении и унификации ядра исследуемых ассоциативных полей у респондентов. Совпадение и унификация периферии изучаемых ассоциативных полей отмечается в таком тематическом блоке, как население.

Перспективным считаем исследование различий в восприятии образа Кемеровской области представителями различных профессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутакова Д. А., Сидорова Н. В. Образ Сибирского города в представлении его жителей (на примере социологического исследования в г. Иркутске) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 4. С. 221–224.
2. Герасимчук Д. М., Мельник Н. В. Образ Кемеровской области в обыденном языковом сознании жителей страны как результат политического позиционирования региона // Филология и человек. 2019. № 2. С. 111–123.
3. Гуськова С. В. Формирование имиджа региона средствами массовой информации: опыт социологического исследования // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 11. С. 176–182. DOI: 10.26726/1812-7096-2018-11-176-182
4. Дударева Я. А. Кузбасс и Кемеровская область как топонимические синонимы // Культура и текст. 2019. № 2. С. 178–188.
5. Кичигин С. В. Проблемы использования двойных наименований субъектов Российской Федерации на примере Кемеровской области // Oeconomia et Jus. 2020. № 2. С. 68–75. DOI: 10.24412/cl-18644678
6. Кондратьева О. Н., Фролова Т. И. Образ региона в обыденном языковом сознании его жителей (на примере образа Кузбасса) // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. 2018. № 24-2. С. 78–97.

7. Мельник Н. В., Макрушина Ю. А. Образ Кузбасса в обыденном языковом сознании школьника // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5. С. 451–455.
8. Мельник Н. В., Язева Е. Е. Образ Кузбасса в представлении телеутов – малочисленного коренного народа Кемеровской области (на материале сочинений школьников села Беково) // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы III Международной научной конференции, Донецк, 25 октября 2018 г. / под ред. С. В. Беспаловой. Т. 5. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. С. 16–19.
9. Морозова Т. А. Имидж города как основа его продвижения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 1. С. 73–77.
10. Подойницына И. И. Опыт имидж-моделирования в Республике Саха (Якутия) и Республике Вьетнам // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2013. Т. 10. № 2. С. 159–164.
11. Рассадина Т. А. Имидж региона: аспекты формирования и оценки населения (на примере Ульяновской области) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 4. С. 163–178.
12. Савельева И. В. Лингвоперсонологические модели восприятия территории (на примере Кемеровской области) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 11. С. 369–373. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.77
13. Сафина А. Э. Имидж города Казани // Science Time. 2016. № 6. С. 298–304.
14. Сидорова Н. В., Струк Е. Н., Зимина Е. В. Современные бренды как образы города в представлении общественности: анализ исследований на примере города Иркутска // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 2. С. 198–206. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(2).198-206
15. Сушненкова И. А. Лингвокогнитивное моделирование как перспективный метод исследования регионального имиджа (на примере имиджа Омской области) // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 233–237.
16. Федорова Р. А. Формирование имиджа Республики Саха (Якутия) // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т. 4. № 1. URL: www.online.communicology.us (дата обращения: 20.08.2022).
17. Чевтаева Н. Г., Ручкин А. В., Сергеева Т. А. Анализ восприятия имиджа региона в общественном сознании (на примере Свердловской области) // Вопросы управления. 2017. № 2. С. 138–143.
18. Чепкасов А. В. Моделирование имиджа Кузбасса по данным СМИ // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 36–40. DOI: 10.24411/1811-1629-2018-12036
19. Шипицин А. И., Марченко А. Ю. Актуальный имидж Волгограда глазами студенческой молодежи // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 2. С. 109–118. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.10

REFERENCES

1. Butakova D. A., Sidorova N. V. [Image of Siberian city in its residents' impressions (by example of sociological survey conducted in Irkutsk)]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of Irkutsk State Technical University], 2015, no. 4, pp. 221–224.
2. Gerasimchuk D. M., Melnik N. V. [The image of "Kemerovo Region" in everyday language consciousness of the country residents as a result of the region political positioning]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology & Human], 2019, no. 2, pp. 111–123.
3. Guskova S. V. [Forming the image of a region with the help of mass media: experience of a sociological study]. In: *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Transforming the Economy], 2018, no. 11, pp. 176–182. DOI: 10.26726/1812-7096-2018-11-176-182
4. Dudareva Ya. A. [Kuzbass and Kemerovo oblast as toponymic synonyms]. In: *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 2019, no. 2, pp. 178–188.
5. Kichigin S. V. [Problems of using double names of subjects of the Russian Federation on the example of Kemerovo oblast]. In: *Oeconomia et Jus*, 2020, no. 2, pp. 68–75. DOI: 10.24412/cl-18644678
6. Kondratyeva O. N., Frolova T. I. [The image of region in ordinary language consciousness of its residents (on an example of an image of Kuzbass)]. In: *Psikholingvistika: Naukovo-teoretichnii zbirnik* [Psycholinguistics], 2018, no. 24-2, pp. 78–97.
7. Melnik N. V., Makrushina Yu. A. [The Figure of Kuzbass in the Ordinary Linguistic Consciousness of a Student]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2018, no. 5, pp. 451–455.
8. Melnik N. V., Yazeva E. E. [The image of Kuzbass in the view of the Teleuts – a small indigenous people of the Kemerovo region (based on the writings of schoolchildren in the village of Bekovo)]. In: Bepalova S. V., ed. *Donetskie chteniya 2018: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Donetsk, 25 oktyabrya 2018 g. T. 5* [Donetsk readings 2018: education, science, innovations, culture and challenges of our time: materials of the III International scientific conference, Donetsk, 25 October, 2018. Vol. 5]. Donetsk, Izdatelstvo DonNU Publ., 2018, pp. 16–19.
9. Morozova T. A. [The image of the city as the basis for its promotion]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Philology and the Arts"], 2010, no. 1, pp. 73–77.
10. Podoinitsyna I. I. [Comparative analysis in image-modeling processes in the Republic of Sakha (Yakutia) and the Republic of Vietnam]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Vestnik of North-Eastern Federal University], 2013, vol. 10, no. 2, pp. 159–164.
11. Rassadina T. A. [Regional Image: Formation aspects and population's attitude (by the example of the Ulyanovsk region)]. In: *Izvestiya vysshikh*

- uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences], 2015, no. 4, pp. 163–178.
12. Savel'eva I. V. [Linguo-personological models of territory perception (by the example of Kemerovo region)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 11, pp. 369–373. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.77
 13. Safina A. E. [The image of the city of Kazan]. In: *Science Time*, 2016, no. 6, pp. 298–304.
 14. Sidorova N. V., Struk E. N., Zimina E. V. [Modern brands as images of the city in the public opinion: an analysis of the research on the example of the city of Irkutsk]. In: *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Baikal state university], 2019, vol. 29, no. 2, pp. 198–206. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(2).198-206
 15. Sushnenkova I. A. [Linguistic and cognitive modeling as a promising method for studying the regional image (on the example of the image of the Omsk region)]. In: *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of the Omsk University], 2011, no. 4, pp. 233–237.
 16. Fedorova R. A. [The formation of the image of the Republic of Sakha (Yakutia)]. In: *Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal?* [Communicology: scientific e-journal], 2019, vol. 4, no. 1. Available at: www.online.communicology.us (accessed: 20.08.2022).
 17. Chevtaeva N. G., Ruchkin A. V., Sergeeva T. A. [Analysis of the perception of image of the region in public consciousness (on the example of Sverdlovsk region)]. In: *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2017, no. 2, pp. 138–143.
 18. Chepkasov A. V. [Modelling of the image of the Kuznetsk basin according to the media]. In: *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word Journal], 2018, no. 2, pp. 36–40. DOI: 10.24411/1811-1629-2018-12036
 19. Shipitsyn A. I., Marchenko A. Yu. [Current image of Volgograd as seen by the students' youth]. In: *Logos et Praxis*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 109–118. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.10

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 22.08.2022

Статья размещена на сайте: 17.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Каменева Вероника Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Кемеровского государственного университета; e-mail: russia_science@mail.ru

Морозова Ирина Станиславовна – доктор психологических наук, профессор, директор Института образования Кемеровского государственного университета; e-mail: ishmorozova@yandex.ru

Коломиец Светлана Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Кемеровского государственного университета; e-mail: kolomsvetlana@yandex.ru

Варакина Таисия Евгеньевна – ассистент кафедры акмеологии и психологии развития Кемеровского государственного университета, зам. директора по СБР; e-mail: varakinataisia@yandex.ru

Veronika A. Kameneva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Romano-Germanic Philology, Kemerovo State University; e-mail: russia_science@mail.ru

Irina S. Morozova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Director, Institute of Education, Kemerovo State University; e-mail: ishmorozova@yandex.ru

Svetlana V. Kolomiets – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Romano-Germanic Philology, Kemerovo State University; e-mail: kolomsvetlana@yandex.ru

Taisiya E. Varakina – Assistant, Department of Acmeology and Developmental Psychology, Kemerovo State University, Deputy Director for SVR; e-mail: varakinataisia@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Сопоставительный анализ образов области, таргетируемых топонимическими синонимами-стимулами, в языковом сознании студентов / В. А. Каменева, И. С. Морозова, С. В. Коломиец, Т. Е. Варакина // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Kameneva V. A., Morozova I. S., Kolomiets S. V., Varakina T. E. Comparative analysis of images of the region in the language consciousness of students, targeted by toponymic synonyms as stimuli. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 811

Павлычева Е. Д., Сорокина Э. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ В ПОРТРЕТЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление основных особенностей языковых средств, используемых при формировании понятия «языковая личность политика» в англоязычных источниках.

Процедура и методы. В состав комплексной методики вошли когнитивно-дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, сравнительно-сопоставительный метод. Основное содержание исследования составляет анализ англоязычных текстов лингвополитологического характера и текстов выступлений политиков.

Результаты. Проведённый анализ показал, что современные политики для создания своего имиджа (*государственный деятель*) и для получения ожидаемых результатов своих намерений при манипуляции общественным сознанием используют разнообразные языковые средства с их стилистико-функциональными особенностями.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость проведённого исследования может быть определена тем, что его результаты способны дополнить сведения о понятии «языковая личность политика», имеющиеся в новой формирующейся дисциплине – лингвополитологии. Практическая ценность заключается в возможном применении полученных результатов в вузовских курсах по общему и частному языкознанию, по общей и частной лексикологии, по стилистике английского языка и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

исследование, лингвополитология, языковые средства, специфические особенности, языковая личность

СТРУКТУРА

Введение

Исторические истоки лингвополитологии

Языковая личность политика как основной предмет изучения в лингвополитологии

Основные языковые параметры при исследовании языковой личности политика

Заключение

E. Pavlycheva, E. Sorokina

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

ON SOME LINGUISTIC PHENOMENA IN THE PORTRAIT LINGUISTIC PERSONALITY OF A POLITICIAN

ABSTRACT

Aim. To identify the main features of the language tools used in the formation of the concept of "linguistic personality of a politician" in English-language sources.

Methodology. The complex methodology includes cognitive-discursive analysis, contextual analysis, and comparative method. The main content of the study is the analysis of English-language texts of a linguo-politological nature and texts of speeches by politicians.

Results. The analysis has shown that modern politicians use a variety of linguistic means in their stylistic and functional features to create their image (statesman) and to obtain the expected results of their intentions to manipulate public consciousness.

Research implications. The theoretical significance of the conducted research can be determined by the fact that its results are able to supplement the information about the concept of "a language personality of a politician" available in a new emerging discipline – linguopolitology. The practical value in the possible application of the results obtained in university courses in general and private linguistics, in general and special lexicology, in the stylistics of the English language, etc.

KEYWORDS

research, linguopolitology, linguistic means, specific features, linguistic personality

ВВЕДЕНИЕ

Лингвополитология – молодая отрасль научного знания. Начало её оформления как самостоятельного научного направления можно отнести к 80-м гг. XX в., когда появились первые значимые работы зарубежных учёных по данной тематике. Новое направление развивается в современном отечественном языкознании стремительно и плодотворно; в его рамках активно изучаются языковые средства, призванные создавать все рассматриваемые в лингвополитологии объекты.

Высокая степень актуальности лингвополитологической тематики исходит из того, что в настоящее время практически все явления общественной жизни зависят от государственной политики и от государственных политических деятелей. Этим и объясняется острая необходимость в изучении возможностей языка участвовать в формировании имиджа политика.

Уже можно говорить о том, что лингвополитология «прошла длительный путь развития, и сегодня она несёт в себе все ведущие черты языкознания, ... активно интегрируя черты собственно политологии» [6, p. 93]. При этом следует отметить, что развитие и формирование отечественной линг-

вополитологии как одного из направлений современного языкознания не может рассматриваться в отрыве от зарубежной лингвополитологии.

Целью настоящего исследования выступили выявление и изучение основных особенностей языковых средств, используемых при формировании понятия «языковая личность политика» в англоязычных источниках. Для проведения анализа, соответствующего обозначенной цели, были использованы работы западных исследователей, опубликованные в последние годы.

Известно, что наиболее значимым в политической системе Европы и Запада вообще является ораторское искусство: способность политика произносить пламенные речи и убеждать аудиторию в своих стремлениях к идеалам. Эта способность используется для языковой манипуляции, является чрезвычайно эффективной, так как выражает «сильные намерения» и «великие мечтания», которые, обретая языковую форму, наполняют её не только лексическим, но и особым идейным содержанием. В связи с этим для анализа политической ситуации можно использовать весь арсенал лингвистической теории, чтобы рассмотреть скрытые смыслы высказываний.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИИ

Лингвополитологические аспекты по историческим меркам начали исследоваться сравнительно недавно: во второй половине XX-го столетия. Согласно мнению З. И. Комаровой, «в истории становления отечественной лингвополитологии как научного направления и гибридной науки обычно выделяют три основных этапа:

- этап становления (30–50-е гг. XX в.);
- этап оформления в самостоятельную науку, т. е. институционализация (60–80-е гг. XX в.);
- современный этап (с 90-х гг. XX в. по настоящее время)» [4, с. 25].

Считаем необходимым отметить, что работой, оказавшей значимое влияние на становление европейской лингвополитологии, стал труд Ю. Кристевой «Язык, неизвестное. Введение в языкознание» [13].

К важным произведениям следует отнести и монографию М. Франка «Политические аспекты новой французской ментальности» [10], а также «Политическую лингвистику» Я. Бломмаерта и К. Булкаена [17].

Центральным объектом исследования в лингвополитологии является понятие, обозначенное как «языковая личность политика».

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВНОЙ ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИИ

При рассмотрении с позиций антропоцентризма цель лингвополитологии сводится к нескольким аспектам исследования языка, в которых одним

из главных считается описание языковой личности. Языковая личность в лингвополитологии чаще всего представлена *языковой личностью политика*, которая и является специфическим предметом исследований. Отметим, что, согласно утверждениям, Дж. Картерис-Блэка, ораторы, которым удаётся установить контакт с аудиторией, пользуются в своих речах известными приёмами: они делают акцент на общечеловеческих ценностях и чувствах, понятных всем, говорят о том, что люди хотят услышать. Устанавливается обратная связь [9]. И при этом у произносящего речь формируется чувство взаимосвязи между идейными установками аудитории и основными понятиями политики самого оратора, возникает понимание того, что и как он может использовать в своей речи. Создаётся грамотная и тщательно лингвистически выверенная эффективная речевая стратегия выступления [6; 2; 8; 11].

Тем не менее в лингвополитологии рассматривается и процесс коммуникации как таковой. Так, Дж. Джонс и С. Уоринг уверены, что для политика недостаточно уметь лишь передать информацию. Главное, чтобы говорящий и слушающий имели один и тот же предметный интерес. В этом случае возможно установление идейной связи, в которой наиболее полно может проявиться языковая личность самого политика. Оратор будет стремиться закрепить это единство, используя различные средства [12, p. 34].

ОСНОВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА

Стремительное развитие лингвополитологии привело к тому, что в её современной теории уже имеется наличие определённых языковых параметров, предъявляемых к выделению и описанию понятия «языковая личность политика». К наиболее ярким и часто упоминаемым в исследованиях зарубежных учёных отнесены такие языковые особенности, формирующие названное понятие, как *метафора, метонимия, аналогия, местоимения, залог и акцентированные фразы, трёхчастные схемы и контрастные пары* [14, p. 3]. Рассмотрим подробнее.

Метафора – одно из самых интересных языковых явлений, изучению которого посвящены десятки научных лингвистических исследований. Метафора создаёт лингвистические символы-образы, при помощи которых абстрактные идеи приобретают вполне конкретные контуры [3]. Создаётся возможность сравнения, подобия между понятиями и объектами, что позволяет оратору лучше донести смысл своего высказывания. Посредством метафоры человек воспринимает предмет образно и эмоционально. А значит, возникает возможность доверия между говорящим и слушающим.

Описанию проявления метафоры в речевом дискурсе посвящены многие, на наш взгляд, работы как отечественных, так и зарубежных исследователей. Считаем важным подчеркнуть, что наибольшей полнотой отличается

работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона [15]. В книге «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон убедительно доказали, что повседневный язык наполнен метафорами и что метафора – это инструмент, который позволяет людям использовать знания о своём непосредственном физическом и социальном опыте, даёт человеку возможность выразить своё понимание более абстрактных вещей, таких, например, как работа, время, умственная активность, чувства.

Авторы утверждают, что концептуальная система человеческого бытия – метафорическая. Метафоры – это не просто лингвистические инструменты. Человек воспринимает мир через метафоры, которые «создают образ и апеллируют к воображению адресата, порождают смысл, воспринимаемый разумом, а также предопределяют способ и стиль мышления» [1, с. 231].

В англо-американском политическом дискурсе источником общих метафор являются такие тематические области, как «спортивные состязания» и «война». Дебаты – основная форма проведения политических кампаний. По эмоциональному накалу они сравниваются с действиями на поле боя или со спортивными состязаниями, хотя, понятно, не имеют отношения ни тому, ни к другому, т. к. не являются физическими действиями. Интересно, что английские слова “war” и “argument” считаются синонимами, но при этом являются, по сути, обозначениями абсолютно разных типов явлений [14; 16]. По нашему мнению, политический дискурс, соотносимый с тематикой реальных войн, лимитирован рядом соглашений, которые ограничивают всё то, что сказано о войне. И поэтому становится очевидной решающая роль отбора языковых средств. Занимая большое пространство в политическом дискурсе, образ-метафора «война» своей яркостью привлекает внимание и политиков, и лингвистов. Так, Дж. Лакофф при анализе американского дискурса отмечает, что при описании кампании против режима С. Хусейна в Персидском заливе в 1991 г. в американском дискурсе был использован целый арсенал метафор, оправдывавших вооружённый конфликт в этом регионе [16].

При использовании метафоры «государство–личность», по мнению Дж. Лакоффа, следует обратить внимание на то, что она скрывает. Данная метафора может отражать как экономическое, так и религиозное неравенство в государстве, разное понимание политики и действительности различными социальными слоями.

Дж. Лакофф убеждён, что Президент США Дж. Буш-старший использовал эту структуру для объяснения сложившейся ситуации в Персидском заливе. В этой ситуации США выступали в роли регулятора самозащиты, поэтому Ирак был представлен «злодеем», а Соединённые Штаты – «героем» и в то же время наряду с другими странами – «жертвой». Ирак признавался пособником преступления, которое грозило экономической смертью этим странам.

За метафорами «политика–насилие» и «политика–бизнес» кроются этика и мораль. Само явление «война» рассматривается как политика и как биз-

нес, где в первом случае – это борьба за справедливость, а во втором – материальные затраты на вооружение, лечение и в конечном итоге прибыль как цель, которую нужно достигнуть.

Метонимия – скрытое сравнение, явление, при котором какое-либо понятие заменяется словом, подходящим по смыслу. Средствами метонимии пользуются политики в своих речах для выражения ослабления или усиления ответственности. Администрация Президента Соединённых Штатов Америки часто прибегает к использованию метонимии. Применяя её в своих высказываниях, члены администрации стараются разрушить связь имени президента с негативными событиями, чтобы уменьшить его личную ответственность. И, напротив, если разговор идёт о названии государства, о его гражданах, то путём использования метонимии личная ответственность президента возрастает [3, р. 26; 4; 7, р. 259]. В дальнейшем, говорит Дж. Картерис-Блэк, «граница между лидером и страной стиралась в случае необходимости до такой степени, чтобы взгляды лидера стали голосом страны» [9, р. 175].

11 сентября 2001 г. Дж. Буш-младший после нападения на «Башни-близнецы» в Нью-Йорке выступил с заявлением, используя метонимию «правитель стоит за государство», применив её как оправдание вторжения в Ирак в апреле 2003 г. под предлогом борьбы с терроризмом.

Президент США и ведущие политики отождествили абстрактный международный терроризм с конкретными именами собственными: Саддам Хусейн – Ирак. Ирак выступал в значении государства – спонсора терроризма. В дальнейшем в силу пропаганды данная метонимическая связь укрепились: возникло сравнение С. Хуссейна с А. Гитлером [6, р. 175].

Аналогии занимают значимое место в дискурсе языковой личности политика-оратора. Суть аналогии в политическом ораторском искусстве состоит в сравнении современных событий с общеизвестными историческими в поисках схожих черт. Дж. Картерис-Блэк замечает, что Мартин Лютер Кинг часто прибегал к аналогиям в своих выступлениях: он сравнивал ситуацию активности современного ему Движения за гражданские права со временем притеснения евреев в Египте. Эти аналогии позволили ему сблизить хронологически библейское время с настоящим, при этом создать моральное видение, включающее всех американцев в новое американское национальное самосознание, лишённое этнической сегрегации. В речах М. Л. Кинга библейские ситуации превращались в прототипы современных обстоятельств, включая мессианский миф о личности его самого. Всё это является яркой иллюстрацией того, насколько сильным воздействием может обладать использование аналогий [5; 9, р. 68].

Местоимения в политическом дискурсе применяются ораторами не в чистом морфологическом виде, а с целью показать, какую меру ответственности за свои высказывания они готовы взять на себя. Известно, что грамматическая функция местоимения заключается в замене имён существитель-

ных, имён прилагательных. Так, при использовании местоимения «я» ясно прослеживается лицо, несущее ответственность, а местоимение «мы» делает эту ответственность менее чёткой, оно способно указать, во-первых, на желание политика снизить остроту своих высказываний, во-вторых, на стремление политика объединиться с аудиторией, подчеркнуть общность интересов оратора и слушателей. Как утверждает Дж. Картерис-Блэк, замечательным примером может являться британский политик У. Черчилль, который использовал в своих речах форму местоимения «мы», когда описывал военную политику Британии, как бы ассоциируя её со своими личными взглядами [3, р. 24; 6, р. 34; 9, р. 46].

Залоговые формы. В политическом дискурсе активно используются и другие грамматические средства, например, залоговые формы. Известно, что действительный залог требует наличия актора или активного предмета в высказывании, а в страдательном залоге его нет. Для подтверждения этого Дж. Картерис-Блэк приводит пример высказывания Б. Клинтона, в котором он использует переходный глагол «разрывать» в страдательном залоге: «Во всём мире люди разорваны расовыми, этническими и религиозными конфликтами, которые питают фанатизм и террор» [3, р. 30; 6, р. 125; 9]. Б. Клинтон говорит, что причиной террора являются конфликты на расовой и религиозной почве, а не конкретные личности.

В другом выступлении Б. Клинтон использует глагол «разрывать» уже в действительном залоге и объединяет его с притяжательным местоимением «наша»: «Наша цель состоит в том, чтобы объединить мир вокруг свободы, ... и выступить против тех, кто стремится разорвать его». В этом контексте слово «разрывать» соотносится со словами «*те, кто*», т. е. с конкретными акторами. Таким образом, один и тот же глагол употребляется в различных грамматических формах, где присутствует завуалированная мысль о делении общества на два лагеря: на тех, на ком лежит ответственность за разрушение мира и его распад, и на самого Б. Клинтона, находящегося в лагере тех, кто призван объединить этот мир [5; 6, р. 175]. Такие фразы привлекают журналистов и активно используются ими, поскольку через СМИ высказывания политика могут стать чрезвычайно быстро доступными аудитории.

Акцентированные фразы употребляются по причине необходимости передать смысл высказывания при использовании минимального количества слов.

Чаще всего это регулируют спичрайтеры при подготовке речей для политиков. Они учитывают особенности личности оратора, его речевого поведения. Краткость акцентированных фраз говорит о способности выступающего ясно мыслить и понятно излагать мысль, придаёт ему уверенности в себе и правоте своего высказывания. Для поддержки своей политики, особенно в вопросах войны и мира, говорящий использует акцентированные фразы, выражающие квинтэссенцию его взглядов и обеспечивающие един-

ство со слушателями в едином идейном поле [6, р. 5–6]. Если оратор намерен убедить аудиторию в правоте своих высказываний, ему необходимо говорить правду, особенно это касается важных вопросов.

Дж. Джонс и С. Уоринг считают, что при повторении акцентированных фраз, особенно многократном, происходит привыкание к услышанному и информация начинает казаться правдоподобной. Таким образом, нужная идея закладывается в умы аудитории [12].

Трёхчастные схемы. Представление новых идей в виде трёх частей, когда первая предъявляет аргумент, вторая выделяет и акцентирует внимание на первом, а третья говорит о завершении аргумента и помогает аудитории реагировать одобрением [9, р. 39]. Необходимо отметить, что в мировой культуре понятие трёхчастной структуры имеет определённо важное значение, что отражается и в языке наличием клишированных традиционных стереотипных фраз. В качестве примеров можно привести политические явления, прочно укоренившиеся в языке:

- Великая французская революция: «свобода – равенство – братство» (фр. *liberte – egalite – fraternite*);
- американская культура: «святая Троица», «три короля и счастливое число три» (англ. *lucky number three*);
- Черчиллевская триада: «кровь, пот и слёзы» (перефразированное исходное «Победа стоила крови и слёз, тяжёлого труда и пота!») [5].

Такая схема удобна для группирования важных аргументов при подготовке выступлений, что позволяет оратору показать своё умение мыслить системно.

При необходимости рассматривать разницу между идеями используется такое явление, как **контрастные пары**. Так, Дж. Картерис-Блэк говорит об использовании этого приёма в речах Президента Соединённых Штатов Америки Дж. Буша. США подаются как синоним цивилизованного мира, а Ирак – как страна «тёмного мира». Известно, что в мировом сообществе некоторые арабские страны ассоциируются с режимами, являющимися пособниками терроризма. Высказывания Дж. Буша содержат скрытое утверждение о том, что Америка и весь цивилизованный мир всегда действуют в соответствии с правовым и праведным законом, в отличие от других стран, которые связаны с преступными действиями [6, р. 181]. Политик использует контрастные пары как важное языковое средство в попытке обратить внимание аудитории на состоятельность своей риторики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвополитология, будучи междисциплинарной научной отраслью, объединяет основные понятия политологии и использует многие функции языка. Зарубежная лингвополитология, являясь формирующейся научной

дисциплиной, уже имеет некоторый методический опыт анализа политического дискурса: она даёт сегодня одно крайне важное преимущество при исследовании своих объектов – отражательную способность. Анализ работ зарубежных исследователей позволяет говорить о том, что отбор языковых средств для выступления подчиняется интенции политика. И выбор лингвистического материала (местоимения, метафора, метонимия, трёхчастные структуры, аналогии) соотносится с намерениями говорящего. Проведённый анализ показал, что современные политики для создания своего имиджа (*государственный деятель*) и для получения ожидаемых результатов своих намерений в ходе манипуляции общественным сознанием используют разнобразные языковые средства с учётом их стилистико-функциональных особенностей.

Понятие «языковая личность политика» – одно из самых сложных в современной лингвополитологии, поскольку в нём сплелись воедино черты таких явлений, как *простой человек, индивидуум, государственный деятель, глава государства, представитель общественной организации*, каждое из которых имеет свои характерологические особенности. Поэтому можно обозначить множество перспективных направлений в исследовании понятия «языковая личность политика».

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян К. Г. Метафора как средство выражения позитивной и негативной коннотации в политическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.09.2022).
2. Булгакова Ю. С. Язык лидеров: современные тенденции анализа речи президентов // Наука на благо человечества–2019: материалы Международной научной конференции молодых учёных (статьи преподавателей и аспирантов), Москва, 15–26 апреля 2019 г. / отв. ред. Е. А. Певцова. М.: Издательство МГОУ, 2019. С. 66–71.
3. Игнатенко А. В., Дорофеева Е. А. Политические метафоры в контексте стереотипизации и когнитивных искажений // Политическая лингвистика. 2022. № 3. С. 27–38.
4. Комарова З. И. Лингвополитология как частная парадигма современной лингвистики: методологический аспект // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 23–33.
5. Павлычева Е. Д. Лингвистическая основа речевых портретов в политической сфере. М.: Издательство МГОУ, 2019. 212 с.
6. Ball A. R., Peters B. G. Modern Politics & Government. London: Macmillan Press, 2000. 339 p.
7. Beard A. The Language of Politics. London: Routledge, 2000. 132 p.
8. Bulgakova Yu. S., Shabanova V. P., Eliseeva A. A. The language of leadership: analyzing public speeches of Presidents (literature review) // Leadership for the Future Sustainable Development of Business and Education: 2017

- Prague Institute for Qualification Enhancement (PRIZK) and International Research Centre (IRC) "Scientific Cooperation" International Conference, Prague, Springer-Verlag GmbH, 2018. P. 69–77.
9. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. 2nd ed. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 370 p.
10. Frank M. The political aspects of the new French mentality. Paris: Logos, 1994. 357 p.
11. Gibbs R. W. Jr. Process and products in making sense of tropes // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. pp. 175 – 199.
12. Jones J., Wareing S. Language and Politics // Language, Society and Power. London: Routledge, 1999, pp. 31–47.
13. Kristeva Ju. Le langage, cet inconnu. Une initiation a la linguistique. Paris: Editions du Seuil, 1981. 327 p.
14. Kulo L. Linguistic features in political speeches. Lulea: LUT Press, 2009. 40 p.
15. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 256 p.
16. Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf [Электронный ресурс]. [1991]. URL: <https://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04> (дата обращения: 08.10.2022).
17. Political Linguistics / ed. J. Blommaert, C. Bulcaen. Brussels: Ed. of the University of Brussels, 1997. 312 p.

REFERENCES

1. Apresyan K. G. [Positive and negative connotation of metaphors in political discourse of the United Kingdom]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 01.09.2022).
2. Bulgakova Yu. S. [The Language of Leaders: Current Trends in the Analysis of Presidents' Speech]. In: *Nauka na blago chelovechestva–2019: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh (stat'i prepodavatelei i aspirantov)*, Moskva, 15–26 aprelya 2019 g. [Science for the Benefit of Humanity-2019: Proceedings of the International Scientific Conference of Young Scientists (articles of teachers and graduate students), Moscow, April 15–26, 2019]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019, pp. 66–71.
3. Ignatenko A. V., Dorofeeva E. A. [Political Metaphors in the Context of Stereotyping and Cognitive Distortions]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2022, no. 3, pp. 27–38.
4. Komarova Z. I. [Linguopolitology as a particular paradigm of present-day linguistics: methodological aspect]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2012, no. 4, pp. 23–33.
5. Pavlycheva E. D. *Lingvisticheskaya osnova rechevykh portretov v politicheskoi sfere* [Linguistic basis of speech portraits in the political sphere]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019. 212 p.

6. Ball A. R., Peters B. G. *Modern Politics & Government*. London, Macmillan Press, 2000. 339 p.
7. Beard A. *The Language of Politics*. London, Routledge, 2000. 132 p.
8. Bulgakova Yu. S., Shabanova V. P., Eliseeva A. A. The language of leadership: analyzing public speeches of Presidents (literature review). In: *Leadership for the Future Sustainable Development of Business and Education: 2017 Prague Institute for Qualification Enhancement (PRIZK) and International Research Centre (IRC) "Scientific Cooperation" International Conference*, Prague, Springer-Verlag GmbH, 2018, pp. 69–77.
9. Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric*. New York, Palgrave Macmillan, 2011. 370 p.
10. Frank M. *The political aspects of the new French mentality*. Paris, Logos, 1994. 357 p.
11. Gibbs R. W. Jr. Process and products in making sense of tropes. In: Ortony A., ed. *Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 175 – 199.
12. Jones J., Wareing S. *Language and Politics*. In: *Language, Society and Power*. London, Routledge, 1999, pp. 31–47.
13. Kristeva Ju. *Le langage, cet inconnu. Une initiation a la linguistique*. Paris, Editions du Seuil, 1981. 327 p.
14. Kulo L. *Linguistic features in political speeches*. Lulea, LUT Press, 2009. 40 p.
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, The University of Chicago Press, 1980. 256 p.
16. Lakoff G. *Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*, 1991. Available at: <https://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04> (accessed: 08.10.2022).
17. Blommaert J., Bulcaen C., eds. *Political Linguistics*. Brussels, Ed. of the University of Brussels, 1997. 312 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 09.10.2022

Статья размещена на сайте: 18.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Павлычева Елена Дмитриевна – кандидат социологических наук, профессор кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: prod_pavlycheva@mail.ru

Сорокина Эльвира Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: ellazor@mail.ru

Elena D. Pavlycheva – Cand. Sci. (Sociology), Prof., Department of English Philology, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University; e-mail: prod_pavlycheva@mail.ru

Elvira A. Sorokina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of English Philology, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University; e-mail: ellasor@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Павлычева Е. Д., Сорокина Э. А. О некоторых лингвистических явлениях в портрете языковой личности политика // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Pavlycheva E. D., Sorokina E. A. On some linguistic phenomena in the portrait linguistic personality of a politician. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81-119

Сорокина Ю. С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДНЕВНИК КАК ФОРМА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПЕРСОНАЖА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Д. СМИТ “I CAPTURE THE CASTLE”)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить лингвостилистические и лексико-семантические особенности вербализации эмоций персонажей, характерные для жанра художественного дневника.

Процедура и методы. Исследование проведено на основе методов лингвостилистической интерпретации и лексико-семантического анализа текста с применением методов сплошной выборки, категоризации и классификации, описательного, статистического методов.

Результаты. В ходе исследования выявлено, что основные способы вербализации эмоций персонажа в тексте художественного дневника относятся к имплицитным. Анализ показал превалирование элементов с отрицательной эмотивной коннотацией. Среди стилистических средств вербализации эмоций значительная часть относится лексическим средствам выразительности.

Теоретическая и практическая значимость связаны с расширением представлений о жанре художественного дневника и вербальной репрезентации эмоций в речи персонажей, а также с возможностью применения полученных результатов в рамках преподавания дисциплин по стилистике, интерпретации текста и теории дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дневник, эмоция, вербализация эмоций, стилистические особенности, лексико-семантические особенности

СТРУКТУРА

Введение

Лингвостилистические особенности вербализации эмоций персонажей в художественном дневнике

Лексико-семантические особенности вербализации эмоций в художественном дневнике

Заключение

Yu. Sorokina

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

FICTIONAL DIARY AS A FORM OF VERBALIZING THE EMOTIONAL STATE OF THE CHARACTER (BASED ON THE NOVEL BY D. SMITH "I CAPTURE THE CASTLE")

ABSTRACT

Aim. To identify the linguo-stylistic and lexical-semantic features of verbalizing the characters' emotions typical for the fictional diary genre.

Methodology. The study was conducted using the methods of linguo-stylistic interpretation and lexical-semantic analysis of the text, using the methods of continuous sampling, categorization and classification, as well as descriptive and statistical methods.

Results. The study revealed that the predominant ways of verbalizing the emotions of a character in fictional diaries are implicit. The analysis showed the prevalence of elements with a negative emotive connotation. Among the stylistic means of verbalization of emotions a significant part belongs to lexical expressive means.

Research implications. The research results contribute to the deeper understanding of the genre of fictional diary and the verbal representation of emotions in characters' speech. It is possible to apply the results obtained in teaching stylistics, text interpretation and discourse theory.

KEYWORDS

diary, emotion, verbalization of emotions, stylistic features, lexical-semantic features

ВВЕДЕНИЕ

Репрезентация эмоций и чувств в языке уже долгое время находится в центре внимания учёных-лингвистов и изучается в рамках антропоцентрической парадигмы методами психолингвистики, когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, лингвокультурологии, теории дискурса, стилистики и других направлений науки. Значительный вклад в разработку лингвистики эмоций внёс В. И. Шаховский, установив, что «любой опыт человечества, в том числе эмоциональный, закрепляется в языковых единицах, и при их использовании человек кодированно выражает и воспринимает эмоции» [17, с. 5]. Иными словами, языковые средства фиксируют и отражают наиболее значимые для человека и общества чувства и эмоциональные состояния.

К. Изард определяет эмоцию как переживание, которое «мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия», и выделяет ряд базовых эмоций, которые условно можно классифицировать как положительные, отрицательные и нейтральные / амбивалентные с точки зрения переживающего их человека [3, с. 9]. Вербализация данных эмоций в языке

(репрезентация эмоциональных концептов) может обеспечиваться с помощью лексики, синтаксиса, кинесики, фонации, стилистики.

Особый интерес на сегодняшний день представляют развитие когнитивно-дискурсивного направления лингвистики и изучение репрезентации эмоций в языке на материале различных типов текста. Одним из ведущих литературных жанров, ориентированных на внутренний мир, состояния и переживания автора, является жанр дневника. Дневник как вид повествования от первого лица в форме ежедневных записей-заметок сформировался на основе таких литературных жанров, как исповедь, автобиография, мемуары, хроники, бытовые записки, путевые заметки и письма, часто сочетая в себе некоторые их элементы. Многие исследователи рассматривают дневниковые записи как дискурсивное пространство или тип дискурса, внутри которого формируются представления автора о себе, основанные на рефлексии и самоанализе, а также их вербальное фиксирование [5; 7–12].

Большое количество исследований русских учёных-лингвистов посвящено писательским дневникам, которые долгое время рассматривались не как отдельный жанр, а как дополнительные материалы в изучении влияния биографии писателей на их творчество. На сегодняшний день вопрос классификации форм дневникового жанра не решён окончательно. Например, Е. В. Богданова противопоставляет аутентичный / традиционный дневник (создаваемый автором для себя и не предназначенный для публикации) литературному / беллетризованному (ориентированному на читателя, иногда с вымышленными персонажами и событиями) [2]. Похожую классификацию предлагает Е. С. Антипина, разделяя формы нелитературного и литературного (художественного) дневников, а также отдельно выделяя дневники писателей как совокупность двух предыдущих [1]. Довольно часто дневниковые вкрапления рассматриваются отдельно, как повествовательный приём в рамках других жанров (романа, повести, хроники) [2; 4; 6; 16].

В нашем исследовании было принято решение выбрать в качестве исследуемого материала именно литературный (художественный) дневник, написанный от лица вымышленного персонажа, т. к. данный поджанр представлен гораздо меньшим количеством научных работ, но при этом являет собой уникальную базу для исследования вербализации эмоций повествователя и персонажей. Для анализа был выбран роман Д. Смит «I capture the castle»¹ (1949), представляющий собой довольно необычное жанровое сочетание – это художественный дневник вымышленной героини и начинающего писателя Кассандры Мортмейн, в котором прослеживается становление её личности и взросление, поэтому может также быть отнесён к категории «coming-of-age novels» (роман о взрослении, становлении личности). Актуальность исследования основана на непреходящем интересе читательской

¹ Smith D. I capture the castle. New York: Penguin Random House, 2016. 566 p.

аудитории и исследователей к жанру дневника как отражению внутреннего мира и эмоциональных переживаний автора, а также на недостаточной разработанности темы вербализации эмоций на примере поджанра вымышленного дневника. Целью данного исследования выступает выявление лингвостилистических и лексико-семантических особенностей вербализации эмоций персонажей, характерных для жанра художественного дневника, что потребует выполнения следующих задач:

- отбора языкового материала, эксплицитно или имплицитно вербализующего эмоции персонажей;
- определения лингвостилистических особенностей отобранных единиц;
- определения ведущих лексико-семантических групп, в рамках которых наиболее наглядно проявляются эмоции персонажей.

Исследование проведено на основе методов лингвостилистической интерпретации и лексико-семантического анализа текста, с применением методов сплошной выборки, категоризации и классификации, описательного и статистического методов.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДНЕВНИКЕ

В рамках исследования было проанализировано 535 страниц текста романа «I capture the castle» на английском языке. Методом сплошной выборки были выделены 2847 языковых единиц, выражающих эмоции повествователя / персонажей эксплицитно (с помощью слов-номинативов) или имплицитно.

В таблице 1 приведены примеры языковых единиц, эксплицитно называющих эмоции (эмотивы-номинативы). Исследование выявило 483 подобные единицы, из которых 318 номинируют отрицательные эмоции (ревность, ненависть, печаль, грусть, гнев, сожаление, сочувствие, смущение, скуку, разочарование, презрение, отчаяние, обиду, унижение), 116 – положительные (любовь, симпатию, счастье, радость, восторг, восхищение, уважение, удовольствие) и 49 – нейтральные или амбивалентные эмоции (спокойствие, удивление, любопытство, равнодушие). Анализируемый роман – пример интроспекции и рефлексии юной 17-летней девушки, переживающей тяготы бедности, распада семьи, предательства и несчастливой первой любви, что объясняет такой значительный количественный перевес отрицательных эмотивов-номинативов.

Таблица 1 / Table 1
 Эксплицитная вербализация эмоций (примеры) /
 Explicit verbalization of emotions (examples)

Положительные эмоции	"All I can recall is happiness . I never felt happier in my life" (счастье)
Отрицательные эмоции	"... despite sorrow for Father, pity for Rose, embarrassment about Stephen's poetry" (печаль, жалость, смущение)
Нейтральные эмоции	"She said that more in a tone of faint surprise " (удивление)

В перечень единиц, выражающих эмоции имплицитно (табл. 2), вошли 2364 примера, классифицированные нами следующим образом: описания действий и реакций персонажей, продиктованных эмоциональными переживаниями; эмоционально-оценочные выражения; фразеологические единицы; различные стилистические средства (графические, лексические, синтаксические).

Проанализируем более подробно каждую из указанных категорий.

1. Описания действий и реакций персонажей.

Выражение эмоций повествователя и описываемых ею персонажей в романе иногда передаётся через мимику, жесты, действия и реакции, например: «clapped our hands», «smiled my approval». Кассандра, автор и героиня романа, более склонна к саморефлексии, чем к бурной манифестации своих эмоций, поэтому данная категория среди отобранных примеров немногочисленна (81 единица). Особого внимания в этом пункте заслуживают примеры выражения отрицательных эмоций, а именно контекстуальные синонимы слова «плач»: «started **crying**», «**burst into tears**», «**weep** all over her gown».

Таблица 2 / Table 2

Имплицитная вербализация эмоций (примеры) /
Implicit verbalization of emotions (examples)

	Положительные эмоции	Отрицательные эмоции	Нейтральные эмоции
Описание действий / реакций	"We both clapped our hands " (радость, одобрение)	"she only cries about once a year"; "she burst into tears ",	«He looked at me with no evident expression » (спокойствие)
Эмоционально-оценочные выражения	"Oh, excellent hens!" (восторг)	" Liar! " (осуждение), " Poor Rose!" (сочувствие)	«I replied to him calmly » (спокойствие, эпитет)
Фразеология	"I thank heaven there is no cheaper form of bread than bread" (благодарность)	"She's a gold digger " (осуждение); "I ran out in the rain and screamed blue murder " (отчаяние).	"Unexpectedly, they both looked cool, calm and collected " (спокойствие).
Лексические стилистические средства	"... happiness like the warm cloak of sunlight that fell round me " (счастье, образное сравнение)	" My fire dies when it is not required" (печаль, метафора); "How I wish I lived in a Jane Austen novel! " (сожаление, аллюзия)	"I'll be kind to him in a determinedly sisterly way " (равнодушие, эпитет)
Синтаксические стилистические средства	"...Happiness, <u>happiness in my mind and in my heart</u> and flowing through my whole body" (счастье, повтор, многосоюзие).	"With every second we're together <u>he wants and he wants and he wants</u> to be loved" (раздражение, повтор, многосоюзие)	" <u>What am I to do about Stephen?</u> " (сомнение, риторический вопрос)
Графические стилистические средства	"He had a little clue that Neil was, well, interested in me" (гордость)	"I am NEVER going to fall in love" (разочарование)	–

2. Эмоционально-оценочные выражения.

Отдельную категорию среди отобранных примеров составили эмоциональные экспрессивные выражения, которые нельзя отнести к стилистическим средствам или фразеологизмам (143 примера). Как правило, это оценочные наречия или прилагательные: «**Poor** Rose!», «**excellent** hens», «**Unfortunately**, I was late». Эмоции, выражаемые данными единицами, чаще всего относятся к одобрению / неодобрению ситуации со стороны персонажа.

3. Фразеологические единицы.

Фразеологизмы являются одним из самых ярких способов вербализации эмоций и популярным материалом для лингвистических исследований текста [13–15]. Проведённый анализ позволил выявить 349 фразеологических единиц, ярко и красочно передающих негативные, позитивные и даже нейтральные эмоции персонажей. Приведём примеры:

"I ran out in the rain... and screamed blue murder" (кульминация отчаяния и горя героини, разочарование в любви).

"She's a gold digger" (осуждение одним из персонажей сестры автора, готовой выйти замуж ради денег).

"They both looked cool, calm and collected" (вербализация эмоции «спокойствие»).

4. Лексические стилистические средства.

В рамках исследования лексические стилистические средства вербализации эмоций персонажа оказались наиболее многочисленной группой (1151 пример), в которой преобладают эпитеты и метафоры. Рассмотрим наиболее яркие примеры:

1) эпитеты: *"the view is **excessively dreary**"* (описание героиней вида из окна замка);

2) метафоры: *"**My fire dies** when it is not required"* (разочарование героини в любви);

3) образные сравнения: *"...said Rose, looking **as if she were already ascending the scaffold**"* (сарказм героини по отношению к сестре, осуждение);

4) аллюзии: *"How I wish I lived in a **Jane Austen novel!**"* (сожаление героини по поводу своих жизненных обстоятельств);

5) каламбуры (игра слов): *"This is called **Composition**"; but as Allardy has painted her even paler than she is, **Decomposition** would suit it better"* (ирония героини по поводу своей мачехи);

6) гиперболы: *"**I'd marry a chimpanzee if he had money**"* (отчаяние сестры главной героини из-за бедственного положения семьи);

7) перифразы: *"once you stop believing in **an old gentleman with a beard**..."* (разочарование главной героини по поводу веры и религии);

8) ирония: “She looked rather **like a victim going to an Auto-da-Fe, but her destination was merely the bathroom**” (сарказм героини по отношению к сестре, осуждение).

5. *Синтаксические стилистические средства.*

Выявление синтаксических стилистических средств, вербализующих эмоции персонажа, выступает непростой задачей – огромную роль в их анализе имеет контекст. В рамках исследования преобладают следующие синтаксические приёмы, с помощью которых повествователь или герои романа-дневника выражали положительные или отрицательные эмоции (всего 611 примеров):

1) повторы: “With every second we’re together he wants and he wants and he wants to be loved” (раздражение);

2) многосоюзие: “...happiness in my mind and in my heart and flowing through my whole body” (счастье);

3) градация (+ параллельные конструкции): “I’m asking you, I’m begging you, I’m imploring you – don’t do this!” (страх, неодобрение);

4) апозиопезис (умолчание): “Well, once you stop believing in an old gentleman with a beard...” (упрёк);

5) эллипсис: “Are you sure? – Certain” (уверенность);

6) риторический вопрос: “What am I to do about Stephen?” (сомнение);

6. *Графические стилистические средства.*

Наиболее малочисленная категория вербализации эмоций среди стилистических средств – графические (28 примеров). В тексте выявлены примеры курсива (*italics*) и написания слов прописными буквами (*capitalization*), подчёркивающие интонацию и эмфатический характер высказывания: «I DO NOT ENVY ROSE»; «But none of it *meant* anything to me».

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДНЕВНИКЕ

Одной из задач нашего исследования является определение ведущих лексико-семантических групп, в рамках которых наиболее наглядно проявляются эмоции персонажей романа-дневника. Е. С. Антипина определяет совокупность / сочетание лексико-семантических полей (далее – ЛСП) как «лексико-семантическое пространство дневника, упорядоченную систему лексических единиц, объединённых общей семантикой и концептуальным значением, представляющих определённую понятийную сферу» [1, с. 9]. На основе проанализированного материала мы выявили следующие группы контекстов, в которых отразились эмоциональные переживания автора / героев дневника, вербализованные при помощи различных лексических единиц и стилистических приёмов, как эксплицитно, так и имплицитно (табл. 3):

Таблица 3 / Table 3

Лексико-семантические поля проявления эмоций персонажей (примеры) / Lexical-semantic fields of emotional manifestation of the characters (examples)

ЛСП «взросление / перемены»	"She is nearly twenty-one and very bitter with life" (горечь, разочарование)
ЛСП «семья / дом»	"... despite sorrow for Father, pity for Rose, embarrassment about Stephen's poetry and no justification for hope as regards our family's general outlook" (печаль, сожаление, смущение)
ЛСП «бедность / богатство»	"I'd marry a chimpanzee if he had money" (отчаяние)
ЛСП «творчество»	"He's the case of a buried talent " (сожаление)
ЛСП «любовь»	"Everything feels fractured , and my heart's still bruised " (грусть)
ЛСП «вера / религия»	"They are apt to think of God as a slot-machine " (осуждение)

1) ЛСП «взросление / перемены».

Тема взросления главной героини в романе-дневнике «I capture the castle» является главным лейтмотивом, так как 17-летняя Кассандра ведёт хронику событий на пороге взрослой жизни, рефлексировать по поводу происходящих перемен. В этих размышлениях героини преобладают отрицательные эмоции (грусть, тоска, страх, вина, уныние), виной чему её неудачная первая любовь, шаткое финансовое положение семьи и необходимость принимать серьёзные решения о своём будущем.

2) ЛСП «семья / дом».

В описании семьи Мортмейн и старого замка, в котором они живут, у автора дневника наблюдается сочетание любви, нежности и легкой иронии с целым набором отрицательных эмоций – чаще всего грустью, стыдом, смущением.

3) ЛСП «бедность / богатство».

Тема финансовых трудностей является первопричиной многих переживаний членов семьи Мортмейн. Жизнь в долг в старом разрушающемся замке вызывает у них широкий спектр отрицательных эмоций – уныние, отчаяние, страх. Бедность также толкает сестру главной героини на брак по расчёту. Однако нередко им удаётся шутить и иронизировать на этот счёт.

4) ЛСП «творчество».

Особое своеобразие романа заключается в том, что его автор также считает себя начинающим писателем, и большая часть её записей – самоанализ и рефлексия на эту тему. Автором книг также является её отец, который на момент событий романа страдает от «писательского блока», о чём очень переживает Кассандра. В рамках единиц лексико-семантического поля «творчество» примеров с отрицательной и положительной коннотациями выявлено примерно поровну.

5) ЛСП «любовь».

Лейтмотив первой любви является одним из ключевых в романе-дневнике. Обе сестры Мортмейн реагируют на проживание этого чувства по-разному, испытывая широкий спектр эмоций: от надежды, радости, счастья, восторга – до печали, грусти, отчаяния.

6) ЛСП «вера / религия».

Довольно неожиданной темой в дневнике юной девушки становятся её взаимоотношения с Богом, религией и верой. На страницах своего дневника она проходит путь от сомнений и насмешек над ритуалами и молитвами к поиску собственного понимания веры, к обретению душевного покоя в стенах церкви и разговорах с пастором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования наглядно показывают, что основные способы вербализации эмоций персонажа в тексте художественного дневника относятся к имплицитным. Анализ отобранных единиц выявил превалирование в тексте романа-дневника элементов с отрицательной эмотивной коннотацией, что может быть обосновано интроспективной и рефлексивной спецификой жанра, а также возрастом и особенностью жизненных обстоятельств вымышленного автора-рассказчицы. Среди стилистических средств вербализации эмоций значительная часть отводится лексическим средствам выразительности, что характерно для жанра беллетризованного (художественного) дневника. На наш взгляд, проведённое исследование расширяет представления о жанре художественного дневника и вербальной репрезентации эмоций в персонажной речи. Полученные результаты могут быть использованы в рамках преподавания дисциплин по стилистике, интерпретации текста и теории дискурса. Нет сомнений в том, что дневник – это поликомпонентная многоуровневая структура, комплексное описание которой является перспективной лингвистической задачей. Жанр дневника в наши дни переживает новый виток развития благодаря росту блогов и социальных сетей, что может послужить богатым материалом для последующих научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина Е. С. Лексико-семантическое пространство дневника писателя: на материале произведений И. А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2015. 194 с.
2. Богданова Е. В. Идиолект Мигеля Делибеса в его произведениях дневникового жанра: опыт лингвистического исследования: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 207 с.
3. Изард К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаева. СПб.: Питер, 2009. 460 с.
4. Калинина Е. И. Системно-структурное моделирование внутрижанрового пространства гипержанра «дневник»: на материале британской лингвокультуры: дис. ... канд. филол. наук. Новокузнецк, 2012. 184 с.
5. Леонова Е. В. Реализация стратегии самоидентификации языковой личности в дневниковом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2016. 194 с.
6. Николаичева С. С. «Дневниковый фрагмент» в структуре художественного произведения: на материале русской литературы 30–70 гг. XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 174 с.
7. Новикова Е. Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 255 с.
8. Панова А. А. Языковое конструирование личности автора дневника в религиозном дискурсе: на материале дневников русских священнослужителей второй половины XIX – первой половины XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2016. 259 с.
9. Петешова О. В. Особенности реализации языковой картины мира в текстах литературной диаристики: на материале дневников немецкоязычных писателей XX века: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009. 176 с.
10. Пугачева Е. Ю. Особенности вербализации эмоциональной составляющей социальной роли «историк» в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого и Дж. Фаулза в сопоставительном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 20.02.2022).
11. Пугачева Е. Ю. Особенности вербализации эмоциональной составляющей социальной роли «писатель» в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого и Дж. Фаулза в сопоставительном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 20.02.2022).
12. Ромашкина М. В. Дневник как литературная форма: С. Киркегор, М. Ю. Лермонтов, Ф. Кафка, А. Камю, Ж.-П. Сартр: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 182 с.
13. Сорокина Ю. С. Вариативность фразеологических единиц, обозначающих понятие «агрессия», в английской, русской и испанской языковых картинах мира // Актуальные проблемы теории и практики межкуль-

турной коммуникации / под ред. Э. А. Сорокиной. М.: Московский государственный областной университет, 2012. С. 22–27.

14. Филимонова О. Е. Категория эмотивности в английском тексте: когнитивный и коммуникативный аспекты: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2001. 382 с.
15. Филимонова О. Е. Эмоциология текста: анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб.: Книжный Дом, 2007. 447 с.
16. Чулюкина М. Г. Дневник как жанр публицистики: предметно-функциональные особенности: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 175 с.
17. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. М.: Либроком, 2012. 141 с.

REFERENCES

1. Antipina E. S. *Leksiko-semanticheskoe prostranstvo dnevnika pisatelya: na materiale proizvedenii I. A. Bunina: dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-semantic space of the writer's diary: based on the works of I. A. Bunin: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Ivanovo, 2015. 194 p.
2. Bogdanova E. V. *Idiolekt Migelya Delibesa v ego proizvedeniyakh dnevnikovogo zhanra: opyt lingvisticheskogo issledovaniya: dis. ... kand. filol. nauk* [The idiolect of Miguel Delibes in his writings of the diary genre: the experience of linguistic research: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 207 p.
3. Izard C. E. The psychology of emotions (Rus. ed.: Misnik V., Tatlybaeva A., transl. *Psikhologiya emotsii*. St. Petersburg, Piter, 2009. 460 p.).
4. Kalinina E. I. *Sistemno-strukturnoe modelirovanie vnutrizhanrovogo prostranstva giperzhanra "dnevnik": na materiale britanskoi lingvokul'tury: dis. ... kand. filol. nauk* [System-structural modeling of the intra-genre space of the "diary" hypergenre: on the material of British linguoculture: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Novokuznetsk, 2012. 184 p.
5. Leonova E. V. *Realizatsiya strategii samoidentifikatsii yazykovoi lichnosti v dnevnikovom disкурсе: dis. ... kand. filol. nauk* [Implementation of the Strategy of Self-Identification of a Linguistic Personality in Diary Discourse: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Saratov, 2016. 194 p.
6. Nikolaicheva S. S. *"Dnevnikovyi fragment" v strukture khudozhestvennogo proizvedeniya: na materiale russkoi literatury 30–70 gg. XIX veka: dis. ... kand. filol. nauk* ["Diary Fragment" in the Structure of a Work of Art: Based on Russian Literature of the 1930s–1970s XX century: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Nizhny Novgorod, 2014. 174 p.
7. Novikova E. G. *Yazykovye osobennosti organizatsii tekstov klassicheskogo i setevogo dnevnikov: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic features of the organization of texts of classical and Internet diaries: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Stavropol, 2005. 255 p.
8. Panova A. A. *Yazykovo konstruirovaniye lichnosti avtora dnevnika v religioznom disкурсе: na materiale dnevnikov russkikh svyashchennosluzhitelei vtoroi poloviny XIX – pervoi poloviny XX vv.: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic construction of the personality of the author of the diary in religious

- discourse: based on the diaries of Russian clergy in the second half of the 19th – first half of the 20th centuries: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Rostov on Don, 2016. 259 p.
9. Peteshova O. V. *Osobennosti realizatsii yazykovoi kartiny mira v tekstakh literaturnoi diaristiki: na materiale dnevnikov nemetskoyazychnykh pisatelei XX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [Features of the implementation of the language picture of the world in the texts of literary diaristics: based on the diaries of German-speaking writers of the 20th century: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Kaliningrad, 2009. 176 p.
 10. Pugacheva E. Yu. [Verbalization of the emotional aspect of “historian” social role in Leo Tolstoy’s and John Fowles’ diary discourse: comparative analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 20.02.2022).
 11. Pugacheva E. Yu. [Verbalization of the emotional aspect of “writer” social role in Leo Tolstoy’s and John Fowles’ diary discourse: comparative analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 20.02.2022).
 12. Romashkina M. V. *Dnevnik kak literaturnaya forma: S. Kirkegor, M. Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Kamyu, Zh.-P. Sartr: dis. ... kand. filol. nauk* [The diary as a literary form: S. Kierkegaard, M. Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Camus, J.-P. Sartre: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2016. 182 p.
 13. Sorokina Yu. S. [Variability of phraseological units denoting the concept of “aggression” in the English, Russian and Spanish language pictures of the world]. In: Sorokina E. A., ed. *Aktual’nye problemy teorii i praktiki mezhkul’turnoi kommunikatsii* [Actual problems of the theory and practice of intercultural communication]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2012, pp. 22–27.
 14. Filimonova O. E. *Kategoriya emotivnosti v angliiskom tekste: kognitivnyi i kommunikativnyi aspekty: dis. ... dokt. filol. nauk* [The category of emotiveness in the English text: cognitive and communicative aspects: Dr. Sci. thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2001. 382 p.
 15. Filimonova O. E. *Emotsiologiya teksta: analiz reprezentatsii emotsii v angliiskom tekste* [Emotionology of the text: analysis of the representation of emotions in the English text]. St. Petersburg, Knizhny Dom Publ., 2007. 447 p.
 16. Chulyukina M. G. *Dnevnik kak zhanr publitsistiki: predmetno-funktsional’nye osobennosti: dis. ... kand. filol. nauk* [Diary as a genre of journalism: subject-functional features: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Kazan, 2009. 175 p.
 17. Shakhovskii V. I. *Golos emotsii v yazykovom krugе homo sentiens* [The voice of emotion in the language circle of homo sentiens]. Moscow, Librokom Publ., 2012. 141 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 25.02.2022

Статья размещена на сайте: 25.10.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сорокина Юлия Сергеевна – старший преподаватель кафедры английской филологии, замдекана факультета романо-германских языков Московского государственного областного университета; e-mail: ius.sorokina@mgou.ru

Yulia S. Sorokina – Senior Lecturer, Department of English Philology, Deputy Dean, Faculty of Romanic and Germanic Languages, Moscow Region State University; e-mail: ius.sorokina@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Сорокина Ю. С. Художественный дневник как форма вербализации эмоционального состояния персонажа (на примере романа Д. Смит "I capture the castle") // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Sorokina Yu. S. Fictional diary as a form of verbalizing the emotional state of the character (based on the novel by D. Smith "I capture the castle"). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 811

Царенко Н. М.

Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, Российская Федерация

ДИСКУРС И ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР: ОПЫТ ЛИНГВОТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО И ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ исторического становления лингвистических терминов «дискурс» и «дискурсивный маркер», а также их современной трактовки.

Процедура и методы. Основным исследовательским методом стал контент-анализ научных исследований, посвящённых изучению дискурса и дискурсивных маркеров, а также терминоведческих лингвистических словарей. Проведён анализ содержания данных терминов, сделаны соответствующие выводы и обобщения.

Результаты. На современном этапе развития лингвистики «дискурс» остаётся термином, тесно связанным с текстом и речевой деятельностью человека, однако его анализ способен выявить иллокутивную и перлокутивную составляющие речевого высказывания, параллельно раскрывая особенности когнитивной деятельности говорящего. Дискурсивные маркеры, как единицы разноклассовой принадлежности, создают «метки» в речи для её более точной интерпретации реципиентом, но не меняют пропозиционного значения высказывания, а лишь дополняют его прагматической информацией.

Теоретическая значимость. Уточнена современная терминологическая интерпретация двух понятий, а именно «дискурса» и «дискурсивного маркера», тем самым создан базис для дальнейшего анализа функционирования дискурсивных маркеров в дискурсе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дискурс, дискурсивный маркер, когнитивная нагрузка, прагматика, речевая деятельность, термин

СТРУКТУРА

Введение

История становления термина «дискурс»

Дефиниции дискурса в лингвотерминологических словарях

История становления термина «дискурсивный маркер»

Дефиниции дискурсивного маркера в лингвотерминологических словарях

Заключение

N. Tsarenko

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
ul. Respublikanskaya 108/1, Yaroslavl 150000, Russian Federation

DISCOURSE AND DISCURSIVE MARKERS: EXPERIENCE OF LINGUISTIC, TERMINOLOGICAL AND LINGUISTIC-HISTORICAL ANALYSIS

ABSTRACT

Aim. To analyze historical formation of the terms “discourse” and “discursive marker” and their current interpretation.

Methodology. Content analysis, as a key research method, enables the author to study the dictionaries of the linguistic terms as well as the researches devoted to the issues of discourse and discursive markers. The author analyzed the content of the terms, summarized the information and made a number of conclusions.

Results. At the present stage of the development of linguistics, discourse remains a term closely related to the text and speech activity of a person, but its analysis enables the identification of the illocutionary and perlocutionary components of a speech utterance, simultaneously revealing the features of the speaker's cognitive activity. Discursive markers, as units of different speech parts, create “marks” in speech for its more accurate interpretation by the recipient, but do not change the propositional meaning of the utterance, merely supplying it with pragmatic information.

Research implications. The study clarifies the modern terminological interpretation of the two concepts, namely discourse and discursive marker, thereby creating a basis for further analysis of discursive markers functioning in discourse.

KEYWORDS

cognitive load, discourse, discursive marker, pragmatics, speech activity, term

ВВЕДЕНИЕ

Уже не одно десятилетие лингвистика как научная дисциплина развивается в рамках идей антропоцентризма. Понятие «дискурс» фигурирует во многих исследованиях как основная категория благодаря развитию прагматического направления. Однако сам термин «дискурс» имеет множество трактовок, что создаёт противоречия и вызывает множество вопросов. Как отмечает ряд исследователей, исчерпывающее определение дискурса ещё не выработано, так как дискурс является междисциплинарным понятием [10; 3].

И прагматика, и дискурс тесно связаны с понятием «дискурсивного маркера». Несмотря на практически пятидесятилетние исследования, учёные-лингвисты не вывели единой возможной трактовки данного понятия. Так, ряд исследователей именуёт дискурсивные маркеры (к которым, например, можно отнести такие лексические единицы, как *во-первых, затем, типа, такой, вот, так да, эммм*, и др.) «коннекторами», служащими для выражения

отношений и организации дискурса [14], «коннективами» [17], «прагматическими частицами» [23], «дискурсными маркерами» [25; 7] и др.

Размытость двух изучаемых понятий определяет актуальность и цель нашего исследования: проследить историческое становление терминов «дискурс» и «дискурсивный маркер», проанализировать их современную трактовку.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕРМИНА «ДИСКУРС»

Для того чтобы понять возможные вариации современных трактовок понятия дискурса, следует обратиться к этимологической составляющей слова. «Дискурс» (*discourse* (англ.), *Diskurs* (нем.), *discourse* (фр.)) как термин происходит от латинского «*discurrere*» – «обсуждение», «переговоры» – и стал использоваться в эпоху Возрождения в значении личностного языкового творчества через языковую деятельность¹, что затем отразилось в его соотношении с понятием функционального стиля в отечественной лингвистике [13, с. 36]. Отождествление этих понятий невозможно, так как существует конечный перечень функциональных стилей, а дискурсов может быть бесконечно много в зависимости от их интерпретации и основания для их объединения².

О. Л. Михалёва указывает на связь термина с английским словом «*discourse*», которое перешло в английский язык из латыни, сохранив значение военных действий и процесса сражения в произведениях английского поэта Э. Спенсера. Затем слово стало использоваться рыцарями для обозначения словесных состязаний, а после – монахами и студентами в процессе обучения и ведения дискуссий в соответствии со строгими правилами [12, с. 17–18].

Дальнейшее развитие понятия «дискурс» в эпоху Нового времени с подачи Р. Декарта связывается с особым понятийным типом мышления, которое должно компенсировать недостаток гносеологических способностей человека³.

В XX в. первое употребление термина относительно лингвистической науки прослеживается в работе Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» (1916 г.), где понятие «речь» трактуется как *parole* + *discours*, дальнейшего развития термин «*discours*» в работах лингвиста не получил [24, р. 31]. Позже Э. Бюиссанс критиковал соссюрский термин «*parole*», в котором можно

¹ Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Дискурс [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-philosophy-nauk.slovaronline.com/322%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81> (дата обращения: 21.07.2022).

² Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. 208 с.

³ Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Дискурс [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-philosophy-nauk.slovaronline.com/322%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81> (дата обращения: 21.07.2022).

выделить отдельную категорию «parole concrete» («конкретная речь»), что было предложено именовать термином «discours». Предполагалось, что дискурс является особой категорией лингвистики, способной объединить язык и речь (langue – discours – parole) [18, p. 99].

Отношение к дискурсу как к явлению прагматики было впервые сформулировано в понимании дискурса З. Харрисом в 1952 г. как «последовательность предложений, произнесённая (или написанная) одним (или более) человеком в определённой ситуации» [21, p. 3].

Т. ван Дейк, которого многие лингвисты именуют родоначальником полноценного направления «дискурсивный анализ», вслед за З. Харрисом охарактеризовал дискурс как «коммуникативное событие или коммуникативный акт, происходящие между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определённом временном, пространственном и прочем контексте» [5, с. 121–122]. Более того, форму и содержание дискурса определяют когнитивные установки как адресата, так и адресанта, и экстралингвистические факторы [5, с. 8]. Таким образом, связывается коммуникативная и когнитивная деятельности человека.

Многие трактовки термина «дискурс» осуществляются через его связь с текстом. Дискурс и текст могут восприниматься как синонимы (Р. Барт [1], З. Харрис [21]), текст может трактоваться как единица дискурса и наоборот (В. Е. Чернявская⁴), текст – единица языка, а дискурс – её реализация в речи в определённой ситуации (Т. Ван Дейк [5]), текст – это предмет коммуникации, а дискурс – это сам процесс (Е. С. Кубрякова [9]), дискурс может представлять собой транстекстовую (интертекстовую) структуру тематически связанных текстов (А. В. Голоднов [4, с. 70–71]).

К интересному умозаключению по поводу отношений текста и дискурса в лингвистике XIX в. приходит Ю. Е. Прохоров. Речевое произведение – это текст, а дискурс – это текст в действии, но при этом дискурс не является текстом без учёта экстралингвистических параметров, а текст не является дискурсом при их учёте. Исследователь характеризует текст как интровертивную фигуру речи, а дискурс – как экстравертивную, где понятие фигуры учитывает объёмность и линейность – и текста, и дискурса⁵.

А. Л. Ю. Буянова предлагает «формулу дискурса», где «дискурс = речь / текст + речевая / коммуникативная деятельность + социальный контекст» [2, с. 9]. Формула представляется оправданной, так как соотносится с идеями антропоцентризма, прагматической направленностью речевой деятельности в социальном контексте, а речь или текст являются результатом коммуникативной и когнитивной деятельности человека.

⁴ Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. 208 с.

⁵ Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособ. 5-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2016. 224 с.

ДЕФИНИЦИИ ДИСКУРСА В ЛИНГВОТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Для более точного понимания термина «дискурс» в современной лингвистике обратимся к дефиниции в терминологических словарях.

Так, дискурс может трактоваться как:

- связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь»⁶;
- общий термин для различных типов текста⁷;
- любая связная устная или письменная речь, созданная одним оратором или писателем или двумя или более людьми, участвующими в разговоре или письменном обмене⁸;
- поведенческая единица, имеющая в лингвистике дотеоретический статус; множество высказываний, составляющих любое распознаваемое речевое событие (не беря во внимание особенностей его построения в языковом плане), например, разговор, шутка, проповедь, интервью⁹;
- связная речь в совокупности с нелингвистическими обстоятельствами её протекания; процессуальное лингвистическое явление, где текст является результатом этого процесса¹⁰;
- интегративная совокупность текстов, связанных семантическими отношениями и объединённых в коммуникативном и функционально-целевом отношении¹¹.

Так или иначе, дискурс трактуется как сложно-компонентное явление речевой деятельности человека, результирующее в текст с учётом всех прагматических экстралингвистических характеристик.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕРМИНА «ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР»

Дискурсивный маркер (далее – ДМ) как носитель содержательной, когнитивной и прагматической информации занимает особое место в исследовании дискурса.

Сам термин ДМ появился в теории семантических типов Варшавской школы 30-х гг. XX в., где это языковое явление называли «коннектор», не

⁶ Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.

⁷ Routledge Dictionary of Language and Linguistics / H. Bussmann, K. Kazzazi, G. Trauth, comps. New York: Routledge, 1998. 560 p.

⁸ Trask R. L. Language and Linguistics: The Key concepts. New York: Routledge, 2006. 392 p.

⁹ Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2008. 560 p.

¹⁰ Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.

¹¹ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

имеющий независимого от контекста значения. Понимание В. В. Виноградовым модальных частиц как обособленных единиц речи и языка¹² вполне соответствует современной трактовке ДМ как факультативных единиц предложения, выражающих определённые значения, важные для говорящего и воспринимающего информацию в дискурсе. Языковые единицы служебного характера, отличающиеся от многозначных слов прагматической семантикой, в начале 60-х гг. XX в. французский лингвист А. Кюльоли предложил именовать «дискурсивными словами»¹³.

В лингвистике в 70-е гг. XX в. «прагматический поворот» определил развитие интереса исследователей к ДМ. Р. Лонгакер заговорил о существовании в высказывании «таинственных частиц и аффиксов», «которые способны создать определённый языковой и стилистический эффект» [22, р. 468–475]. М. А. К. Халидей и Р. Хасан подробно описали ДМ и их функционирование как элементов когезии текста как семантически целого единства. Основное внимание было сосредоточено на союзах и соединительных элементах [20, р. 392]. М. В. Ляпон называет данные языковые единицы релятивами или релятивными единицами, которые являются носителями рефлексивных комментариев говорящего к высказыванию [11, с. 15–16].

Если говорить о современном термине ДМ, ряд исследователей предлагает считать основополагающим диссертационное исследование американского лингвиста Д. Шифрин. ДМ особенно актуальны в устном дискурсе, так как они выполняют функцию «рамки» в диалоге, маркируя начало и конец одного высказывания и связывая предыдущее с последующим. Данные единицы не изменяют смысла высказывания, а лишь дополняют его с прагматической точки зрения [25].

В соответствии с контекстно-семантическим описанием любое дискурсивное слово порождает в сознании цепочку концептуально-семантических реакций, содержание которых может изменяться в зависимости от контекста [8], тем самым ДМ наделяются особой когнитивной составляющей. М. В. Каменский в своём исследовании говорит о том, что каждый ДМ обладает своей конкретной когнитивной нагрузкой, которая определяет его когнитивный потенциал [6, с. 218].

О ДМ как о единицах чисто прагматической составляющей языка говорил Б. Фрейзер. Исследователь именует ДМ прагматическими; они проясняют суть отношений между частями дискурса, так как указывают на единственно верную специфику этих отношений, задуманную автором сообщения, и исключают возможность двусмысленной трактовки высказывания реципиентом [19]. Использование именно этого термина является целесообразным,

¹² Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): учебное пособие для высших учебных заведений. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

¹³ Culioli A. La communication verbale. L'Homme et les autres: (L'aventure humaine – Encyclopedic des sciences de l'homme). Paris: Grange Bateliere, 1967. 219 p.

когда идёт речь о функционировании дискурсивных единиц на текстовом и межличностном уровнях. Понятие маркера характеризует элемент как знак или сигнал для реципиента о том, как интерпретировать сообщение говорящего, и не имеет ограничений по составу этой самой единицы [15, р. 8]. В более позднем исследовании К. Эйджмер подчёркивает рефлексивность прагматических маркеров, так как они способны отражать ментальные процессы, происходящие в сознании говорящего, тем самым выполняя функцию индикаторов металингвистической деятельности сознания [16, р. 4].

ДЕФИНИЦИИ ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА В ЛИНГВОТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

При анализе терминологических словарей по лингвистике мы столкнулись с отсутствием трактовки ДМ в большинстве случаев, что можно объяснить достаточно недавним появлением термина. ДМ может определяться следующим образом:

- лингвистическое полифункциональное средство, помогающее структурировать дискурс. Среди ДМ есть выражения, эквивалентные предложениям, и синтаксически интегрированные выражения (приложения, союзы)¹⁴;
- последовательно зависимые элементы, которые разграничивают единицы речи, такие как «хорошо» и «я имею в виду» и др.¹⁵;
- языковой инструмент структурирования дискурса (от фонетических показателей до синтаксических). ДМ – слова, фразы, звуки, не имеющие реального лексического значения, но обладающие функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих при разговоре¹⁶.

Таким образом, в настоящее время ДМ в зарубежной и отечественной лингвистике понимаются как неотъемлемые элементы дискурса с прагматическими, концептуальными и когнитивными функциями, способные дать представление о металингвистической деятельности в сознании говорящего и корректной трактовке воспринимаемого сообщения реципиентом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно заключить, что понимание термина «дискурс» прошло эволюционное развитие от восприятия в качестве обсуждения и переговоров до сложного интегративного многокомпонентного понятия, способного объяснить когнитивную и концептуальную деятельность человека, его интенции и

¹⁴ Routledge Dictionary of Language and Linguistics / H. Bussmann, K. Kazzazi, G. Trauth, comps. New York: Routledge, 1998. 560 p.

¹⁵ Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2008. 560 p.

¹⁶ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

продемонстрировать особую социально обусловленную ситуацию протекания дискурсивной деятельности через речевую деятельность, результирующую в текст.

На данный момент все исследователи сходятся во мнении, что ДМ представляют собой класс или группу гетерогенных единиц языка, выполняющих в контексте дискурса определённые прагматические функции, способствующие организации дискурса и его интерпретации, но не привносящие в пропозиционное значение высказывания никакой новой информации. ДМ как обязательные элементы дискурса способны объяснить принципы его построения, интенции и прагматическую составляющую речевой деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста / под ред. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 442–450.
2. Буянова Л. Ю. Дискурс: социокоммуникативные и культурогенные параметры интерпретации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 1. С. 7–14.
3. Буянов Н. В., Бурова Г. П. Понятие дискурса в современной гуманитарной парадигме: опыт осмысления // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6. С. 15–17.
4. Голоднов А. В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка): монография. СПб.: Астерион, 2011. 344 с.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
6. Каменский М. В. Когнитивно-дискурсивное маркирование новой и уточняющей информации с использованием дискурсного маркера «скажем так» // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 217–221.
7. Кибрик А. А., Подлеская В. И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/pdf/60.pdf> (дата обращения: 04.07.2022).
8. Киселева К. Л. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998. 447 с.
9. Кубрякова Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.

10. Кузнецова Н. В. Подходы к понятию дискурса в романской лингвистике // Постулат: [сайт]. 2018. № 2-2. URL: www.e-postulat.ru (дата обращения: 21.07.2022).
11. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
12. Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
13. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX в. / под ред. Ю. С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
14. Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя: сборник статей. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
15. Aijmer K., Simon-Vandenberghe A.-M. Pragmatic markers // Handbook of Pragmatics. 2009. Vol. 13. P. 1–30.
16. Aijmer K. Understanding Pragmatic Markers: A Variational Pragmatic Approach. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. 192 p.
17. Blackmore D. Semantic Constraints on Relevance. Oxford; New York: Blackwell, 1987. 168 p.
18. Buysens E. Les langages et le discours: Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la semiologie. Bruxelles, 1943. 99 p.
19. Fraser B. Towards a theory of Discourse Markers // Fischer K. Approaches to Discourse Particles. Amsterdam: Elsevier Press, 2005. P. 189–204.
20. Halliday M. A. K. Cohesion in English. London: Longman, 1976. 392 p.
21. Harris Z. S. Discourse Analysis // Language. 1952. Vol. 28. P. 1–30.
22. Longacre R. Mystery' particles and affixes // Papers from the 12th Regional Meeting. Chicago Linguistic Society, April 23–25, 1976. Chicago: Chicago University Press, 1976. P. 468–475.
23. Östman J.-O. 'You know': a discourse-functional approach. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1981. 91 p.
24. Saussure F. de. Cours de linguistique generale. Paris: Payot, 1997. 520 p.
25. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 328 p.

REFERENCES

1. Bart R. [Text linguistics]. In: Nikolaeva T. M., ed. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 8. Lingvistika teksta* [New in foreign linguistics. Iss. 8. Text linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 442–450.
2. Buyanova L. Yu. [Discourse: social communicative and cultural genic parameters of interpretation]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2017, no. 1, pp. 7–14.
3. Buyanov N. V., Burova G. P. [The concept of discourse in the modern humanitarian paradigm: the experience of comprehension]. In: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural Studies of Russian South], 2007, no. 6, pp. 15–17.

4. Golodnov A. V. *Ritoricheskii metadiskurs: osnovaniya pragmalingvisticheskogo modelirovaniya i sotsiokul'turnoi realizatsii (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Rhetorical Metadiscourse: Foundations of Pragmalinguistic Modeling and Socio-Cultural Realization (Based on the Material of the Modern German Language)]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2011. 344 p.
5. Dijk T. A. van. Language. Cognition. Communication (Rus. ed.: Gerasimov V. I., transl. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 p.).
6. Kamensky M. V. [Cognitive-discursive marking of new and qualifying information using the discursive marker "I'd say"]. In: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and law research], 2016, no. 2, pp. 217–221.
7. Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. *Diskursivnye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovaniya* [The role of discourse markers in local discourse structure: a corpus study]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/pdf/60.pdf> (accessed: 04.07.2022).
8. Kiseleva K. L. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticeskogo opisaniya* [Discursive words of the Russian language: experience of context-semantic description]. Moscow, Metatekst Publ., 1998. 447 p.
9. Kubryakova E. S. [On the concept of discourse and discursive analysis in modern linguistics: a review]. In: *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost'. Funktsional'nye i strukturnye aspekty* [Discourse, speech, speech activity. Functional and Structural Aspects]. Moscow, INION RAN Publ., 2000, pp. 7–25.
10. Kuznetsova N. V. [Approaches to the concept of discourse in Roman linguistics]. In: *Postulat* [Postulate], 2018, no. 2-2. Available at: www.e-postulat.ru (accessed: 21.07.2022).
11. Lyapon M. V. *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. K tipologii vnutritekstovykh otnoshenii* [The semantic structure of a complex sentence and text. On the typology of intertext relations]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 200 p.
12. Mikhaleva O. L. *Politicheskii diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya* [Political discourse: the specifics of manipulative influence]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 256 p.
13. Stepanov Yu. S. [Alternative world, discourse, fact and principle of causality]. In: Stepanov Yu. S., ed. *Yazyk i nauka kontsa XX v.* [Language and science at the end of the 20th century]. Moscow, RGGU Publ., 1995, pp. 35–73.
14. Jakobson R. [Shifters, verb categories and the Russian verb]. In: *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of different systems]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 95–113.
15. Aijmer K., Simon-Vandenberg A.-M. Pragmatic markers. In: *Handbook of Pragmatics*, 2009, vol. 13, pp. 1–30.

16. Aijmer K. Understanding Pragmatic Markers: A Variational Pragmatic Approach. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2013. 192 p.
17. Blackmore D. Semantic Constraints on Relevance. Oxford, New York, Blackwell, 1987. 168 p.
18. Buysens E. Les langages et le discours: Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la semiologie. Bruxelles, 1943. 99 p.
19. Fraser B. Towards a theory of Discourse Markers. In: Fischer K. *Approaches to Discourse Particles*. Amsterdam, Elsevier Press, 2005, pp. 189–204.
20. Halliday M. A. K. Cohesion in English. London, Longman, 1976. 392 p.
21. Harris Z. S. Discourse Analysis. In: *Language*, 1952, vol. 28, pp. 1–30.
22. Longacre R. Mystery' particles and affixes. In: *Papers from the 12th Regional Meeting. Chicago Linguistic Society, April 23–25, 1976*. Chicago, Chicago University Press, 1976, pp. 468–475.
23. Östman J.-O. 'You know': a discourse-functional approach. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 1981. 91 p.
24. Saussure F. de. Cours de linguistique generale. Paris, Payot, 1997. 520 p.
25. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 328 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 01.09.2022

Статья размещена на сайте: 18.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Царенко Наталья Михайловна – аспирант кафедры теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, ассистент кафедры английского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; e-mail: tsarenkonm@mail.ru

Natalya M. Tsarenko – Postgraduate Student, Department of the Language Theory and the German Language, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; Assistant Lecturer, Department of The English Language, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; e-mail: tsarenkonm@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Царенко Н. М. Дискурс и дискурсивный маркер: опыт лингвотерминологического и лингвоисториографического анализа // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Tsarenko N. M. Discourse and discursive markers: experience of linguistic, terminological and linguistic-historical analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-69267 от 29.03.2017 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания www.evestnik-mgou.ru

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, www.old.evestnik-mgou.ru а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU).

При цитировании ссылка на журнал «Вестник Московского государственного областного университета» обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Глазунова А. А.

Корректор:

Гладунов И. К.

Технический редактор:

Глазунова А. А.

Компьютерная вёрстка

Заботина Д. А.

Переводчик:

Юрышева Н. Г.

Системное администрирование сайта:

Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 6100,

<https://evestnik-mgou.ru>, <https://oid.evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».